

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бугалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Кирабаев Нур Серикович**, доктор философских наук, профессор (Российский университет дружбы народов, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстри**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 11.09.23.
Выход в свет 15.09.23.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 17,8.
Уч.-изд. л. 15,0.
Тираж 500 экз. Заказ 432.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **N. R. Kirabaev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Peoples' Friendship University of Russia, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEPa, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **T. A. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences"
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *E. V. Yuzhakova*
Imposition by *E. V. Yuzhakova*

Approved for printing 11.09.23.
Date of publication 15.09.23.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.

Conventional print. sh. 17,8.
Ac.-publ. sh. 15,0.
Circulation 500 copies.
Order 432. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ, ГРАММАТИКИ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ В ОБЩЕМ, СПЕЦИАЛЬНОМ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

- Азнабаева А. Ф., Новикова О. Н.* Анемонимы — гносеологические основания категоризации названий стихийных природных явлений как разряда ономастической лексики 5
- Волошина Т. Г., Лазарева Я. В.* Лингвокультурная специфика фразеологизмов с пищевым компонентом (на примере русской национальной кухни) 15
- Ошанова Е. С.* Коммуникативно-прагматические свойства модализированных конструкций на примере разноструктурных языков. 23
- Саидходжаева М. Р.* Семантические особенности терминов кровного родства (ота — отец — padre) в узбекском, русском и испанском языках. 33
- Эстири М., Эйдлак Х. Сиями.* К вопросу о смысловом значении именных субстантивных словосочетаний и выражении их коррелятов в персидском языке. 42

ВОПРОСЫ СТИЛИСТИКИ, ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА, ДИСКУРСОЛОГИИ, ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

- Воронцова Т. А., Нургалеева Д. В.* Авторские предисловия в лингвистических научно-популярных текстах: фактор адресанта. 52
- Глазкова Т. Ю.* Лингвистические особенности англоязычной, немецкоязычной и русскоязычной социальной рекламы во время пандемии 59
- Кламер И. Е.* Дискурсивное конструирование образа будущего: аксиологический аспект 67
- Никонова Е. А.* Аргументация в текстах масс-медиа как критерий жанровой дифференциации 73
- Сяоли С.* Прагматический маркер *это самое* в разных типах русской речи (сопоставительное корпусное исследование) 84

ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ, ПСИХОЛИНГВИСТИКИ, МЕДИАЛИНГВИСТИКИ, ЛИНГВОДИДАКТИКИ

- Волошина Т. Г., Нерубенко Н. В., Блажевич Ю. С.* Лингвокультурная специфика нигерийских киносценарных текстов 94
- Глазкова С. Н.* Концепт *Иванушка-дурачок*: ценностно-динамический аспект 103
- Меньшенина А. А., Миронова А. А.* Вербальные и невербальные приемы воздействия в учебном видеоконтенте. 114
- Чернявская Я. Л.* Словообразовательные модели с диминутивами в курсе русского языка как иностранного на базовом уровне 121

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

- Волошина К. С., Большак А. В., Сайбель Н. Ю.* Номинации российских исторических и социально-политических реалий: модели образования и способы перевода на английский язык 128
- Карпухина В. Н., Осокина С. А., Савочкина Е. А.* Лингвоэкология современного переводческого дискурса. 135
- Филатов О. С.* Проблема перевода научно-технических текстов: особенности и переводческие стратегии 144

CONTENTS

QUESTIONS OF LEXICOLOGY, GRAMMAR, LINGUISTIC PRAGMATICS IN GENERAL, SPECIAL AND COMPARATIVE ASPECTS

- Aznabaeva A. F., Novikova O. N.* Anonyms — epistemological basis for categorizing the names of natural phenomena as a category of onomastic vocabulary. 5
- Voloshina T. G., Lazareva Ya. V.* Linguistic and cultural specificity of phraseological units with a food component (on the example of russian national cuisine). 15
- Oshanova E. S.* Pragmatic analysis of modalized constructions in different structural languages 23
- Saidkhojaeva M. R.* Semantic structure of blood relationship terms (father — ota — padre) in the Russian, Uzbek and Spanish languages. 33
- Estiri M., Eidlak Kh. Siyami.* On the question of the semantics of Russian nominal substantive phrases and the expression of their correlates in the Persian language. 42

QUESTIONS OF STYLISTICS, TEXT LINGUISTICS, DISCOURSE STUDIES, LINGUOPRAGMATICS

- Vorontsova T. A., Nurgaleeva D. V.* Authors' prefaces in linguistic popular science texts: the addresser's factor 52
- Glazkova T. Yu.* Linguistic features of English, German and Russian social advertising during the pandemic 59
- Klamer I. E.* On discursive construction of the future world: axiological aspect 67
- Nikonova E. A.* Argumentation in mass media as a genre defining criterion 73
- Xiaoli S.* Pragmatic marker *eto samoe* in different types of russian speech (comparative corporal study). 84

QUESTIONS OF LINGUOCULTUROLOGY, PSYCHOLINGUISTICS, MEDIA LINGUISTICS, LINGUODIDACTICS

- Voloshina T. G., Nerubenko N. V., Blazhevich Ju. S.* Linguistic and cultural peculiarities of Nigerian screenplays. 94
- Glazkova S. N.* Concept *Ivanushka-durachok*: value and dynamic aspect 103
- Menshenina A. A., Mironova A. A.* Verbal and non-verbal methods of influence in educational video content. 114
- Chernyavskaya Ya. L.* Word-formation models with diminutives in the basic level training course of Russian as a foreign language 121

QUESTIONS OF TRANSLATION STUDIES

- Voloshina K. S., Bolshak A. V., Saybel N. Yu.* Russian historical and socio-political realia nominations: formation patterns and methods of translation into English. 128
- Karpukhina V. N., Osokina S. A., Savochkina E. A.* Language ecology of contemporary translator's discourse. 135
- Filatov O. S.* Scientific & technical texts translation problem: features and translation strategies. 144

**ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ, ГРАММАТИКИ,
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ В ОБЩЕМ, СПЕЦИАЛЬНОМ
И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ
QUESTIONS OF LEXICOLOGY, GRAMMAR,
LINGUISTIC PRAGMATICS IN GENERAL, SPECIAL
AND COMPARATIVE ASPECTS**

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 5–14.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(6(476):5-14. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81.373.22

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-5-14

**АНЕМОНИМЫ — ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
КАТЕГОРИЗАЦИИ НАЗВАНИЙ СТИХИЙНЫХ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ
КАК РАЗРЯДА ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ**

Альфия Фаритовна Азнабаева^{1✉}, Ольга Николаевна Новикова²

^{1,2} Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

¹ pjatashok@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5382-7824

² novikova58@bk.ru, ORCID: 0000-0002-9271-7732

Аннотация. Статья посвящена анемонимам — именам собственным стихийных бедствий. Актуальность исследования обусловлена скудными, разрозненными данными об анемонимах в российской ономастике, мало коррелирующими с результатами зарубежных исследований, в то время как на наших глазах анемоним трансформировался из маргинальной ономастической имплицатуры в самостоятельную онимную единицу, выполняющую ингерентные для всех разрядов имен собственных функции. В связи с климатическим кризисом растет число природных катаклизмов, не только наносящих колоссальный ущерб глобальной экономике, но и несущих угрозы выживанию. Выявлены лингвопрагматические условия выбора имен, истоки и современные формы антропоморфизма анемонимов. Установлено, что анемонимы образованы от антропонимов (женских и мужских личных имен), топонимов, агнионимов, каронимов, онимов из сферы биоты, а также на основе сходства по форме.

Ключевые слова: имя собственное, ураган, тайфун, анемоним, антропоним, оним, гендер, референция, мотивировочный признак, классификация, термин

Для цитирования: Азнабаева А. Ф., Новикова О. Н. Анемонимы — гносеологические основания категоризации названий стихийных природных явлений как разряда ономастической лексики // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 5–14. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-5-14.

Original article

**ANEMONYMS — EPISTEMOLOGICAL BASIS
FOR CATEGORIZING THE NAMES OF NATURAL PHENOMENA
AS A CATEGORY OF ONOMASTIC VOCABULARY**

Alfiya F. Aznabaeva^{1✉}, Olga N. Novikova²

^{1,2} Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

¹ pjatashok@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5382-7824

² novikova58@bk.ru, ORCID: 0000-0002-9271-7732

Abstract. The article is devoted to anemonyms — proper names of natural disasters. The relevance of the study is due to the scanty, fragmentary data on anemonyms in Russian onomastics that hardly correlate with the results of foreign studies, while before our eyes the anonym has transformed from a marginal onomastic implicature into an independent onymic unit that performs functions inherent to all categories of proper names. In connection with the climate crisis, the number of natural disasters is growing, not only causing enormous damage to the global economy, but also threatening survival. The linguo-pragmatic conditions for the choice of names, the origins and modern forms of anthropomorphism of anemonyms are revealed. It has been established that anemonyms are formed from anthroponyms (female and male personal names), toponyms, agionyms, caronyms, onyms from the sphere of biota, as well as on the basis of similarity in form.

Keywords: proper name, hurricane, typhoon, anonym, anthroponym, onym, gender, reference, motivational feature, classification, term

For citation: Aznabaeva AF, Novikova ON. Anemonyms — epistemological basis for categorizing the names of natural phenomena as a category of onomastic vocabulary. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):5-14. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-5-14.

Введение

Ни один объект, ни одно явление окружающей действительности, представляющее значимость для человека, не может оставаться безымянным. Изучение имен затрагивает широкий спектр научных дисциплин: лингвистику, философию, социологию, психологию, антропологию, историю, географию, право и литературоведение. Перспективы взаимопроникновения фундаментальных знаний предоставляют потенциальные возможности в управлении глобальными кризисными процессами, в том числе природными стихийными бедствиями.

Относительно недавно, в 2002 г., в издании *“A Journal of Onomastics”* была опубликована статья известного американского ученого, исследователя классических географических названий и пространственных моделей личных имен У. Зеллинского, в которой он характеризует актуальное теоретическое состояние ономастики как «дефиниционную фрустрацию», вызванную, по его словам, одержимостью ученых в их стремлении достичь строгого определения имени собственного (ИС) и установить границу между собственными и обычными существительными. На самом деле она явилась причиной отсутствия на протяжении полувека какого бы то ни было прогресса в разработке *теории имени собственного*. По его наблюдениям, личные имена и географические названия составляют тематику по меньшей мере 98 % всей существующей ономастической литературы, но сфокусироваться ученый предлагает на малоизученных или полностью игнорируемых ономастических областях, признавая при этом, что «существует большой массив терминов, попадающих в „сумеречную зону между подлинными именами и массой обычных (строчных) слов“» (*перевод наш*) [20. С. 249].

Материалы и методы исследования

В соответствии с **целью** данного исследования — доказать возможность тематической концептуализации слов, лежащих в мотивирующей основе анемонимов, — поставлена **задача** выявить гносеологические и методологические предпосылки всестороннего апостериорного анализа этого подразряда онимов. В работе применялись *индуктивный метод, методы сплошной выборки, метод сопоставительного, этимологического, контекстуального анализа*. **Материалом** эмпирического анализа послужили названия стихийных бедствий, зафиксированные в списках Всемирной метеорологической организации (*World Meteorological Organization*¹), в новостном медиадискурсе, календарях. Это позволило получить верифицируемые результаты, позволяющие говорить о достоверности выводов.

Нельзя безоговорочно согласиться с позицией С. О. Горяева относительно отсутствия необходимости строгого противопоставления номенклатурных знаков другим номинативным единицам [2]. Противоречивы, например, его суждения о графических особенностях (написание ИС с прописной буквы) как о «бросающемся в глаза показателе принадлежности слова к сфере собственных или нарицательных имен» [2. С. 129] и одновременно — нерелевантности соблюдения графической нормы для оформления анемонимов. Очевидно, подобные допущения происходят из-за достаточно обширной группы денотатов, составляющих группу **анемонимов**. **Анемоним** — это вид онима, собственного имени стихийного бедствия, в том числе ветра, урагана, тайфуна².

¹ Tropical Cyclone Naming. URL: <https://worldweather.wmo.int/en/home.html> (дата обращения: 15.01.2023).

² Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 200 с.

В мифах разных народов отражается преклонение человека перед силами природы: ветер — по «дыханию бога» определялись милосердие и кара за деяния человека. Языческие воззрения сменились монотеизмом, а почитание ветра сохранилось в народных названиях во многих культурах. Ср.: на Руси земледельческий цикл связан с ветром. О важной жизнеорганизующей роли ветра на Руси свидетельствуют тезоименные названия ветров по именам святых в народном календаре, где антропонимные названия ветров традиционно указываются без кавычек, но с прописной буквы: 10 февраля — Ефрем. Ветер понесся — к сырому году. 14 марта — Евдокия. Отколе ветер с *Евдокеи*, оттуда и все лето. 16 июня — день Лукьяна-ветренника. На Лукьяна, в канун Митрофана, не ложись спать рано, а приглядывайся, откуда ветер дует: тянет ветер с полудня (юга) — яровому хороший рост, дует ветер с гнилого угла (северо-запада) — жди ненастья. 27 августа — Михеев день. Если на Михея дуют ветры-тиховеи, будет вёдреная осень, если же *Михей* с бурей, сентябрь будет ненастный. 3 октября — Астафьев день. *Астафьевы ветры*. Коли дует северный, сердитый ветер — будет стужа недалече, южак подул — к теплу, западный — к мокроте, восточный — к вёдру¹.

Для людей, плохо осведомленных о названиях ветров, употребительных в наши дни в конкретном узусе, например, в байкальском, внеконтекстное адекватное восприятие слова *полуночник* — параллельного имени ветра *баргузин*, который иногда дует ночью (графика по [4]) — тоже представляется затруднительным. По всей вероятности, внутри подкласса анемонимов назревает противоречие, вызванное пресловутым основанием для дифференциации двух классов имен, собственных и нарицательных — наличия в семантике ИС понятийного компонента. Характер понятий, связанных с номенклатурными обозначениями, приближает анемонимы *баргузин*, *ангара* к ИС. Но использование женских и мужских личных имен для идентификации тропических циклонов как объектов вторичной номинации требует нормированного их написания со строчной буквы и в кавычках. Таким образом, графически корректны анемонимы *тайфун «Джуди»*, *шторм «Нозль»*, *циклон «Сидр»*. Причем название не склоняется в сочетании с родовым словом (Город пострадал из-за урагана «Дэннис») и склоняется, если родовое слово отсутствует (Город пострадал из-за «Катрины»).

¹ Грошев В. Д. Календарь российского земледельца (народные приметы). М.: Изд-во МСХА, 1991. 93 с.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем перейти к собственно объекту данного исследования — названиям ураганов и тайфунов, считаем необходимым обосновать обращение к этому, на первый взгляд, мало актуальному для отечественной ономастики и в целом лингвистики, с точки зрения прагматической ценности для смежных областей знаний (экономики, географии, метеорологии, социологии, психологии, коммуникации, политики и др.) уже в силу природно-географической специфики России, разряду онимов. Упомянутая выше проблема отсутствия на сегодняшний день единой, удовлетворяющей интересам всех сторон теоретической концепции обсуждается сегодня и в среде российских ономастов. Впрочем, беглый обзор докладов международных ономастических конгрессов ICOS (International Congress of Onomastic Sciences) — последний, 27-й в частности, состоявшийся 22–27 августа 2021 г. в Кракове (Польша), посвященный взаимодействию ономастики с другими областями наук, свидетельствует о неуклонном расширении горизонтов ономастического поля, следовательно, и тщетности попыток объяснить естественное функционирование языка, загоняя его в сугубо формализованные системы. Тем не менее, идея составления перекрестных таблиц, наложения множества профилей разных разрядов ИС может пролить свет на внутренние механизмы процесса номинации и положить начало выдвижению гипотез для достижения глубинной сути теории ИС [9; 21]. У Зелинского не убедили принципы систематизации имен его предшественников Г. Стюарта [19], Ф. Нуэссела [14], Б. Пампа [15]. Не совсем внятными ему показались и определение ИС Э. Пулграма, виднейшего представителя *Американского ономастического общества (American Name Society)*: «...имена существительные, которые используются не в универсальной функции или без распознаваемого, исторически сложившегося лексического значения, потенциальное значение которого совпадает с фактическим значением и никогда не превышает его, и которое прилагается в качестве обозначения одного одушевленного или одного неодушевленного объекта с целью конкретного выделения из ряда подобных или в некотором отношении сходных существ или объектов» (*перевод наш*) [16. С. 49]. Ставя задачу создания всеобъемлющей номенклатуры ономастических терминов по аналогии с классификацией биологических видов К. Линнея, У. Зелинский разрабатывает свою таксономию ИС: восемь групп, включая группу

терминов, не поддающихся классификации, имеющих иерархическую организацию иногда до трех уровней, охватывающую в общей сложности более 130 типов ИС [20. С. 253].

С мнением американского исследователя можно согласиться: пограничная зона онимного поля — анемонимы — является, пожалуй, самым богатейшим материалом для ономастических исследований, так как этот вид онимов тесно связан с центром ономастического поля, именами личными людей: *Фред, Берта, Ирма, Генри, Джулия, Артур, Моника, Боб* и т. д. Безымянному явлению присваивается имя, и не просто, а имя человека. Как они вписываются в систему онимов и как меняют картину мира, поскольку представляют собой одну из самых юных групп проприальной лексики?

Прорывной вехой в отечественной ономастике можно считать классификацию ИС А. В. Суперанской, принявшей за основу систематизацию немецкого ономаста А. Баха [10] и выделившей десять типов ономастических разрядов. Практическим же инструментарием для большинства современных ономастов в России служит *Словарь русской ономастической терминологии* Н. В. Подольской¹. Интересно, что в онимном поле категории «Собственные имена комплексных объектов» (*фалеронимы, хрононимы, документонимы*) А. В. Суперанской пока нет соответствующего термина для стихийных бедствий. Но уже в словаре Н. В. Подольской, ответственным редактором которого выступила А. В. Суперанская, находим термин «анемоним» (греч. άνεμος — «ветер») — «вид онима, собственного имени стихийного бедствия, в том числе ветра, урагана, тайфуна»². Лишь в последние годы анемоним, будучи вспомогательной, периферийной единицей одной из наиболее антропоцентрических областей языкознания, стал привлекать внимание отечественных ономастов [1; 3; 4; 8].

Во избежание путаницы между номенклатурными терминами (дуб) и собственно именами (Дуб Авраама) считаем необходимым обратиться к референциальной функции имени. Так, П. Куслий считает ключом к пониманию отличия имен как жестких десигнаторов (термин С. Крипке) от имен как сокращенных дескрипций отсутствие у первых дескриптивного содержания (смысла). Двойственность функционирования имени связана с различием между ситуациями референции

¹ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии.

² Там же.

de re (лат. *res* — «вещь») — знание объекта по знакомству и *de dicto* (лат. *dictum* — «слово») — знание объекта по описанию [5. С. 80]. Проиллюстрируем концепцию П. Куслия следующим примером: “*Camille was no lady but Katrina was a bitch: gender, hurricanes & popular culture*” — такое нетривиальное название для своего исследования выбрала Э. Скилтон, ставя задачу доказать влияние представлений о гендере на восприятие ураганов в регионах, которые непосредственно пострадали от стихии, и на риторику в культурном пространстве США в целом [17]. Но нас интересует референтная связь между именем (имя личное женское *Camille*, имя личное женское *Katrina*), употребленным без сопровождающего родового апеллятива, и вещью (ураган). Она одинаково очевидна и для непосредственных свидетелей событий по описанию (знание по знакомству), и для людей, не являющихся свидетелями тех катастрофических событий (знание по описанию), и достигается посредством фреймовой организации языковой репрезентации знания о типизированной ситуации. К тому же, большое значение имеет фактор прецедентности имени: лишь в *корпусе современного американского английского языка (COCA)*³ на дату обращения к источнику (07.01.2023) — 9084 (!) упоминаний анемонима *Katrina*. Когда ураганы наносят значительный ущерб, их имена упоминаются чаще, что позволяет большему числу людей познакомиться с фонемами в имени. Параллельно с социо- и психолингвистическими исследованиями названий ураганов в США проводились фоносемантические эксперименты. Так, группа ученых, доказывая корреляцию между частотными фонемами в именах ураганов и детских именах, выявила влияние фонемы в названиях разрушительных ураганов на популярность имен для новорожденных. Например, после урагана 5-й категории «Катрина» количество имен с сильной согласной фонемой [k] (*Katie, Carl, Karen*) увеличилось на 9 % [11].

Если обратимся к символической функции имени, то обнаружим аллюзивную связь между прецедентным именем и прецедентным символом, не имеющим непосредственного отношения к прецедентному событию: «*Калавера Катрина*» (исп. *La Calavera de la Catrina*) — цинковая гравюра мексиканского художника Хосе Нуадалупе, известная также как «*Череп Катрины*», «*Леди*

³ Корпус современного американского английского языка (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 15.01.2023).

мертвых», «Великая Дама Смерти», неотъемлемая часть изобразительного искусства Мексики (День мертвых, отмечаемый 1–2 ноября — один из наиболее почитаемых праздников в Мексике). Самый разрушительный в истории США ураган «**Катрина**» унес жизни 1836 человек. Если обратимся к динамическому аспекту аксиологической коннотации ИС (эмоционально-стилистическая функция ИС), то по заголовку заметки ежедневного издания “*New York Times*” от 13 мая 2007 г. *Hurricane Dealt Blow to Popularity of Katrina as Baby Name*¹ увидим, насколько значительно ураган «**Катрина**» повлиял на американский женский именник: по данным издания, из-за негативных ассоциаций имя **Katrina**, входившее в 80-е гг. прошлого столетия в список ста самых популярных женских имен в США, в 2007 г. занимало лишь 382-ю строчку.

Важно разграничить лингвистический и экстралингвистический компоненты ИС, в противном случае любая классификация ИС превратилась бы в классификацию экстралингвистического мира, но не имен. Именно поэтому отечественные лингвисты призывают изучать лингвистический («особые мотивы именования, специфика существования имени в языке, его современное восприятие, история имени, этимология его основы») и экстралингвистический («особые условия существования имени в обществе, культурно-исторические ассоциации, с ним связанные, специфика связи имени с именуемым объектом, степень известности объекта и его имени») компоненты значения ИС [7. С. 256].

Возвращаясь к теме места анемонимов в ономастической системе языка, отметим, что не существует ограничения количества референтов, которые вообще могут получить имя. При этом очевидно, что «ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом, ибо конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [6. С. 65]. Определенных результатов в исследовании можно добиться, сфокусировав внимание на мотивировочных признаках именования новых явлений и объектов окружающей действительности (ономастиология): мотивировочный признак слова ураган — страх коренных народов Карибского бассейна и Флориды *караибов* и *таино* перед божеством стихии, зла и ветра **Huracán**

¹ Hurricane Dealt Blow to Popularity of Katrina as Baby Name. URL: <https://www.nytimes.com/2007/05/13/us/13names.html> (дата обращения: 15.01.2023).

(от *Jun Raqan* — «одноногий»). А можно направить вектор исследовательского интереса в другую сторону и понаблюдать, как расширяется и изменяется значение определенного выражения (семасиология): ураган **Окичоби** (1928 г.) известен также под своим вторым названием ураган «**Сан-Фелипе II**» (*the San Felipe Segundo hurricane*). У исследователя непременно возникает желание знать причины ономастической дублетности. Здесь снова не обойтись без поисков внутренней стороны, то есть мотивировочного признака имени: **Окичоби** — оттопонимный анемоним, образованный от названия крупнейшего пресноводного озера в штате Флорида. Почему **Сан-Фелипе** (*San Felipe*)? Анемоним образован от эортонима (греч. *ἑορτή*, *εορτή* — «праздник», вид онима, имя собственное церковных праздников) **День святого Филиппа** — католического праздника, отмечаемого 13 сентября (день смерти короля Испании **Филиппа II**, истового защитника католической Европы от ислама и протестантизма). Циклон обрушился на сушу 13 сентября 1928 г. Почему **II**, «второй»? Для полноты тезоименности? Возможно, если бы не тропический циклон сезона атлантических ураганов «**Сан-Фелипе**» (*the San Felipe hurricane*), обрушившийся на Пуэрто-Рико ровно в этот же день в 1876 г. и получивший это официальное название. Именованье событий с одинаковой мотивировкой посредством добавления римских цифр с целью однозначной идентификации принята и для других ураганов: «**Булавка № 4**», «**Сан-Каликсто II**».

Именованье и истолкованье имен являются действием как личности, так и общества. В отличие от имянаречения ребенка, при котором имядатель исходит из субъективных предпочтений, процесс создания имени для объектов, принадлежащих всему обществу, создание национального реестра имен — это коллегиальное экспертное решение, требующее одобрения всего языкового сообщества. Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК) был подготовлен «Специальный доклад по управлению рисками экстремальных явлений и бедствий для содействия адаптации к изменению климата (СДЭБ)» для всесторонней, объективной, открытой оценки имеющейся научно-технической и социально-экономической информации для содействия пониманию научной основы риска изменения климата².

² Управление рисками экстремальных явлений и бедствий для содействия адаптации к изменению климата: Резюме для политиков. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/03/IPCC_SREX_RU_web-1.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

В 2015 г. в Гидрометцентре России было принято решение давать имена опасным погодным явлениям, действующим на территории страны, интегрировав российскую систему в европейскую и дальневосточную, чтобы повысить уровень осведомленности населения об их опасности. По результатам всероссийского голосования Гидрометцентр России одобрил мужские имена: *Артеми́й, Булат, Витус, Глеб, Даниил, Егор, Ждан, Захар, Иван, Кирилл, Лев, Матвей, Нестор, Оскар, Петр, Ринат, Северин, Тимур, Устин, Фадей, Харитон, Цезарь, Эльдар, Юрий, Ярослав*; женские: *Агния, Белла, Вера, Галина, Дарья, Елена, Жанна, Зара, Инга, Карина, Лидия, Мария, Нина, Оксана, Полина, Роза, Снежана, Тамара, Ундина, Фаина, Харита, Чеслава, Элина, Юлиана, Яна*. Уже в декабре 2015 г. в Крыму и Краснодаре со скоростью 25 м/с «дебютировал» ураган «*Артеми́й*». Аргументируя свою позицию примерами российских регионов (Приморье, Сахалин, Курильские острова), куда периодически приходят тайфуны из Филиппинского моря лишь в стадии затухания, Р. Вильфанд, научный руководитель Гидрометцентра России, говорит о нецелесообразности присвоения внетропическим циклонам названий¹. Алармистская риторика российских средств массовой информации («Москве угрожает „Таня“! Кто и зачем дает имена циклонам?»²; «В Гидрометцентре описали маршрут урагана „Сара“»³; «Супертайфун Хиннамнор обрушился на Приморье»⁴) не выглядит обоснованной. Возрастает роль языка как регулятора социальной деятельности человека с точки зрения управления рисками и оценки потенциального ущерба от циклонов на территории России.

Стройной выглядит система именования ураганов и тайфунов, принятая *Всемирной метеорологической организацией (World Meteorological Organization)*⁵. *Международный алфавит орфо-*

*графии радиотелефонной связи, или фонетический алфавит НАТО [WWII CCB (ICAO) and NATO]*⁶, представляющий собой набор четких кодовых слов для передачи 26 букв латинского алфавита, используется с 1956 г. для геолокации ураганов: *Alfa, Bravo, Charlie, Delta, Echo, Fox-trot, Golf, Hotel, India, Juliett, Kilo, Lima, Mike, November, Oscar, Papa, Quebec, Romeo, Sierra, Tango, Uniform, Victor, Whiskey (Washington в исламских государствах), X-ray, Yankee, Zulu*.

До официальной системы присвоения имен ураганам и тайфунам их называли бессистемно: «*Антые*» (вторичная номинация — анемоним образован от каронима “Antje” — судна Королевского военно-морского флота Великобритании); в честь святых «*Сан-Каликсто*», «*Санта-Анна*», «*Сан-Фелипе*», «*Сан-Фелипе II*» (от агиоантропонимов — имен личных великомучеников *Salixto, Anna, Felipe*); населенного пункта «*Ураган в Новой Англии*» (регион, включающий шесть штатов США: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Вермонт и Род-Айленд), «*Галвестонский ураган 1900 года*» (от ойконима Галвестон — город в штате Техас); по сходству формы «*Булавка*»; в честь мифических героев; репрезентацией эмотивной номинации являются имена политиков для названий тропических циклонов: австралийский метеоролог К. Л. Рагг использовал личные имена из-за отказа правительства Австралии выделить субсидии на создание федерального бюро погоды и метеорологические исследования. Чтобы ускорить передачу информации, летчики вместо расчетов широты и долготы при обозначении района движущегося шторма во время Второй мировой войны стали использовать имена жен, матерей, сестер, возлюбленных⁷.

В начале 1950-х гг. в США была принята система названий ураганов из женских имен. Право на собственное имя имеет циклон с 10-минутной устойчивой скоростью ветра 65 км/ч (40 миль в час). С 1978 г. Всемирная метеорологическая организация ООН использует списки названий тропических циклонов для каждого района Мирового океана. «Тропические циклоны называют женскими именами, потому что они такие же загадочные, приходят непонятно откуда и забирают с собой самое дорогое», — считает доцент

¹ Вильфанд развеял мифы про «именные циклоны». URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/775316-vilfand-gazveial-mify-pro-imennye-tsiklony> (дата обращения: 18.01.2023).

² Москве угрожает «Таня»! Кто и зачем дает имена циклонам? URL: <http://bit.ly/3J1S1j6> (дата обращения: 17.01.2023).

³ В Гидрометцентре описали маршрут урагана «Сара». URL: <https://tvzvezda.ru/news/202011231127-PvoFR.html> (дата обращения: 18.01.2023).

⁴ Супертайфун Хиннамнор обрушился на Приморье. URL: <http://bit.ly/3kyEWn6> (дата обращения: 18.01.2023).

⁵ Tropical Cyclone Naming. URL: <https://worldweather.wmo.int/en/home.html> (дата обращения: 12.01.2023).

⁶ North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/declassified_136216.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 12.01.2023).

⁷ Tropical storms were once named after wives, girlfriends, and disliked politicians. URL: <http://bit.ly/3XFV0iE> (дата обращения: 16.01.2023).

кафедры метеорологии, климатологии и охраны атмосферы Российского государственного гидрометеорологического университета А. Лебедев¹.

В фокусе внимания психо- и социолингвистических исследований западных коллег находятся гендерные стереотипы. Существуют экспериментально доказанные выводы о большем количестве жертв и масштабе разрушений ураганов с женскими именами вследствие ненадлежащей подготовленности населения к удару стихии из-за стереотипного восприятия женского имени с присущими ему коннотациями мягкости и слабости [18]. Небезосновательны результаты ученых, полученные с привлечением статистических данных, опровергающие эту точку зрения [12; 13].

На протяжении полутора веков названия ураганов были «чреваты расизмом и сексизмом, личными предпочтениями и кровной мстью» (*перевод наши*), сообщается в проекте *Atlas Obscura*². Произвольные ассоциации женщины с катастрофой, а также сексистские эпитеты и метафоры для описания тропических циклонов «температурный», «дразнить», «флиртовать» спровоцировали протестное феминистское движение и «ответный» окказиональный неодериват “*him-icane*” вместо “*her-icane*” — омофон слова “*hurricane*”. С 1979 г. в реестре ураганов США появились мужские имена. В редакционной статье “*Washington Post*” выдвигается аргумент в пользу эвфоничных женских имен: «многие мужские имена не передают ни романтики, ни срочности, которых могли бы потребовать обстоятельства»³ (*перевод наши*). В контексте феминистских рассуждений о гендерном равенстве концепт женскость/мужскость в актуальной языковой картине мира формируется за счет использования кратких имен, легко запоминающихся (мнемонический принцип), самоочевидных (принцип транслируемости культурного содержания, семантический уровень), дистриктивных в письменной (графический уровень) и устной (фонетический уровень) речи. Принцип чередования мужских и женских имен в алфавитном порядке, начиная с мужского, безусловно, упрощает гендерную идентификацию: *Арлин, Брет, Синди, Дон, Эмили,*

¹ «Катрина», «Хиннамнор» и другие: как дают имена ураганам и тайфунам. URL: <http://bit.ly/3wglMoM> (дата обращения: 17.01.2023).

² В Гидрометцентре описали маршрут урагана «Сара». URL: <https://tvzvezda.ru/news/202011231127-RvoFR.html> (дата обращения: 15.01.2023).

³ Супертайфун Хиннамнор обрушился на Приморье. URL: <http://bit.ly/3kyEWn6> (дата обращения: 18.01.2023).

Франклин, Герт, Гарольд, Идалия, Хосе, Катя, Ли, Марго, Найджел, Офелия, Филипп, Рина, Шон, Тэмми, Винс, Уитни — имена циклонов в Карибском море, Мексиканском заливе и Северной Атлантике для 2023 г.; *Адриан, Беатрис, Кельвин, Дора, Юджин, Фернанда, Грег, Хилари, Ирвин, Йова, Кеннте, Лидия, Макс, Норма, Отис, Пилар, Рамон, Сельма, Тодд, Вероника, Уайли, Ксина, Йорк, Зельда* — имена циклонов в северо-западной части Тихого океана.

В медийном дискурсе, безусловно, доминируют имена ураганов Атлантического бассейна. Но от тропических циклонов страдают и Австралия, и Индия, и Япония. Региональный специализированный метеорологический центр (РСМЦ) в Токио — Центр по тайфунам — присваивает тропическим циклонам имена из перечня с четырехзначным идентификационным номером⁴. В японской картине мира женщины — существа нежные, тихие, в то время как отражением гендерных стереотипов в западной картине мира служат устойчивые словосочетания «женская непредсказуемость» vs «мужская логика». Списки имен для тайфунов 14 стран тихоокеанского региона формируются исходя из того, в зоне какой страны был зафиксирован тропический циклон — *тайфун* (др.-греч. Τυφῶν — мифическое чудовище, олицетворяющее бури и ветры; кит. 颱風, яп. 台風 — «великий ветер»), и отражают этнокультурные особенности страны. Так, в производящей основе анемонимов — зооморфная лексика «Коину» (яп. 子犬 — «щенок»), «Кудзира» (яп. 鯨 — «кит»), «Байлу» (кит. 白鹿 — «белый олень») — прослеживается зооморфная эпоха обожествления силы природы и поклонения ей. К названию добавляется четырехзначный номер «0416» для тайфуна «Chaba» — тайск. ๗๗ «гибискус» — 16-й тайфун в 2004 г. Изменения вносятся в перечни только в том случае, если последствия шторма были настолько губительны или разрушительны, что дальнейшее использование этого имени для другого шторма было бы неуместным: *Манхут* (Филиппины, 2018 г.), *Ирма* и *Мария* (Карибский регион, 2017 г.), *Хайян* (Филиппины, 2013 г.), *Сэнди* (США, 2012 г.), *Катрина* (США, 2005 г.), *Митч* (Гондурас, 1998 г.) и *Трейси* (Дарвин, Австралия, 1974 г.). В таком случае на ежегодном совещании *комитетов Всемирной метеорологической организации* по тропическим циклонам имя, которое может оскорбить чувства, исключается из перечня. Очеловечение стихии

⁴ Tropical Cyclone Naming. URL: <https://worldweather.wmo.int/en/home.html> (дата обращения: 17.01.2023).

подтверждают многочисленные эпитеты, олицетворения и метафоры: *Мэтью изрядно покуролесил, Монстр по имени Мэтт, «Ухмыляющийся череп»*. Ураган, как и человек, социален, поскольку наделен символом социального статуса, собственным именем: *«Харви» уходит в отставку, «Катрина» уходит на пенсию*.

Заключение

В контексте энвайронменталистских рассуждений в разных областях знаний субъектификация явлений природы, в том числе посредством ИС, обнаруживает архаичное представление человека об антропоморфных свойствах окружающего мира: явления природы обладают физическими (в том числе гендерными признаками), психическими (чувствовать), интеллектуальными (думать) качествами.

Появившаяся сравнительно недавно группа ИС — анемонимы — громко заявила о себе благодаря своей онтологической связи с личными именами людей. Они участвуют в стереотипизации личных имен, влияют на популярность имен, способствуют метафоризации медийного дискурса.

Система имен собственных ураганов и тайфунов эволюционировала от попыток категоризировать дискретные субъективные, образно-конкретные значения до объективных, значимых, общих, конвенциональных. Анемонимы, несмотря на статус периферийного разряда ономастикона, являются эссенциальными элементами динамической, самоорганизующейся знаковой системы языка. Систематизация анемонимов выполняет лингвопрагматическую задачу сохранения и передачи знаний о мире и обуславливает взаимопонимание между носителями разных языков.

Список источников

1. Басик С. Н. Структура ономастического слоя в геокультурном пространстве // Научное обозрение. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-onomasticheskogo-sloya-v-geokulturnom-prostranstve> (дата обращения: 17.01.2023).
2. Горяев С. О. Номенклатурные единицы как факт ономастики // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. ; под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та. 2003. Вып. 4. С. 125–131.
3. Доржиева Г. С., Языкова А. А. Мотивационные значения байкальских анемонимов // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 5. С. 86–93.
4. Доржиева Г. С. Французские анемонимы в международной ономастической терминологии // Вопросы географии / Русское географическое общество: сб. 146. Актуальные проблемы топонимики. М. : Кодекс, 2018. С. 119–128.
5. Куслий П. С. Референциальная функция имен // Логос. 2009. № 2 (70). С. 67–83.
6. Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи; пер. с англ., прим. и вводная статья А. М. Сухотина; предисл. С. Л. Белевицкого. М. ; Л. : Соцэргиз, 1934. 223 с.
7. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В. Теория и методика ономастических исследований ; отв. ред. А. П. Непокупный. М. : Наука, 1986. 254 с.
8. Яковенко М. В. Использование собственных имен при номинации стихийных явлений // Восточнославянская филология. Языкознание. 2018. № 6 (32). С. 245–250.
9. Ainiälä T., Saarelma M., Sjöblom P. Names in Focus. An introduction to finnish onomastics. Finnish Literature Society. Helsinki, 2016. 287 p.
10. Bach A. Deutsche Namenkunde. Bd. 1, Die deutschen Personennamen. Heidelberg, 1953. 295 S.
11. Berger J. et al. From Karen to Katie: using baby names to understand cultural evolution. *Psychological Science*, 2012. no. 23(10), P. 1067–1073.
12. Jung K. et al. Female hurricanes are deadlier than male hurricanes. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. Vol. 111, no. 24, P. 8782–8787. URL: <https://www.pnas.org/doi/abs/10.1073/pnas.1402786111>.
13. Maley S. Statistics show no evidence of gender bias in the public's hurricane preparedness. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. Vol. 111, no. 37. P. E3834–E3834. URL: <https://europepmc.org/article/pmc/pmc4169919#free-full-text>.
14. Nuessel F. The Study of Names: a Guide to Principles and Topics. Westport, CT: Greenwood Press, 1992. 176 p.
15. Papp B. Ten Theses on Proper Names. *Names*, 1985. Vol. 33, no. 3, P. 111–118.
16. Pulgram E. Theory of Names. Berkeley: American Name Society, 1954. 49 p.

17. Skilton E. *Camille was no lady but Katrina was a bitch: Gender, hurricanes & popular culture*. Thesis. New Orleans: ProQuest Dissertations Publishing Print, 2013.
18. Smith G. Hurricane names: a bunch of hot air? *Weather and Climate Extremes*. 2016. Vol. 12, P. 80–84.
19. Stewart G. R., Pulgram E. Name (in Linguistics). In: *Encyclopedia Britannica*. Chicago, 1971. Vol. 15. P. 1156–1163.
20. Zelinsky W. Slouching Toward a Theory of Names: A Tentative Taxonomic Fix // *Journal of Onomastics*. 2002. Vol. 50, iss. 4. P. 243–262.

References

1. Basik SN. The structure of the onomastic layer in the geocultural space. *Nauchnoe obozrenie = Scientific Review*. 2018;(4). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-onomasticheskogo-sloya-v-geokulturnom-prostranstve> (accessed: 17.01.2023) (In Russ.).
2. Goryaev SO. Nomenclature units as a fact of onomastics. In: Ruth ME (ed.) *Onomastika i dialektnaya leksika = Onomastics and dialect vocabulary*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House; 2003. Iss. 4. P. 125–131. (In Russ.).
3. Dorzhiyeva GS, Yazykova AA. Motivational meanings of Baikal anemones. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*. 2016;(5):86-93. (In Russ.).
4. Dorzhiyeva GS. French anemones in international onomastic terminology. In: *Voprosy geografii. Russkoye geograficheskoye obshchestvo: sb. 146. Aktual'nyye problemy toponimiki = Questions of Geography. Russian Geographical Society: collection 146. Actual problems of toponymy*. Moscow: Kodeks; 2018. P. 119–128. (In Russ.).
5. Kusliy PS. Referential function of names. *Logos = Logos*. 2009;2(70):67-83. (In Russ.).
6. Sepir E. *Yazyk: Vvedeniye v izucheniye rechi = Language: Introduction to the study of speech; approx. and introductory article by AM. Sukhotin; foreword SL. Belevitsky*. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz; 1934. 223 p. (In Russ.).
7. Superanskaya AV, Stal'tmane VE, Podol'skaya NV. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy = Theory and methods of onomastic research*. Moscow: Nauka; 1986. 254 p. (In Russ.).
8. Yakovenko MV. The use of proper names in the nomination of natural phenomena. *Vostochnoslavyanskaya filologiya. Yazykoznanie = East Slavic Philology. Linguistics*. 2018;6(32):245-250. (In Russ.).
9. Ainiala T, Saarelma M, Sjöblom P. Names in Focus. An introduction to finnish onomastics. Finnish Literature Society. Helsinki; 2016. 287 p.
10. Bach A. *German onomastics. Vol. 1. German personal names*. Heidelberg, 1953. 295 p. (In German).
11. Berger J. et al. From Karen to Katie: using baby names to understand cultural evolution. *Psychological Science*. 2012;23(10):1067-1073.
12. Jung K. et al. Female hurricanes are deadlier than male hurricanes. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014;111(24):8782-8787. Available from: <https://www.pnas.org/doi/abs/10.1073/pnas.1402786111> (accessed 21.01.2023).
13. Maley S. Statistics show no evidence of gender bias in the public's hurricane preparedness. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014;111(37):E3834-E3834, Available from: <https://europepmc.org/article/pmc/pmc4169919#free-full-text> (accessed 21.01.2023).
14. Nuessel F. *The Study of Names: a Guide to Principles and Topics*. Westport, CT: Greenwood Press; 1992. 176 p.
15. Pamp B. Ten Theses on Proper Names. *Names*. 1985;33(3):111-118.
16. Pulgram E. *Theory of Names*. Berkeley: American Name Society; 1954/ 49 p.
17. Skilton E. *Camille was no lady but Katrina was a bitch: Gender, hurricanes & popular culture*. Thesis. New Orleans: ProQuest Dissertations Publishing Print, 2013. 399 p.
18. Smith G. Hurricane names: a bunch of hot air? *Weather and Climate Extremes*. 2016;(12):80-84.
19. Stewart GR, Pulgram E. Name (in Linguistics). In: *Encyclopedia Britannica*. Chicago; 1971. Vol. 15. P. 1156–1163.
20. Zelinsky W. (2002) Slouching Toward a Theory of Names: A Tentative Taxonomic Fix. *Journal of Onomastics*, 2013;50(4):243-262.

Информация об авторах

А. Ф. Азнабаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

О. Н. Новикова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков.

Information about the authors

Alfiya F. Aznabaeva — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign languages.

Olga N. Novikova — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Foreign languages.

---

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 29.05.2023; при-
нята к публикации 12.08.2023.*

*The article was submitted 01.02.2023; approved
after reviewing 29.05.2023; accepted for publication
12.08.2023.*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалент-
ный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта ин-
тересов.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.23

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-15-22

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ПИЩЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ)

Татьяна Геннадьевна Волошина¹, Яна Владимировна Лазарева²

^{1,2} Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

¹ tatianavoloshina@rambler.ru

² yana.lazareva.82@inbox.ru

Аннотация. Исследование включает в себя анализ лингвокультурных особенностей фразеологизмов с компонентом-глуттонимом с целью выявления уникалий, сформированных в процессе развития гастрономической культуры русской национальной кухни. Авторы исследуют специфику фразеологизмов с компонентом-глуттонимом, обусловленную влиянием экстралингвистических факторов: исторического, географического, экономического, культурного и языкового видов взаимодействия. В ходе исследования выявляются особенности мировоззрения, характера и убеждений представителей русского народа, оказавших ключевое влияние на формирование и функционирование тех или иных фразеологизмов с компонентом-глуттонимом в современном русском языке. В результате исследования выявляются тематические группы фразеологизмов с компонентами-глуттонимами «каша», «хлеб и булочные изделия», «специи», «овощи»; анализируется частотность применения фразеологизмов с компонентом-глуттонимом в современном в русском языке.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизм, глуттоним, русская гастрономическая культура, лингвокультурная картина мира

Для цитирования: Волошина Т. Г., Лазарева Я. В. Лингвокультурная специфика фразеологизмов с пищевым компонентом (на примере русской национальной кухни) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 15–22. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-15-22.

Original article

LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A FOOD COMPONENT (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN NATIONAL CUISINE)

Tatiana G. Voloshina¹, Yana V. Lazareva²

^{1,2} Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

¹ tatianavoloshina@rambler.ru

² yana.lazareva.82@inbox.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the linguistic and cultural features of phraseological units with a food component in order to identify the unique features formulated in the process of the gastronomic culture development of Russian national cuisine. The authors analyze the specifics of phraseological units including a food component, due to the influence of extra linguistic factors: historical, geographical, economic, cultural and linguistic types of interaction. The research work reveals the peculiarities of the worldview, character and beliefs of the Russian representatives which is the key influence on the formation and functioning of certain phraseological units with a food component in the modern Russian language. The research work results in drawing up thematic groups classification of phraseological units with food components such as “porridge”, “bread and bakery products”, “spices”, “vegetables” which are identified in the course of study based on Russian phraseological dictionaries; the authors analyze the frequency of phraseological units usage with identified components in the modern Russian language as well present the reasons of the certain food components productivity.

Keywords: language and culture study, phraseology, food component, Russian gastronomic culture, language and cultural picture of the world

For citation: Voloshina TG, Lazareva YaV. Linguistic and cultural specificity of phraseological units with a food component (on the example of russian national cuisine). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):15-22. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-15-22.

Введение

Вопросы фразеологии входят в ранг актуальных проблематик современных лингвистических исследований, что обусловлено, прежде всего, определением объекта исследования фразеологии, представленного следующими ключевыми моментами: идиоматикой и сочетаемостью слов; наличием окончательно сформированного аппарата методологии в ходе анализа фразеологического материала; необходимостью проведения комплексного анализа функционирующих в устной и письменной коммуникации фразеологизмов для выявления универсалий и уникалий в различных лингвокультурах.

Целью исследования является выявление лингвокультурной специфики фразеологизмов с компонентом-глюттотимом в современном русском языке. Лингвокультурный анализ фразеологизмов с компонентом-глюттотимом позволяет выявить причины возникновения и развития фразеологизмов, проанализировать особенности культурной самобытности русского народа, что дает возможность определить черты национального русского характера.

Актуальность исследования определяется интересом к изучению уникальности русской культуры, в частности, необходимостью проведения комплексного анализа реалий русской гастрономической кухни на примере фразеологизмов с компонентом-глюттотимом, сохранивших языковые и культурные особенности русской лингвокультуры.

Основная часть

Фразеология представляет собой «1) раздел языкознания, изучающий лексико-семантическую сочетаемость слов языка; 2) состав (фонд) фразеологических единиц данного языка; 3) совокупность, вид, тип, разновидность фразеологических единиц» [3. С. 176].

В отечественной лингвистике под фразеологической единицей (фразеологизмом, фразеологическим оборотом) принято понимать «лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [7. С. 565]. Традиционно фразеологизмы принято подразде-

лять на *идиомы, коллокации, пословицы и поговорки* [4. С. 109]; к отдельной группе принадлежат *крылатые слова*.

Некоторые современные лингвисты выделяют в качестве отдельных групп особые виды фразеологизмов: грамматические фразеологизмы («как бы то ни было»; «едва не») и фразеосхемы («X он и в Африке X»; «X как X»), которые отечественные исследователи А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский называют *синтаксическими фразеологизмами* [4. С. 109].

В справочнике по русскому языку мы находим такие типы фразеологизмов, как: «1) фразеологические сращения; 2) фразеологические сочетания; 3) фразеологические выражения» [7].

Фразеологические сращения, или идиомы, характеризуются абсолютной семантической спаянностью всех компонентов, при этом значение идиомы невозможно распознать, учитывая семантику всех конститuentов, например: «железная дорога», «очертя голову», «точить балясы» и др. *Фразеологические сочетания* представляют собой фразеологические обороты, состоящие из единиц со свободным значением.

Следует отметить, что общее значение *фразеологического сочетания* возможно вывести из интерпретации значений отдельных слов, например, «трескучий мороз» и др.

Фразеологические выражения представляют собой структурные образования с устойчивой структурой; семантически делимые обороты фразеологических сочетаний состоят из единиц со свободным значением, однако в процессе коммуникации такие единицы реализуются как готовые речевые единицы. Этот тип включает различного рода крылатые выражения и слова, а также устойчивые сочетания («горячий отклик», «сторонники мира»).

В работах отечественного исследователя Н. Ф. Алефиренко подчеркивается мысль о том, что «основная часть фразем русского языка исконно русского происхождения, однако многие фраземы пришли из разговорной речи и диалектов, чаще всего они связаны с трудом крестьянства («поворачивать оглобли», «из кулька в рогожку», «на воде вилами написано»)» [1]. Автор подчеркивает, что некоторые фраземы функционируют

в русском языке, будучи заимствованными единицами из жаргона («втирать очки», «идти ва-банк»); другие же, в свою очередь, входят в ранг профессионализмов («через час по чайной ложке» — из медицинской лексики; «сойти со сцены» — из речи артистов). В русском языке содержится «часть фразеологизмов, заимствованных из других языков, подразделяемых на заимствования из старославянских языков, закрепившихся в русском языке после принятия христианства («притча во языцех», «метать бисер перед свиньями», «исчадие ада», «глас вопиющего в пустыне»), и из западноевропейских языков, например, из латинского или древнегреческого языков («*terra incognita*»), а позже и из французского («*иметь зуб*»), немецкого («*разбить наголову*»), английского («*синий чулок*») языков» [2].

Российская традиция фразеологических исследований, прежде всего, базируется на исследованиях В. В. Виноградова, выделяющего три ключевых типа фразеологических единиц: фразеологические сращения; фразеологические единства; фразеологические сочетания [5].

Согласно авторской теории, поговорки и поговорки не относятся к фразеологизмам, равно как грамматические фразеологизмы и фразеосхемы вовсе не рассматриваются.

При описании специфики фразеологических единиц иностранных языков следует выделить исследование И. И. Чернышевой, изучавшей специфику германских и романских языков. В основу этой классификации были положены такие принципы, как: наличие семантической переинтерпретации, возможность уникальности сочетаемости и образования форм по схеме. Согласно авторской методике были выделены такие классы (в своих работах исследователь использует термин «устойчивые словесные комплексы») фразеологизмов, как: собственные фразеологизмы; фразеологизованные словосочетания; образования по модели, например, в немецком языке *X hin X her*, что соответствует русскому *X X-ом* (фразеосхемы); лексикализованные неоднословные наименования [15].

В нашем исследовании вслед за В. В. Виноградовым в ходе анализа фразеологизмов мы выделяем *фразеологические сращения, фразеологические сочетания, фразеологические выражения.*

Выбор концепта «пища» в рамках русской культуры обусловлен богатейшим историческим наследием сформированной национальной традиции русской кухни, а также актуальностью применения тех или иных фразеологизмов, отража-

ющих специфику гастрономических реалий русской кухни, в современной коммуникации. Практический материал исследования был проанализирован на основе фразеологических словарей русского языка И. В. Федосова и А. Н. Тихонова.

Для описания рациона русского человека в современном русском языке используется фразеологизм «грубая пища» [11. С. 69], который подразумевает применение *простой пищи*, это может быть каша в различных вариациях или картофель. Главным критерием при этом является принцип легкости в приготовлении блюда.

Характеризуя гастрономическую культуру советского общепита, в своих исследованиях отечественные авторы употребляют фразеологизм «*общественное питание*», под которым понимают «*систему снабжения населения пищей через столовые, рестораны, закусочные*» [8; 11; 13]. Питание в столовых и закусочных в советский период было нацелено на предоставление человеку возможности получать комплексный прием пищи три-четыре раза в день и не тратить время на самостоятельное приготовление еды. Что касается приема пищи, то для русской лингвокультуры характерно употребление фразеологизма «*накрыть на стол*», обозначающего «*процесс приготовления стола для еды, при котором обязательным атрибутом является покрывание стола скатертью, расставив приборы*» [11]. Фразеологизм «*накрыть завтрак (или обед, или ужин)*» представляет собой фразеологическое сочетание и употребляется в современном русском языке, например: «*Мы рекомендуем относиться серьезно к праздникам и накрыть особый завтрак к 8 Марта*» [12. С. 347].

В ходе анализа практического материала исследования были выявлены четыре тематические группы фразеологизмов с компонентом-глуттоном:

- 1) тематическая группа «каша»;
- 2) тематическая группа «хлеб и булочные изделия»;
- 3) тематическая группа «специи и добавки»;
- 4) тематическая группа «овощи».

Тематическая группа «каша»

Традиционный рацион русской кухни невозможно представить без каши, которая занимала особое, почетное место в ежедневном рационе не только бедных, но и состоятельных людей. Есть все основания полагать, что слово «каша» происходит от «каш» (санскрит) и обозначает «*дробить, тереть*» [6]. Кашу употребляли в пищу с молоком, квасом, жареным луком или ягодами;

на праздник было принято готовить кашу трех видов: гречневую, ячменную и пшеничную.

Полбенная каша пользовалась популярностью среди бедняков; ее варили из мелкой крупы, которая, в свою очередь, была приготовлена из полбы — особого сорта полудикой пшеницы. Полба произрастала практически по всей территории Руси. Необходимо отметить, что дикая полба не требовала особого ухода, обладала ценными питательными свойствами, однако давала незначительный урожай, а зерна необходимо было «обшелушивать» перед процессом приготовления, поэтому со временем она была вытеснена культурными сортами пшеницы. Полбенная каша (по сравнению с пшеничной) отличается грубостью и вязкостью структуры, но в ее состав входит до 40 % белка и минимальное количество глютена, что, несомненно, говорит о ее полезных свойствах.

Ячменная и *овсяная каши* готовились как в городах, так и в деревнях чаще всего в будние дни; *пшеничная каша*, или *каша*, *приготовленная из проса*, также была широко распространена как элемент ежедневного рациона на Руси, ее готовили не только в будни, но иногда и в праздничные дни. Национальной русской кашей начиная с XVII в. принято считать *гречневую кашу*, хотя она вошла в рацион на Руси еще в XV в. *Рисовая каша* считалась пищей богатых жителей крупных городов, этот тип каши появился в XVIII в. и постепенно адаптировался к русским гастрономическим реалиям. *Рисовая каша* употреблялась в пищу состоятельными жителями в качестве начинки для пирогов, а простолюдины ее называли «*кашей из сорочинского пшена*». Со временем рисовая каша стала основой для приготовления национального русского праздничного блюда «кутья».

Многообразие сортов круп определило разнообразие каш в ежедневном русском рационе, при этом каждая зерновая культура представлена серией видов круп — от цельных до различными способами дробленных. Рецепт приготовления каши зависел не только от типа крупы, но и от того, как эта крупа была переработана. Так, например, различали: *гречку* — *ядрицу* и *продел*; *ячмень* — *перловую крупу (крупное зерно)*, *голландку (зерно среднего размера)*, *ячку (мелкое зерно)*. *Просо* употреблялось для приготовления *пшеничной каши*; из пшеничной крупы варили *манную кашу*; также широко была распространена так называемая *зеленая каша*, которую варили из незрелой ржи.

Такая каша, как *перловка*, считалась блюдом питательным и полезным («*перловая крупа — крупа из ячменя в виде ровных круглых зерен*» [11]).

На Руси принято было называть кашей любой вид продукта, который готовили на основе измельченных ингредиентов, это были «*каши хлебные*», которые варили из измельченных сухарей; «*каши рыбные*» и «*каши овощные*». В период XVIII–XIX вв. в России появился картофель и, соответственно, *каша с добавлением картофеля* — «*кулеши*» — особенно питательная каша, которую *заправляли луком и постным маслом*; также в этот период стали употреблять в пищу *каши морковные*, приготовленные на основе репы и моркови; *каши соковые* (на конопляном масле) и др. [6].

В народе хорошо известна так называемая *суворовская каша*, которая появилась (по преданиям) благодаря смекалке А. В. Суворова, приказавшего сварить кашу из всех остатков от различных сортов круп, — тем самым известный полководец сумел спасти солдат от голода; и *гурьевская каша*, приготовленная на основе манной крупы и молока с добавлением сухофруктов и орехов.

Такая каша, как манная, также входит в перечень популярных («*манная крупа — очень мелкая крупа, изготовленная из пшеницы*» [12]). Фразеологическое сочетание «*манная крупа*» является компонентом фразеологизмов, например: «*ждать как манны небесной*» — очень сильно ждать [9].

Следует отметить, что в русском языке существует бесчисленное множество пословиц и поговорок, доказывающих тот факт, что каша представляла собой основной прием пищи, например: «*Русского мужика без каши не накормишь*»; «*Щи да каша — пища наша*»; «*Борщ без каши — вдова, каша без борща — вдова*»; «*Русская каша — матушка наша*»; «*Что за обед, коли каши нет*»; «*Без каши семью не накормишь*»; «*Мать наша, гречневая каша: не перцу чета, не прорвет живота*»; «*Овсяная каша хвалилась, что с маслом коровьим родилась*» [10].

Кулеши, или каша с добавлением картофеля, на Руси считалась блюдом полезным и питательным. Интересно отметить, что устаревшим русским названием картофеля является фразеологизм «*земляное яблоко*», который произошел от французского словосочетания *potte de terre* [14].

Позже в русской гастрономической культуре появятся и самостоятельные блюда из картофеля, например, «*картошка в мундире*» — фразеологизм, означающий «*картофель, сваренный или испеченный в кожуре*» (заимствовано из немецкого языка: *Mudierung*) [11].

Глуттоним «каша» входит в состав серии фразеологизмов русского языка, характеризующих

негативные стороны ежедневной жизни человека, например:

- о наказании за проступки: «березовая каша» — розги; «накормить березовой кашей» — наказать кого-либо, высечь (архаизм);
- о невнятности мышления, речи человека: «каша в голове у кого-то» — путаница в мыслях [10].

Часто в рацион русского человека входили такие продукты, как горох и бобы, которые принято было варить и тушить. Документальное подтверждение выращивания гороха на территории России датируется XVII в. Изначально горох высаживали на территории Ярославской губернии, а в дальнейшем и по всей России. В XVIII в. уже на всех полях произрастал горох, были известны его питательные свойства. В старину на Руси существовал даже специальный праздник — «Горохов день», когда люди дарили друг другу горох — символ богатства и стабильности. В современном русском языке функционирует множество фразеологизмов с компонентом-глуттонимом «горох», например:

- 1) «как от стены горох» — ничего не действует на кого-либо;
- 2) «при царе Горохе» — в незапамятные времена [11].

Фразеологическое сочетание «зеленый горошек» обозначает «незрелые семена гороха, используемые в пищу в свежем, вареном и консервированном виде в качестве гарнира» [12]. Фразеологизм «зеленый горошек» обозначает продукт, который употребляется в современной русском языке, это — продукт питания, применимый на кухне и в качестве гарнира, и как компонент супов и салатов.

Компонент-глуттоним «бобы» также входит в состав фразеологизмов современного русского языка, например, «бобы разводиться» — заниматься пустыми разговорами; «оставить на бобах» — оставить ни с чем, обмануться в расчетах [1].

Тематическая группа «хлеб и булочные изделия»

Традиционную кухню русского народа невозможно представить без хлеба и булочных изделий. Так, лексема «хлеб» изначально применялась на Руси относительно продукта, изготовленного именно из ржаной муки; в дальнейшем рожь была заменена на пшеницу. Пшеничная мука предназначалась для приготовления калачей — одного из наиболее любимых изделий. Следует отметить, что во время выпекания калачей и хлеба не

принято было добавлять соль, так как пекари старались сохранить натуральный вкус продукта.

Каждый прием пищи русского крестьянина не обходился без хлеба и булочных изделий. Отечественный исследователь Н. Г. Склярова подчеркивает, что «рацион крестьянской еды подразделялся на четыре приема пищи, а именно: перекуска — завтрак (часто летом крестьяне завтракали в 4–5 утра, что было обусловлено жаркой погодой), обед (12:00), полдник (15:00), ужин (19:00) и паужин — поздний ужин (23:00)» [8].

Ключевым блюдом в Древней Руси считалось *толокно* — *перемолотая в ступе или на мельнице мука*. Предваряя процесс приготовления толокна, зерно необходимо было подготовить — тщательно высушить, обжарить и очистить. Овсяное зерно применялось для приготовления толокна, в то время как ржаная и пшеничная мука использовалась для выпекания пирогов с различной начинкой — мясной, рыбной, грибной, творожной, яичной, ягодной. Часто в качестве основы пирога русские женщины применяли лапшу или любой сорт каши. Традиционными блюдами из толокна считались сдобные караваи, оладьи, блины, хворост и др.

Процесс приготовления хлеба включал в себя несколько стадий: «зачин», заключающийся в подготовке основы для хлеба (фразеологизм «завести тесто» — *поставить опару* как нельзя лучше описывает эту стадию приготовления хлеба); «затвор» — процесс заготовки опары для теста; «замес» — этап замешивания теста (фразеологическое сочетание «подбить тесто», то есть «замесить тесто погуце, замесить еще раз» описывает эту стадию) [11].

В современном русском языке сохранились фразеологизмы с компонентами-глуттонимами «хлеб», «хлебцы» и «калач», например:

- «черный хлеб» — ржаной хлеб;
- «хрустящие хлебцы» — приготовленный в виде галет сухой хлеб [10].

Часто лексемы «хлеб» и «калач» входят в состав фразеологизмов, описывающих личные качества человека, например:

- о человеке, не желающем тратить свои деньги, а предпочитающем жить за чужой счет, говорят, что он «ест чужой хлеб»;
- применительно к опытному человеку используют фразеологизм «тертый калач», акцентируя внимание на том факте, что такой человек «себе на уме, не злой и не добрый, а более расчетливый; это — тертый калач, который знает людей и умеет ими

пользоваться», например: «Этого тертого калача и не заманишь, не зазовешь никакой приманкой!» [16];

- о человеке склочном, который лезет в драку и постоянно бранится, говорят, что ему «на калачи досталось».

Тематическая группа «специи и добавки»

Что касается различного рода добавок к пище и специй, то в ранг традиционных входят *соль, перец, сахар, масло*, при этом компоненты-глуттонимы «*соль*» и «*сахар*» представляют собой наиболее продуктивные элементы, являющиеся частью фразеологизмов, функционирующих в современном русском языке, например:

- «*поваренная соль*» — *столовая соль* [12];
- «*горькая соль*» — *слабительное средство* [11];
- «*кайенский перец*» — *сорт наиболее жгучего перца, а также плод этого растения, употребляемый в свежем и в высушенном виде как горькая приправка к кушаньям; название этого типа перца происходит от названия города Кайенны во французской Гвиане* [13];
- «*сахарный песок*» — *сахар в мелких кристаллических крупинках* [6];
- «*сахарная пудра*» — *порошок из мелко истолченного сахара, употребляемый в кулинарии* (происходит от французского «*poudre*») [8];
- «*прованское масло*» — *высший сорт оливкового масла* [6];
- «*эвкалиптовое масло*» — *натуральное масло, получаемое из листьев и молодых побегов различных видов эвкалипта* [11].

Тематическая группа «овощи»

В старинной русской кухне готовили блюда из моркови, лука, капусты, репы, чеснока и пряной зелени. Конечно, овощные блюда людей тех или иных сословий различались в значительной степени. Так, среди блюд царского стола выделялись «*капуста теплая*», «*морковь чиненная*», в то время как простолюдины употребляли в пищу «*капусту холодную*», «*свеклу со шпиком*», «*горох зеленый*», «*бураки с кашей*».

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что компонент-глуттоним «*капуста*» входит в ранг наиболее продуктивных фразеологизмов тематической группы «овощи», например:

- «*заячья капуста*» — народное название некоторых растений с мясистыми листьями;

- «морская капуста» — морские водоросли, используемые в пищу и для лечебных целей [2];
- «капуста провансаль» — квашеная капуста с маслом и приправами (от франц. *à la provençale* — «по-провансальски») [11].

Заключение

Таким образом, язык народа представляет собой вербальную сокровищницу культуры нации. Такой пласт лексики языка, как фразеологизмы, способен в полной мере отразить специфику лингвокультурного состояния языковой и культурной картин мира определенного языка.

В нашем исследовании анализу подверглась специфика фразеологизмов с компонентом-глуттонимом на примере русской культуры, обладающей уникальными особенностями, что обусловлено географическими, историческими, экономическими, культурными закономерностями развития страны. Гастрономические особенности русской национальной кухни были сформированы вследствие влияния природных особенностей мест проживания, что привело к употреблению в пищу горячих блюд (каш), квашений и солений различного рода. Центральное место в процессе приготовления пищи отдавалось печи, в которой пекли хлеб, калачи, пироги.

В ходе нашего исследования были проанализированы фразеологические словари русского языка и выявлены фразеологизмы с компонентами-глуттонимами, отражающие специфику русской гастрономической культуры. В процессе работы над практическим материалом были выделены фразеологизмы с компонентом-глуттонимом тематических групп «каша», «хлеб и булочные изделия», «специи и добавки», «овощи». Было установлено, что в ранг наиболее продуктивных компонентов в составе русских фразеологизмов тематической группы «каша» входят вариации названий каш (манная каша, перловая каша, гречневая каша и др.); к наиболее частотным лексемам в составе гастрономических фразеологизмов тематической группы «хлеб и булочные изделия» относятся «хлеб», «калач». Для тематической группы «специи и добавки» в составе русских фразеологизмов свойственно доминирующее употребление лексем «соль», в то время как для тематической группы «овощи» в составе фразеологизмов типично продуктивное употребление лексем «капуста», что обусловлено влиянием исторического наследия русской национальной кухни и желанием россиян следовать нормам родной культуры.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология. М. : Флинта, 2009. 344 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта, 2016. 283 с.
3. Ахманова А. С. Словарь лингвистических терминов. М. : URSS, 2005. 571 с.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008. 656 с.
5. Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. Социолингвистическая типология. М. : URSS, 2013. 128 с.
6. Миронова И. К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 19 с.
7. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М. : ОНИКС 21 век : Мир и образование, 2003. 623 с.
8. Склярова Н. Г. Интернациональное и национальное в лингвокультурах (на материале русской и английской фразеологий). М. : ИНФРА-М, 2022. 194 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Язык славянской культуры, 1996. 286 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
11. Тихонов А. Н. Фразеологический словарь русского языка. М. : Русский язык — Медиа, 2007. 334 с.
12. Федосов И. В. Фразеологический словарь русского языка. М. : ЮНВЕС, 2003. 608 с.
13. Федуленикова Т. Н. Английская фразеология. Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2000. 129 с.
14. Федуленикова Т. Н. Дифференциация фразеологии и фразеоматики в англо-русском экономическом словаре: критические заметки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4. С. 94–101.
15. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М. : Высшая школа, 1970. 199 с.
16. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1988. 20 с.

References

1. Alefirenko NF, Semenenko NN. Frazeologia i paremiologia = Phraseology and paremiology. Moscow; 2009. 344 p. (In Russ.).
2. Alefirenko NF. Lingvokulturologia: tsennostno-smaslovoie prostranstvo jazika = Linguoculturology: value-semantic space of language. Moscow; 2016. 283 p. (In Russ.).
3. Akhmanova AS. Slovar lingvistiteskih terminov = Dictionary of linguistic terms. Moscow; 2005. 571 p. (In Russ.).
4. Baranov AN, Dobrovolsky DO. Aspekti teorii frazeologii = Aspects of the theory of phraseology. Moscow; 2008. 656 p. (In Russ.).
5. Vinogradov VA, Koval AI, Porkhomovsky VYa. Sotsiolingvistiteskaia tipologia = Sociolinguistic typology. Moscow; 2013. 128 p. (In Russ.).
6. Mironova IK. Kontseptosfera «Yeda» v russkom natsional'nom soznanii: bazovyye kognitivno-propozitsional'nyye struktury i ikh leksicheskiye reprezentatsii = The concept sphere “Food” in the Russian national consciousness: basic cognitive-propositional structures and their lexical representations. Abstract of thesis. Yekaterinburg; 2002. 19 p. (In Russ.).
7. Rosenthal DE. Spravotnik po russkomu jaziku. Slovar lingvistiteskih terminov = Handbook of the Russian language. Dictionary of linguistic terms. Moscow; 2003. 623 p. (In Russ.).
8. Sklyarova NG. Internatsionalnoie i natsionalnoie v lingvokulturologii (na materiale russkoi i angliskoi frazeologii) = International and national in linguocultures (based on the material of Russian and English phraseologies). Moscow; 2022. 194 p. (In Russ.).
9. Telia VN. Russkaia frazeologia. Semantiteski, pragmatiteski I lingvikulturologoteski aspekti = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow; 1996. 286 p. (In Russ.).
10. Ter-Minasova SG. Jazik i meskulturnaja kommunikatsija = Language and intercultural communication. Moscow; 2000. 624 p. (In Russ.).

11. Tikhonov AN. Frazеologiteski slovar russkogo jazika = Phraseological dictionary of the Russian language. Moscow; 2007. 334 p. (In Russ.).
12. Fedosov IV. Frazеologiteski slovar russkogo jazika = Phraseological dictionary of the Russian language. Moscow; 2003. 608 p. (In Russ.).
13. Fedulenkova TN. Angliiskaia frazeologia — English phraseology. Arkhangelsk; 2000. 129 p. (In Russ.).
14. Fedulenkova TN. Differentiation of phraseology and phraseomatics in the English-Russian Dictionary of Economics: critical notes. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2018;(4):94-101. (In Russ.).
15. Chernysheva II. Frazеologija sovremennogo nemetskogo jazika = Phraseology of the modern German language. Moscow; 1970. 199 p. (In Russ.).
16. Emirova AM. Russkaya frazeologiya v kommunikativnom aspekte = Russian phraseology in the communicative aspect. Abstract of thesis. Tashkent; 1988. 20 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

Т. Г. Волошина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка.

Я. В. Лазарева — ассистент кафедры второго иностранного языка.

Information about the authors

Tatiana G. Voloshina — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of the Second Foreign Language.

Yana V. Lazareva — Assistant of the Department of the Second Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 25.06.2023; одобрена после рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 25.06.2023; approved after reviewing 19.07.2023; accepted for publication 12.08.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'367.63

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-23-32

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА МОДАЛИЗИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА ПРИМЕРЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Екатерина Сергеевна Ошанова

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия,
oshanova_katja@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1605-1315

Аннотация. Рассматривается вопрос о прагматической идентичности модализированных конструкций в русском, немецком и удмуртском языках. Цель работы состоит в описании функционально-коммуникативных и прагматических свойств русских, немецких и удмуртских модализированных высказываний. В настоящей статье модализированные конструкции формируются при помощи специальных модальных средств, к которым относятся модальные глаголы и модальные частицы. Отмечается, что модальные языковые средства в разноструктурных партиклевых языках характеризуются прагматической направленностью и выявляют особенные принципы функционирования национального языка. Прагматические свойства модальных частиц проявляются во взаимодействии с контекстом и ситуацией. Следует сделать вывод о том, что модализированные конструкции выражают коммуникативно-прагматические значения с разными коммуникативными смыслами в зависимости от контекстуальных факторов обозначаемой действительности, а также из-за характерных особенностей субъективно-модальных оттенков модальных средств.

Ключевые слова: модализированные конструкции, модальные глаголы, модальные частицы, прагматическая идентичность

Для цитирования: Ошанова Е. С. Коммуникативно-прагматические свойства модализированных конструкций на примере разноструктурных языков // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 23–32. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-23-32.

Original article

PRAGMATIC ANALYSIS OF MODALIZED CONSTRUCTIONS IN DIFFERENT STRUCTURAL LANGUAGES

Ekaterina S. Oshanova

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia, oshanova_katja@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1605-1315

Abstract. The article deals with the question of pragmatic identity of modalized constructions in the Russian, German and Udmurt languages. The article presents the utterances included in the speech act in interaction with modal means, which participate in the expression of a real-ontological situation. The aim is to describe the functional and pragmatic properties of Russian, German and Udmurt modalized utterances. Modalized constructions are formed with the help of special modal means, which include modal verbs and modal particles. It is noted that modal linguistic means in different-structured particle languages are characterized by a pragmatic orientation and reveal special principles of national language functioning. The pragmatic properties of modal particles appear in interaction with context and situation. It should be concluded that modalized constructions express communicative and pragmatic meanings with different communicative purposes, depending on the contextual factors of the denoted reality, as well as due to the characteristic features of the subjective-modal shades of modal means.

Keywords: modalized constructions, modal verbs, modal particles, pragmatic identity

For citation: Oshanova ES. Pragmatic analysis of modalized constructions in different structural languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):23-32. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-23-32.

Введение

В представленной статье рассматривается группа модальных средств, включающая модальные глаголы и модальные частицы.

Определим в рамках исследования следующие задачи:

- 1) рассмотреть понятие «модализованные конструкции»;
- 2) определить коммуникативно-прагматические значения модализованных высказываний русского, немецкого и удмуртского языков;
- 3) провести анализ модальных средств с модальными глаголами и модальными частицами.

В рамках материала для работы были рассмотрены высказывания диалогического взаимодействия из художественных произведений немецких [26; 27], русских [23; 25] и удмуртских [24] авторов.

В качестве ядра семантической структуры модализованного высказывания выступают:

- модальные глаголы немецкого языка: *können, dürfen, müssen, sollen, wollen*; русского языка: мочь, хотеть, нужно; удмуртского языка: быгатыны («мочь, уметь»), кулэ («надо»), малпаны («думать»), потыны («хотеть, желать»), турттыны («пытаться, стараться»);
- модальные частицы немецкого языка: *doch, denn, schon, ja, wohl*; русского языка: же, ли, ведь, да, разве; усилительные и модально-волевые частицы удмуртского языка: ик, ни, ини, бен, -а.

Модализованные конструкции

В контексте коммуникативно-функциональной лингвистики данные структуры позволяют описать процессы развития и функционирования языка в обществе, исследовать с точки зрения лингвистики процесс речевой коммуникации участников диалогической интеракции. Также благодаря изучению данной темы можно говорить о развитии нашего представления о взаимосвязи коммуникативных, прагматических и когнитивных функций.

При рассмотрении данного вопроса приходим к заключению, что, несмотря на имеющиеся определения и описания подобных высказываний в трудах лингвистов различных школ и направлений [21; 12; 15], данный термин не являлся предметом детального изучения. В научных работах можно встретить следующие аналогии: модали-

зированные перформативные конструкции [17], модализованные выражения [19], модальные суждения [9], модальные высказывания [18].

Для обозначения определения «модализованные высказывания» рассмотрим понятия «модальные предложения» и «модальные высказывания».

Модальные предложения — это языковые единицы с определенной модальной рамкой, а модальные высказывания, следовательно, — предложения, включенные в определенные коммуникативно-речевые обстоятельства. Рассматривая уровень речевого контекста, следует говорить о модализации предложений и их переходе в модальные высказывания [13].

Таким образом, модализованные высказывания — это эмоционально-экспрессивные речевые акты с включенными модальными средствами, которые оказывают влияние на участников общения с целью изменения их индивидуальных качеств в определенном языковом окружении [13].

Модальные частицы в разноструктурных языках

В настоящее время в лингвистике много научных трудов, описывающих функционирование частиц в различных языках. Значительные исследования проводятся в разноструктурных языках (романо-германские, славянские, финно-угорские).

При рассмотрении модальных частиц в анализируемых в данной работе языках необходимо указать, что единицы данной части речи, как правило, позволяют адресанту выразить свою позицию относительно достоверности ситуации и одновременно маркируют целенаправленность по отношению к адресату с целью скорректировать его оценку или позицию. Предложения с модальными частицами не несут новой информации, а выражают позицию говорящего относительно каких-либо событий. Отметим по данной проблематике работы А. В. Авериной [2; 3], О. Abraham [20].

Модальные глаголы в немецком, русском и удмуртском языках

В настоящее время модальные глаголы **немецкого языка** рассматриваются в трудах А. В. Авериной [1], в диссертации О. М. Егоровой [6] и др. Отмечается, что семантика модальных глаголов существенно зависит от контекстуального окружения.

Основная функция модальных глаголов немецкого языка, которые относятся к лексическим

средствам выражения модальности, заключается в выражении отношения говорящего к определенному событию или действию.

Автор выделяет следующие типы модальных значений: уверенность/неуверенность/сомнение в том или ином факте действительности; модальность волеизъявления, или желательность; возможность и действительность; связь утверждаемого в суждении с нормами морали, права, конкретными обязательствами. Таким образом, очевидно, что модальные глаголы передают все типы перечисленных отношений [1].

Относительно модальных глаголов **русского языка**, они передают определенное действие, наделенное модальным статусом [14]. Исследованием модальных глаголов в системе глаголов русского языка занималась Галина Александровна Золотова, которая в составе глаголов выделила два первичных вида: знаменательные и неполнознаменательные глаголы. По мнению Галины Александровны, неполнознаменательные глаголы образуются совокупностью модификаторов и компенсаторов [7; 8]. Главная роль в выражении модальных значений принадлежит глаголу, что доказал академик Виктор Владимирович Виноградов [4].

Следовательно, модальный глагол в русском языке выражает модальную или оценочную семантику и отражает позицию субъекта к совершаемому действию. Но в то же время модальный глагол не обладает самостоятельностью полнозначных глаголов.

Прежде чем рассмотреть примеры модализированных высказываний в **удмуртском языке**, необходимо указать, какие глаголы причисляются к модальным.

Как отмечает Татьяна Михайловна Кибардина, в удмуртском языке присутствуют вспомогательные глаголы с различными модальными отношениями: потыны («хотеть, желать»), турттыны («пытаться, стараться»), быгатыны («мочь, уметь»), кулэ («надо»), яра («можно»), медыны («намереваться»), малпаны («думать»), яратыны («любить») [11]. Данные глаголы достаточно широко употребляются в языке. Однако лингвист упоминает, что ни в русском, ни в удмуртском языке они не выделены в особую группу, как, например, в немецком или английском языках. Возможно, это связано с тем, что данная проблема в отечественной лингвистике не до конца исследована и данный вопрос требует более детального изучения [11; 5].

Вопросами так называемых вспомогательных глаголов в удмуртском языке занимались М. К. и Б. И. Каракуловы. В «Сопоставительной грамма-

тике русского и удмуртского языков» они распределили данные глаголы по следующим группам:

- а) фазовые глаголы, указывающие на начало или конец действия (кутскыны — «начать», дугдыны — «остановиться, перестать»);
- б) модальные глаголы, обозначающие желание, возможность, стремление, намерение, решимость (потыны — «хотеть, желать», медыны, малпаны — «думать, намереваться», быгатыны — «мочь», дасяськыны — «приготовиться, готовиться», турттыны, тыршыны, вырыны — «стараться»);
- в) эмоциональные глаголы, выражающие предрасположенность, опасение (яратыны, кельшыны — «любить, предпочитать», кышканы — «опасаться, бояться, страшиться») [10; 11].

Таким образом, в настоящей работе примем во внимание вышеперечисленные характеристики и будем использовать определение «модальный глагол» в удмуртском языке.

Результаты

Немецкий язык

1. *“Geht nur, geht! Und nehmt euch Kuchen mit. Auch du, Paul, nimm doch bitte Kuchen mit. Auch für deine Frau Mutter und deine Schwester. Und komm uns mal wieder besuchen. Es ist so schön, junge Leute um sich zu haben”.*

Höflich gab ich Frau und Herrn Hellwig die Hand und strebte dem Flur entgegen.

“Aber der Kuchen, ihr dürft doch den Kuchen nicht vergessen!”, rief Claras Mutter uns noch nach [26. С. 192].

«Идите же, идите! И возьмите с собой печенье. И ты, Пауль, тоже, пожалуйста, возьми с собой печенье. Также и для твоей мамы и сестры. И приходи к нам еще раз. Так приятно иметь вокруг себя молодых людей».

Вежливо пожав руку госпоже и господину Хельвигу, я направился в коридор.

«А печенье, не забудьте печенье!» — все еще кричала нам вслед мама Клары.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**призыв-беспокойство**» выражена модальным глаголом *dürfen*, модальной частицей *doch* и восклицательным по интонации предложением.

2. *“Beruhigen Sie sich, Herr Beller. Ich habe nur gefragt, wie die verschiedenen Angaben*

zusammenpassen, die von Ihnen heute Morgen und die Beobachtungen der Ehrenstetter Bürger.” Lorenz lässt wieder einmal nicht locker. “Dann habe ich mich eben geirrt. Kann ja mal vorkommen. Ach, mir langt’s. Ich gehe” [27. с. 92].

«Успокойтесь, господин Беллер. Я просто спросил, как совпадают различные сведения, полученные от вас сегодня утром, и наблюдения жителей Эренштеттера». Лоренц снова не отступает. «Тогда я просто ошибся. Может случиться и такое. О, мне это надоело. Я пойду».

Коммуникативно-прагматическая направленность «**констатация-разочарование**» выражена модальным глаголом **können**, модальными частицами **ja** и **mal**, усиливающими эмоциональное значение, и повествовательным предложением с соответствующей интонацией, выполняющей важную смыслообразительную функцию.

3. *“Als was haben Sie dort gearbeitet?”*

“Ach, eigentlich wie hier, als Mädchen für alles, nur eine Stufe höher. Ich musste die Zimmermädchen beaufsichtigen, war manchmal an der Rezeption. Immer dort, wo gerade jemand gefehlt hat.”

“Das hört sich doch gar nicht schlecht an. Weshalb wollten Sie denn unbedingt nach Deutschland?”

“Kennen Sie Rumänien? Wissen Sie, wie man dort lebt, wenn man nicht genügend Geld hat? Wissen Sie, wie die Leute behandelt werden?”

“Ach so. Verstehe” [27. С. 45].

«Кем Вы там работали?»

«Ах, вообще-то, как здесь, как девушки для всего, только на ступеньку выше. Мне приходилось присматривать за горничными, иногда стояла за стойкой регистрации. Всегда там, где кого-то не хватало.»

«Это звучит совсем неплохо. А почему же Вы так сильно хотели в Германию?»

«Вы знаете Румынию? Вы знаете, как там живут, если нет достаточно денег? Вы знаете, как обращаются с людьми?»

«Вот как. Понимаю.»

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-любопытство**» выражено модальным глаголом **wollen**, модальной частицей **denn**, привносящей оттенок любопытства, и вопросительным предложением с целью выяснения информации.

4. *Jule überlegte ein Weilchen, dann sagte er: “Vor einem blonden Teufel hat vielleicht niemand Angst.”*

“Und warum dann vor einem schwarzhaarigen?”

“Weil der düster aussieht und ein blonder eben nicht”, fertigte ich Bille ab. Was hatte sie da nur wieder für ein Thema angeschnitten! Das verdarb uns den ganzen Ausflug.

“Quatsch”, widersprach Bille. “Das ist nur wegen der Gewöhnung.” Und sie fuhr fort, auf alles Blonde zu schimpfen, obwohl sie doch selber blond war. “Wieso müssen denn auch immer alle Engel, das Christkind und die guten Feen blond und die bösen Hexen schwarzhaarig sein” [26. С. 142].

Юлиан некоторое время размышлял, потом сказал: «Белокурого дьявола, возможно, никто не боится».

«А почему тогда черноволосого?»

«Потому что тот выглядит мрачным, а блондин — нет», — опроверг я Билле. И чего только она опять завела эту тему! Это испортило нам всю поездку».

«Бред, — возразила Билле, — это просто привычка». И она продолжила ругать всех блондинов, хотя сама была блондинкой. «Почему же все ангелы, Дитя Христа и добрые феи должны быть блондинами, а злые ведьмы — черноволосыми».

Реализация коммуникативно-прагматического значения «**вопрос-размышление**» в немецком языке представлена модальным глаголом **müssen**, модальной частицей **denn** и вопросительно-утвердительно-по смыслу предложением, оформленным в виде риторического вопроса. Отмечается, что во внутренней речи, в размышлениях вопрос может быть не ориентирован на получение непосредственного ответа.

5. *Die blasierte Verstocktheit, die Laufer an den Tag legt, kostet ihn die Sympathien, die Lorenz ihm gestern der vergleichbaren familiären Situation wegen entgegengebracht hat.*

“Und?”

“Was, und?”

“Wo Sie zur Tatzeit waren, möchten wir wissen.” Thiele hilft jetzt nach, denn selbst ihm, dessen Gelassenheit manchmal schon an Lethargie grenzt, geht diese zähe Unterredung langsam auf die Nerven.

“Wo soll ich schon gewesen sein? Zu Hause” [27. С. 123].

Высокомерное упрямство, с которым сталкивается Лауфер, будет стоить ему тех симпатий, которые Лоренц питал к нему вчера из-за сопоставимой семейной ситуации.

«И?»

«Что, и?»

«Где вы были во время совершения преступления, хотели бы мы знать.» Теперь Тиле помогает, потому что даже ему, чье самообладание иногда уже граничит с вялостью, этот жесткий разговор медленно действует на нервы.

«Где же я должен был быть? Дома».

Коммуникативно-прагматическая направленность «**вопрос-раздражение**» выражена модальным глаголом *sollen*, модальной частицей *schon* и вопросительно-утвердительным предложением. Отметим данным примером, что, по наблюдениям М. Турмэр, вопросительные предложения с модальной частицей *schon* выступают в роли утверждения с отрицанием (“eine negierte Behauptung”) [22. С. 154. 3. С. 112].

6. *So gut es geht, reißt sich Lorenz schließlich zusammen, als er die Treppe hinunter und in den Garten schlurft. Julia und Ulli grinsen ihn unverhohlen an.*

“*Ich bin wohl ein bisschen sehr fröhlich gewesen, gestern Abend*”, beginnt er, sich vorsichtig vorzutasten.

“*Das kann man wohl sagen, Papa. Je oller, je doler. Du hast einen Mordsdrive draufgehabt. Irgendwann hast du mit Gundi Fehringer Rock’n’Roll getanzt und den Herbert mit großen Gesten zum Hilfssheriff ernannt*”, klärt Ulli seinen Vater auf [27. С. 133].

Лоренц, как может, берет себя в руки и, шаркая ногами, спускается по лестнице в сад. Юлия и Улли открыто ухмыляются ему.

«Должно быть, прошлым вечером я был немножго очень весел», — начинает он, осторожно нащупывать почву.

«Можно и так сказать, папа. Чем дальше, тем хуже. У тебя был невероятный душевный подъем. В какой-то момент ты танцевал рок-н-ролл с Гунди Ферингер и величественными жестами назначил Герберта помощником шерифа», — разъясняет Улли своему отцу.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**констатация-насмешка**» выражена модальным глаголом *können*, модальной частицей *wohl*, усиливающей эмоциональное значение, и повествовательным предложением с соответствующей интонацией, выполняющей важную смысловозначительную функцию.

Русский язык

1. А Толмачев — как солдат, всегда точен, исполнителен, собран...

— *Ладно, бог с ним, сказал Муханов, которого занимали по-настоящему лишь счеты с Гориним. — Егерь ни при чем, раз тетеревов в помине не было. Говорил я, что поздно выезжаем, так и вышло: тетерева в крепь ушли, вот и весь сказ!*

— *Да ведь хотелось, чтобы побольше набродов было, — жалобно, признаваясь в своем поражении, пробормотал Горин.*

— *Слушайся старших другой раз! — великодушно заключил Муханов* [25. С. 167].

Коммуникативно-прагматическая направленность «**констатация-досада**» выражена модальным глаголом *хотеть*, модальными частицами *да и ведь*, указывающими на сожаление, уточнение причины, но одновременно и оправдание поступка, а также повествовательным предложением. Как отмечает И. В. Ружицкий, подчеркивание обстоятельств, побудивших к действию, звучит более убедительно, чем без частицы [16].

2. *Преисполненный ответной жалости к матери и смутного чувства какой-то своей вины, Демин растерянно бормотал: «Ну, ладно, маманя!.. Чего там!».*

— «*Ох, сынок, зачем нам все это?.. И кому достанется?.. Во сне ты, что ли, живешь!*»

Демин молчал.

«*Уйду я от тебя, — вдруг сказала мать. — Есть у меня свой угол.*»

— «*Да что ты, маманя? — испугался Демин. — Нешто нам плохо вдвоем?*»

— «*Плохо, сыночек, плохо. Не могу я на тебя смотреть. Сколько же можно так маяться? Неужто ты порченный какой и за тебя ни одна девка не пойдет?*» [25. С. 292].

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-беспокойство**» выражено модальным глаголом *можно*, модальной частицей *же*, подчеркивающей вопросительность и усиливающей оттенок беспокойства/переживания, а также вопросительным предложением.

3. *И наконец настал тот великий день, когда он впервые пошел не старпомом, а капитаном на экспедиционном судне и не куда-нибудь — на Джорджес-банку, а это для морской души, что Мекка для мусульманина. Сладко было произносить мужественное, щекочущее гортань и небо слово: «Джорджес-банка».*

Как на грех, Мери никогда не слышала об этой океанической ямине.

— *Можно ли быть такой дурой? — даже не разъярился, а затосковал Капитан. — Такой непроходимой дурой!* [25. С. 426].

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-разочарование**» выражено модальным глаголом *можно*, модальной частицей *ли*, приносящей оттенок недоумения и грусти, и риторическим вопросом, целью которого является не получение ответа на заданный вопрос, а обращение внимания адресата речи на представленный вопрос. Необходимо указать, частицу *ли* можно встретить непосредственно после слова, называющего то, о чем спрашивается.

4. Я нажал кнопку электрического звонка.

— Вот сейчас придет человек — прикажу ему вывести вас!

Скорбно склонив голову, господин Цацкин сидел и молчал, будто ожидая исполнения моего обещания.

Прошло две минуты. Я позвонил снова.

— Хорошие звонки, нечего сказать, — покачал головой господин Цацкин. — **Разве можно** иметь такие безобразные звонки, которые не звонят. Позвольте вам предложить звонки с установкой и элементами за семь рублей шестьдесят копеек. Изящные звонки...

Я вскочил, схватил господина Цацкина за рукав и потащил к выходу [23. С. 40].

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-недоумение**» выражено модальным глаголом **можно**, модальной частицей **разве**, подчеркивающей вопросительность, и вопросительно-отрицательным предложением.

5. Тут же он, окликнутый товарищем, отошел на минуту от польщенного Мецената, а к Меценату приблизился кроткий, елейного вида мужчина с ласковыми глазами и предложил:

— **Не хотите ли** перекинуться в картишки? Тут, в задней комнате. Пойдем, господин, много выиграть можете, ежели повезет.

«Шулер, — мелькнуло в голове Мецената, — любопытно с ним сразиться...» [23. С. 378].

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-настойчивость**» выражено модальным глаголом **хотеть**, модальной частицей **ли** и вопросительным предложением с целью выяснения информации.

Удмуртский язык

1. Но тани оез немецкой самолёт гомзиз, из кадь, ул лань васькыны кутскиз. Пырак выламы-усе кадь. Чир! Кесяськыса интыысь тымы султыса, гурт палабызымы ми. Самолёт шурсьоры возьвылэ усиз, пуштйз. «Со **ик кулэ** тыныд!» — шумпотыса малпамми [24. С. 5].

Но вот один немецкий самолет загорелся, как камень, и начал падать вниз. Как будто бы прямо на нас. Быстро встав с места, мы побежали в сторону деревни. Самолет упал за рекой на луг, загорелся. «Так тебе и надо!» — обрадовавшись, подумали мы.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**утверждение-радость**» выражается модальным глаголом **кулэ** (надо), модальной частицей **ик**, усиливающей эмоциональный оттенок, и восклицательным предложением.

2. Нош маар соос сиыны кулэ? Маин сюдоно милемлы нылпиосмес?

— Соиз мынам уже өвёл! — председатель пырс потыса кошкиз.

— Погоди! — съобраз ик потйз Санко Петыр. — Кыззы озы тйляд ужды өвёл?! Ми нянь будэтйськом, нош асьмеос ситэк улыны **кулэ-а**? Нылпиосмес сюэм возьыны **кулэ-а**? А? Вералэ?! [24. С. 24].

А что они должны кушать? Чем нам детей кормить?

— Это не мое дело! — председатель вышел.

— Погоди! — сразу же за ним вышел и Санко Петыр.

— Как так, у вас нет работы?! Мы выращаем хлеб, а разве мы сами не должны кушать? Разве не нужно нам кормить детей? Да? Скажите?!

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-беспокойство**» выражено модальным глаголом **кулэ** (надо), вопросительной частицей **-а**, подчеркивающей оттенок беспокойства/переживания, а также вопросительным предложением. Отметим, вопросительным предложениям характерна особенная, с повышением голоса вопросительная интонация. Она выступает как яркое, эмоциональное средство выражения вопросительности.

3. Но табере юаса уз улэ ни ук, кыззы маин сэрен кошкиз гуртысь. Кошкид — озьыен, пегзид. Ожыт-а вал со аръёсы умойгес улон утчаса кошкисьёс. Трос коркаос али ке но сыло, дыр, мөзмыса, кузёоссылэсь вуэм зэс витыса. Уг **быгаты ни** Санко Петыр бертыны. «Дасез вылэ вуэм», — шуозы гуртын, нош Санко Петырлы солэсь но секыт кыльёс өвёл. Дышымтэ со дасез вылын улыны, ваньзэ ужаса, ас кыыныз поттэ [24. С. 28].

Но теперь уже не будут спрашивать, из-за чего ушел из дома. Ушел — значит, сбежал. Разве не мало было в те годы людей, которые уходили в поисках лучшей жизни. Наверно, и сейчас много домов стоят и скучают по своим хозяевам, ожидая их возвращения. Санко Петыр не может уже вернуться. «На готовое пришел» — скажут сельчане, а Санко Петыру тяжелее этих слов нет.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**констатация-печаль**» выражена модальным глаголом **быгатыны** (мочь), усилительно-соотносящейся частицей **ни**, усиливающей эмоции грусти и печали, а также повествовательным предложением.

4. Почтальон кошкиз, Насьта извещениез кияз бергатыса сылэ.

— Мар-о, Насьта? — кылйськыз висьет сьорысь Санко Петырлэн куараез. — Почтальон пыраз кадь. Мар ке вань-а?

— Посылка, пе. Кин бен лэзьны кулэ асьмелы?

Соос озы вераськон кустытатй Лёгор пыриз. Посылка сярись кылыса, со малы кет уж шумпотйз [24. С. 31].

Почтальон ушел, Настя стоит и рассматривает в руках извещение.

— Что, Настя? — слышался из-за перегородки голос Санко Петыра. — Кажется, почтальон заходил. Что-то принес?

— Посылка. Кто же нам должен ее послать?

Во время разговора зашел Лёгор. Услышав о посылке, он почему-то обрадовался.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**вопрос-размышление**» выражена модальным глаголом **кулэ** (надо), утвердительной частицей **бен** и вопросительно-утвердительным по смыслу предложением, оформленным в виде риторического вопроса.

5. — Оло, монэ огнаме кельтэмедлэсь кышкаса бызьытэк кылыны **турттйськод-а**, Надя? — юаз со огпол.

— Вуо-ай, анай, — шуиз нылыз.

— Вуод, вуод. Ныл даур вакчи. **Малпаськыны кулэ ини**. Неушто но кинед өвёл?

Надя пумитаз пальпотйз, номыр оз куареты [24. С. 51].

— Надя, думаешь, что из-за болезни оставишь меня одну, поэтому замуж не выходишь? — спросила она однажды.

— Успею еще, мама — сказала дочь.

— Успеешь, успеешь. Только время девичье коротко. Надо уже задуматься. Неужели никого нет?

Надя в ответ покраснела, ничего не сказала.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**вопрос/предположение-размышление**» выражена модальным глаголом **турттыны** (намереваться), вопросительной частицей **-а** и вопросительно-утвердительным по смыслу предложением, подразумевающим подтверждение информации, указанной в вопросе; а также интонационным оформлением высказывания, маркирующим вопросительную интенцию говорящего.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**констатация-беспокойство**» выражена модальными глаголами **малпаны** (думать), **кулэ** (надо), усилительно-соотносящейся частицей

ини, усиливающими эмоциональное значение, а также повествовательным предложением.

6. Митя берытскыз. Со азын сыло вууж тодмоосыз.

— Умой өвёл, Митька, эшъестэ вунэтйськод, — вера оgez. — Ку тон бертйдини, нош астэ уд но возьматъяськы. Умой өвёл-бл. Эшъестэ вунэтыны **турттйськод-а**?

— Ой ваньмы, ужасько.

— Ми но ужаськом. Шедьтэм маин ушъяськыны [24. С. 85].

Митя обернулся. Перед ним стоят старые знакомые.

— Нехорошо, Митька, забываешь друзей, — говорит один.

— Сколько времени уже прошло, как ты вернулся, а ты ни с кем еще и не встречался. Нехорошо. Пытаешься забыть друзей?

— Некогда было, работаю.

— И мы работаем. Нашел чем хвалиться.

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-недовольство**» выражено модальным глаголом **турттыны** (пытаться, стараться), вопросительной частицей **-а**, маркирующей вопросительную интенцию говорящего, а также вопросительным предложением.

Заключение

Отмечаем, прагматические значения проанализированных высказываний проявляются во всех типах предложений.

Согласимся с утверждением И. В. Ружицкого, модальные частицы нельзя рассматривать отдельно от интонационного оформления высказывания, а также от функционирования других модальных средств [16].

Анализ речевых модализированных конструкций доказывает, что модальные средства достаточно емко преобразуют смысловое поле речевого диалога субъективно-оценочными характеристиками, выступая в роли прагматически важных элементов коммуникативной структуры предложения. Смыслы, актуализируемые с помощью модальных средств, существенно конкретизируют конструктивно-модельную структуру предложения, соотносят общее лексико-грамматическое значение с параметрами говорящего, а также проявляют эмоционально-оценочное отношение субъекта.

Следовательно, представим коммуникативно-прагматические значения модализированных высказываний следующим образом: субъективно-модальные характеристики, выражающие

отношение говорящего к сообщаемому (модальные глаголы, модальные частицы, грамматические формы наклонения, специальные интонационные средства и т. п.); речевые действия, направленные на получение говорящим неизвестной ему информации (призыв, вопрос, утверждение, констатация, предположение); разнообразие эмоционально-оценочные оттенки (беспокойство, любопытство, ободрение, размышление, разочарование, раздражение, удивление, досада, недоумение, недовольство, оправ-

дание, настойчивость, уверенность, радость, печаль, нежелание, забота и пр.).

Таким образом, можно констатировать, что под влиянием модальных средств иллюкутивная сила высказывания в представленных разноструктурных языках может изменяться в зависимости от коммуникативного намерения говорящего. Модальные средства способны существенно поменять интенциональную направленность модализированной конструкции и изменить ее коммуникативно-прагматическое значение.

Список источников

1. Аверина А. В. Модальные глаголы немецкого языка как феномен главного предложения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч. 2. С. 270–273.
2. Аверина А. В. Модальный синтаксис немецкого языка. М. : ИИУ МГОУ, 2019. 141 с.
3. Аверина А. В. Модальные частицы в структуре предложения (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 59–67. doi: 10.18384/2310-712X-2020-2-59-67.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / под. ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М. : Рус. яз, 2001. 719 с.
5. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
6. Егорова О. М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2016. 173 с.
7. Золотова Г. А. О модальности предложения в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 4. С. 65–79.
8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
9. Ивин А. А. Логика. М. : Юрайт, 2013. 400 с.
10. Каракулова М. К. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2001. 225 с.
11. Кибардина Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке. Ижевск : Удмурт.ун-т., 2012. 194 с.
12. Леонтьев А. А. Исследование грамматики // Основы теории речевой деятельности : колл. монография. М. : Наука. 1974. С. 161–187.
13. Ошанова Е. С. Роль модальных частиц в формировании когнитивной базы и коммуникативно-когнитивной перспективы высказывания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 222 с.
14. Ошанова Е. С. Средства выражения модальности и эмотивности в политической коммуникации в английском, немецком, русском и удмуртском языках // Вестник ЧелГУ. Филологические науки. 2020. Вып. 119. № 1 (435). С. 115–124. doi: 10.24411/1994-2796-2020-10115.
15. Романов А. А. Семантическая структура высказываний-просьб // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин : КГУ, 1981. С. 68–76.
16. Ружицкий И. В. Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. Вып. 16. М. : МАКС Пресс, 2001. С. 13–19.
17. Стасюк А. В. Модализированные перформативные конструкции в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 176 с.
18. Шадрин Д. А. Логика: Конспект лекций. М. : ЭКСМО, 2008. 159 с.
19. Шибанова Е. К. Логика : курс лекций. Челябинск : Центр анализа и прогнозирования, 2008. С. 170–172.
20. Abraham W. Modal particles and Verum focus. New corollaries // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam : John Benjamins, 2017. P. 171–202.

21. Kummer M. Aspects of a theory of argumentation // E. Gülich, W. Raible eds. Textsorten: Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. F.M. 1972. P. 25–58.
22. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 p.
23. Аверченко А. Т. Хлопотливая нация: Юмористические произведения. М. : Политиздат, 1991. 464 с.
24. Васильев Н. В. Азвесь портсигар. Веросьёс но повесть. Ижевск : Удмуртия, 1976. 192 с.
25. Нагибин Ю. М. Поездка на острова : повести и рассказы. М. : Молодая гвардия, 1987. 593 с.
26. Kordon K. Julians Bruder. Hamburg : Ein Gulliver von Beltz&Gelberg, 2006. 604 p.
27. Spaude E. Spiess-Gesellen. Hamburg : Rowohlt TaschenbuchVerlag, 2008. 302 p.

References

1. Averina AV. Modal Verbs of the German Language as a Phenomenon of the Main Sentence. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2018;2(80):270-273. (In Russ.).
2. Averina AV. German modal verbs as a main sentence phenomenon = Modal syntax of the German language. Moscow: MGOU; 2019. 141 p. (In Russ.).
3. Averina AV. Modal particles in the sentence structure (based on the material of German and Russian). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2020;(2):59-67. (In Russ.). doi: 10.18384/2310-712X-2020-2-59-67.
4. Vinogradov VV. Russkijazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) = Russian language (grammatical teaching about the word). 4th ed. Moscow: Rus. iaz.; 2001. 719 p. (In Russ.).
5. Perevoshchikov PN (ed.) *Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology*. Izhevsk: Udm. kn. izd-vo; 1962. 376 p. (In Russ.).
6. Egorova OM. Modal'ny'e glagoly' nemeczkogo yazy'ka kak grammaticheskie precedentny'e edinicy' = Modal verbs of the German language as grammatical precedent units. Thesis. N. Novgorod; 2016. 173 p. (In Russ.).
7. Zolotova GA. About the modality of a sentence In Russian. *Filologicheskiye nauki = Philological Sciences*. 1962;(4):65-79. (In Russ.).
8. Zolotova GA. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazy'ka = Communicative grammar of the Russian language. Moscow; 1998. 528 p. (In Russ.).
9. Ivin AA. Logika = Logic. Moscow: Yurajt; 2013. 400 p. (In Russ.).
10. Karakulova MK. Sopostavitel'naya grammatika russkogo i udmurtskogo yazy'kov = Comparative Grammar of the Russian and Udmurt languages. Izhevsk: Izdatel'skij dom «Udmurtskij universitet»; 2001. 225 p. (In Russ.).
11. Kibardina TM. Sredstva vyrazheniya modal'nosti v udmurtskom yazyke = Means of modality expression in Udmurt language. Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo universiteta; 2012. 194 p. (In Russ.).
12. Leont'ev AA. Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti = Fundamentals of speech theory. Moscow: Nauka; 1974. 368 p. (In Russ.).
13. Oshanova ES. Rol' modal'ny'kh chasticz v formirovanii kognitivnoj bazy' i kommunikativno-kognitivnoj perspektivy' vy'kazyvaniya = The role of modal particles in the formation of the cognitive base and the communicative-cognitive perspective of expressing. Thesis. Moscow; 2017. 222 p. (In Russ.).
14. Oshanova ES. Means of modal and emotive expression in political communication in English, German, Russian and Udmurt. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(1(435)):115-124. (In Russ.). doi: 10.24411/1994-2796-2020-10115.
15. Romanov AA. Semanticheskaya struktura vy'skazyvanij-pros'b = the semantic structure of plea statements. Semantics and pragmatics of syntactic unities. Kalinin: KGU; 1981. P. 68–76. (In Russ.).
16. Ruzhickij IV. Modal particles as one way of realising the pragmatic level of linguistic identity. In: Yazyk, soznanie, kommunikaciya = Language, consciousness, communication. Iss. 16. Moscow: MAKS Press; 2001. P. 13–19 p. (In Russ.).
17. Stasyuk AV. Modalizirovanny'e performativny'e konstrukczii v nemeczkom yazy'ke = Modalised performative constructions in German. Thesis. Tver'; 2005. 176 p. (In Russ.).
18. Shadrin DA. Logika = Logic. *Lecture notes*. Moscow: Izd-vo EKSMO; 2008. 159 p. (In Russ.).
19. Shibanova EK. Logika = Logic. *Course of lectures*. Chelyabinsk: Izd-vo Centralniza i prognozirovaniya; 2008. P. 170–172. (In Russ.).

20. Abraham W. Modal particles and Verum focus. New corollaries. Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam: John Benjamins; 2017. P. 171–202.
21. Kummer M. Aspects of a theory of argumentation. Textsorten: Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. Frankfurt am Main; 1972. P. 25–58.
22. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen = Modal particles and their combinations. Tübingen: Niemeyer Verlag; 1989. 314 p. (In German).
23. Averchenko AT. Hlopotlivaya naciya: Yumoristicheskie proizvedeniya = The Troublesome Nation: Humorous Works. Moscow: Politizdat; 1991. 464 p. (In Russ.).
24. Vasil'ev NV. Azves' portsigar. Veros'yos no povest'. Izhevsk: Udmurtiya; 1976. 192 c. (In Udmurt).
25. Nagibin YuM. Pоеzdka na ostrova. Povesti i rasskazy = A trip to the islands. Novellas and short stories. Moscow: Molodaya gvardiya; 1987. 593 p. (In Russ.).
26. Kordon K. Julians Bruder. Hamburg: Ein Gulliver von Beltz & Gelberg; 2006. 604 p. (In German).
27. Spaude E. Spiess-Gesellen. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag; 2008. 302 p. (In German).

Информация об авторе

Е. С. Ошанова — кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

Ekaterina S. Oshanova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 21.11.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 12.08.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1:81'373

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-33-41

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ КРОВНОГО РОДСТВА (ОТА — ОТЕЦ — PADRE) В УЗБЕКСКОМ, РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Мехрихон Рахмат кизи Саидходжаева

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, mejrijon87@mail.ru,
ORCID: 0009-0007-9512-2180

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-сопоставительному изучению структурно-семантических особенностей терминов вертикальной линии кровного родства *отец* (рус.), *padre* (исп.), *ota* (узб.), представляющих национально-культурную и языковую специфику. Их исследование позволило сделать вывод о том, что они употребляются как в прямом, так и в переносном значениях. Проведенный анализ указывает на некоторые закономерности данных терминов: мужчины по нисходящей линии используют их при обращении к более старшим мужчинам по возрасту, к духовному отцу, а женщины — к мужу в значении «отец моих детей». В узбекском языке *ota* употребляют не только при обращении к родному отцу, но и к деду по отцу; в испанском — наряду с *padre* используют для обозначения отца его синоним *progenitor* «родитель».

Ключевые слова: отец, ота, padre, родитель, кровное родство и свойство, семантическая структура, русский язык, узбекский язык, испанский язык

Для цитирования: Саидходжаева М. Р. Семантические особенности терминов кровного родства (ота — отец — padre) в узбекском, русском и испанском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 33–41. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-33-41.

Original article

SEMANTIC STRUCTURE OF BLOOD RELATIONSHIP TERMS (FATHER — OТА — PADRE) IN THE RUSSIAN, UZBEK AND SPANISH LANGUAGES

Mekhrikhon R. Saidkhojaeva

Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan, mejrijon87@mail.ru, ORCID: 0009-0007-9512-2180

Abstract. The article is devoted to a comparative-contrastive study of the structural and semantic features of the vertical line of blood relationship (consanguinity) terms *отец* (Russian), *padre* (Spanish), *ota* (Uzb.), representing the national, cultural and linguistic specificity. Their study led to the conclusion that they are used both in direct and figurative meanings. The conducted analysis indicates some regularities of these terms: men in the descending line use them when referring to older men in age, to the spiritual father, and the women — to their husbands in the meaning of «father of my children». In the Uzbek language, *ota* is used not only when referring to one's own father, but also to one's paternal grandfather; in Spanish — along with *padre*, its synonym *progenitor* «parent» is used to refer to the father.

Keywords: father, oта, padre, parent, consanguinity, semantic structure, Russian language, Uzbek language, Spanish language

For citation: Saidkhojaeva MR. Semantic structure of blood relationship terms (father — oта — padre) in the Russian, Uzbek and Spanish languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):33-41. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-33-41.

Введение

Изучение терминов родства имеет давнюю историю. Они представляют интерес не только в лингвистическом, но и в культурологическом плане. Исследователи, занимавшиеся данной проблемой, подходили к ней по-разному. Так, например, один из американских ученых — антрополог Л. Г. Морган специально анализировал в своем капитальном труде «Системы родства и свойства человеческой семьи» (1871) термины родства, характерные для языков американских индейцев, народов Азии, и показал особенности их употребления [10]. Необходимо отметить, что, начиная с его работ, обосновавших инновационный подход к лексическим единицам как оригинальному достоверному источнику изучения истории семейно-брачных и родовых отношений, лингвистические исследования возросли по данной проблеме неизмеримо: и количественно, и качественно. В частности, прагматический и социостилистический анализ терминов кровного родства в русском языке содержится в работах О. Н. Трубочева [20], А. И. Моисеева [9] и Н. Н. Трошиной [19].

Наибольший интерес представляют относительно изучения терминов кровного родства в сравнительно-сопоставительном аспекте научные труды таких лингвистов, как Л. А. Гаджиева, Х. Х. Эгамназаров, Э. Н. Денмухаметова и А. Ш. Юсупова, Е. В. Ли, М. В. Носкова, Ю. Н. Сандлер Н. В. Бхатти, Е. Ю. Харитоновна и Н. В. Громова, появившиеся в конце XX — начале XXI в. Объектом исследования Л. А. Гаджиевой являются имена существительные, обозначающие отношения кровного родства и свойства в кумыкском и турецком языках [3]. Структурно-семантические особенности вертикальной и горизонтальной линий кровного родства анализированы на большом фактическом материале в исследовании Х. Х. Эгамназарова [23]. Термины родства, зафиксированные в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века, рассматриваются в статье Э. Н. Денмухаметовой и А. Ш. Юсуповой [5], содержащиеся в словарном составе русского и корейского языков, в сравнительном плане — в трудах Е. В. Ли [7]. Результаты сопоставительного анализа специфики употребления лексико-семантической группы терминов родства английского и русского языков представлены в статье М. В. Носковой [11]. Лексико-семантическое поле «родственные отношения» русского и испанского языков репрезентируется в статье Ю. Н. Сандлера [9]. Работа Н. В. Бхатти, Е. Ю. Харитоновой

посвящена изучению терминов кровного родства в английском, немецком, русском и урду — языках, принадлежащих индоевропейской языковой семье [2]. Предметом исследования Н. В. Громова являются лингвокультурные особенности терминов родства с компонентами «мать» и «отец» в субстандартном лексическом фонде английского, немецкого и русского языков [4].

Однако по поводу структуры и семантических связей терминов кровного родства в науке пока не установилось единое мнение как в сравнительном, так и в сопоставительном плане.

Актуальность нашего исследования обусловлена сравнительно-сопоставительным исследованием своеобразия семантической структуры терминов *отец* (рус.), *padre* (исп.), *ота* (узб.), являющихся центральным звеном по отношению к говорящему как в генеративной (поколенчатой) вертикальной системе: *дед — отец — ego*, так и в линейной горизонтальной системе родства в русской, узбекской и испанской коммуникативной культуре. В линейной горизонтальной системе родства родственники одного поколения в европейских языках называются одним словом — *брат, сестра* [двоюродный(ая), троюродный(ая)]; а братья по отцу и матери одним словом — *дядя*. В древнерусском языке они различались: *стрый* «дядя по отцу», *уй* «дядя по матери», что остаточно сохраняется в украинском и белорусском (*вуй*) языках. Таким образом, в систему кровного родства включаются и свойственники. Первоначально в генеративной системе родства, по Л. Г. Моргану, *стрый* и *уй*, то есть дядья по отцу и матери тоже назывались отцом.

Цель исследования — проанализировать термины вертикальной и горизонтальной системы кровного родства и свойства в русском, узбекском и испанском языках с доминантой *отец* «мужчина-родитель по отношению к своим детям» в плане семантической деривации и генеративной рекурсии в разноструктурных языках.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней прослеживается отношение узбекской системы родства к системам европейских (русского и испанского) народов и в сравнительно-сопоставительном аспекте проанализирована актуализация базовых и дополнительных характеристик терминов «отец» (рус.), «*padre*» (исп.), «*ота*» (узб.) и тем самым определены их структурно-семантические сходства и различия.

Теоретическая значимость статьи состоит в том, что в ходе данного исследования были выявлены структурообразующие принципы,

определены сфера функционирования и степень деривационной активности терминов кровного родства рус. *отец*, исп. *padre* и узб. *ота* в сравнительно-сопоставительном плане.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили лексикографические источники русского, испанского и узбекского языков, а также текстовые выдержки на испанском языке с их русскими переводами, содержащиеся в сайтах интернета.

Методы исследования. Исследователи в изучении лингвистических и этнологических явлений располагают двумя методами: синхроническим и диахроническим. Предпочтительное отношение к какому-либо из них обуславливается как задачами исследования, так и характером и состоянием источников. Исходя из наших лексикографических источников, мы выбрали в качестве основного метода исследования синхронический анализ, в рамках которого использовали описательный (дескриптивно-аналитический), сопоставительный и дефиниционный методы. Использовались также формальные методы анализа систем родства — компонентный и элементы дистрибутивного анализа.

Термины, обозначающие кровных и свойственных родственников

В русском, узбекском и испанском языках различаются кровные родственники (если родоначальник один) и свойственные родственники (по браку). Систему родства в них могут обозначать наименования в сфере:

- а) прямых родственников — рус. *дедушка* (*бабушка*) — исп. *abuelo* (*abuela*) — узб. *бува*; *бобо* (*буви*; *момо*); рус. *отец* (*мать*) — исп. *padre* (*madre*) — узб. *ота* (*она*); рус. *брат* — исп. *hermano* — узб. *ака*; рус. *сестра* — исп. *hermana* — узб. *она*; рус. *внук* — исп. *nieto* — узб. *невара*; рус. *внучка* — исп. *nieta* — узб. *невара*; рус. *прадед* (*прабабушка*) — исп. *bisabuelo* (*bisabuela*) — узб. *катта бува*; *катта бобо* (*катта буви*; *катта момо*);
- б) далеких и непрямых родственников — рус. *правнук* (*правнучка*) — исп. *bisnieto* (*bisnieta*) — узб. *чевара* «ўғил неваранинг ўғли, қизи» («қиз неваранинг ўғли, қизи»); рус. *праправнук* (*праправнучка*) — исп. *tataranieto* (*tataranieta*) — узб. *эвара* «ўғил чеваранинг ўғли, қизи» («қиз чеваранинг ўғли, қизи»);
- в) непрямого свойства — рус. *свекор* — исп. *suegro* — узб. *қайин ота* «отец мужа», рус. *тесть* — исп. *suegro* — узб. *қайин ота* «отец

жены», рус. *деверь* — исп. *cuñado* — узб. *қайин ога* «брат мужа».

В рассматриваемых языках степень прямого родства имеет три линии:

- а) **восходящую** — рус. *сын* (*дочь*) — исп. *hijo* (*hija*) — узб. *ўғил* (*қиз*) → рус. *отец* (*мать*) — исп. *padre* (*madre*) — узб. *ота* (*она*) → *дедушка* (*бабушка*) — исп. *abuelo* (*abuela*) — узб. *бува*; *бобо* (*буви*; *момо*) → рус. *прадед* (*прабабушка*) — исп. *bisabuelo* (*bisabuela*) — узб. *катта бува*; *катта бобо* (*катта буви*; *катта момо*) → рус. *прапрадед* (*прапрабабушка*) — исп. *tatarabuelo* (*tatarabuela*) — узб. *катта бува*; *катта бобо* (*катта буви*; *катта момо*) пращур;
- б) **нисходящую** — рус. *сын* (*дочь*) — исп. *hijo* (*hija*) — узб. *ўғил* (*қиз*) → внук (*внучка*) — исп. *nieto* (*nieta*) — узб. *невара* «ўғилнинг ўғли, қизи» («қизнинг ўғли, қизи») → рус. *правнук* (*правнучка*) — исп. *bisnieto* (*bisnieta*) — узб. *чевара* «ўғил неваранинг ўғли, қизи» («қиз неваранинг ўғли, қизи») → рус. *праправнук* (*праправнучка*) — исп. *tataranieto* (*tataranieta*) — узб. *эвара* «ўғил чеваранинг ўғли, қизи» («қиз чеваранинг ўғли, қизи»);
- в) **боковую** — рус. *отец* и *мать* — исп. *padre* и *madre* — узб. *ота* и *она* → рус. *сын* (*дочь*) — исп. *hijo* (*hija*) — узб. *ўғил* (*қиз*) → рус. *брат* (*сестра*) — исп. *hermano* (*hermana*) — узб. *ака* (*она*) → *племянник* (*племянница*) — исп. *sobrino* (*sobrina*) — узб. *жиян*.

Свойственные родственники могут быть:

- а) двоюродными — рус. *двоюродный дедушка* (*двоюродная бабушка*) — исп. *tio abuelo* (*tia abuela*), рус. *двородный брат* (*двоюродная сестра*) — исп. *primo* (*prima*) — узб. *аммакивачча* (*аммавачча*), *тогавачча* (*холавачча*) «сын (дочь) дяди и тетки по линии матери», *бўла* «сын (дочь) тетки по линии матери»;
- б) троюродными — рус. *троюродный брат* (*троюродная сестра*) — исп. *primo segundo* (*primo segunda*) — узб. *жиян* («по линии отца»), *бўла* («по линии матери»);
- в) условные — рус. *пасынок* — исп. *hijastro* — узб. *ўғай ўғил*.

Структурно-семантические особенности терминов *отец* (рус.), *padre* (исп.), *ота* (узб.), обозначающих вертикальную линию кровного родства

В словарном составе русского, узбекского и испанского языков каждый термин «кровного родства» имеет свое место. Чтобы убедиться в этом,

обратимся к рассмотрению структурно-семантических особенностей терминов рус. *отец* — исп. *padre*, — узб. *ota*, обозначающих вертикальную линию кровного родства, как прямого родителя.

Как только произносится слово *родитель* возникает пролонгация и экстраполяция термина «родитель мужского пола» и «родитель женского пола». Родовое понятие «родители» для обозначения отца и матери характерно для русского и испанского языков. Но при анализе становится очевидным, что в семантическом плане между этими лексическими единицами наблюдаются некоторые расхождения. В русском языке наряду с формой множественного числа имени существительного *родители*, употребляющегося для обозначения отца и матери в значении «отец», возможен, особенно в официальном деловом обращении, его вариант и в единственном числе — *родитель*.

В Словаре русского языка XI–XVII вв. лексема *родители* в значении «мать и отец» впервые фиксируется в Остромировом евангелии под 1057 годом: «Прѣдани же будете родители, и братию, и родомъ, и другы» [16. С. 184], а *родитель* в значении «отец» — в Симеоновом сборнике (по Светославовия перпис от 1073 г.): «Аще ли е творьць Бѣ и мощи и творения имать славу, то не буде уже родитель» [16. С. 184].

В испанском языке *progenitor* «родитель», в отличие от русского языка, имеет специфическое значение «родитель-одиночка» одинаково как по отношению к матери, так и к отцу: «*En la Estrategia se prestaba especial atención a los hogares de progenitor sin pareja y de adulto sin pareja*. ‘Особое внимание в рамках стратегии уделяется родителям-одиночкам и семьям, во главе которых стоит родитель-одиночка’¹.

В узбекском языке русскому *родители* и испанскому *padres* «родители», «предки» (в буквальном смысле «отцы») соответствует продуктивная в тюркском словообразовании собирательная по своему происхождению модель *ота-она* (буквально: *отец и мать*, ср.: *хотин-қизлар* «женщины», буквально: *женщины и девушки*) — для обозначения обращения одного лица к своим родителям — и *ота-оналар* (буквально: *отцы и матери*) — к родителям нескольких лиц. В этом можно легко убедиться, обратившись к материалам русско-узбекского словаря: «родители ... *ота-она*; вот мои ~ *мана меннинг ота-онам*; ~ учеников пятых и шестых классов *бешинчи ва олтинчи синф ўқувчиларининг ота-оналари*» [13. С. 360].

¹ Traducción de «родитель-одиночка» en Español. URL: <https://context.reverso.net/traduccion/ruso-espanol>

Возвращаясь к анализу терминов рус. *отец* — узб. *ota* — исп. *padre*, обозначающих вертикальную линию кровного родства как прямого родителя, необходимо отметить, что они в рассматриваемых языках обладают дифференциальным семантическим элементом «родитель мужского пола» и дифференциальным семантическим элементом «кровный родитель» [см.: 8. С. 274].

П. Я. Черных, рассматривая общеславянскую терминологию прямого (кровного) родства, в частности, пишет: «слово *отьць* любопытно в том отношении, что оно происходит от и.-е. корня *āt > ot* (срв.: лат. *atta*, обращение к отцу в детском языке, гр. *atta* — папа др.-в.-нем. *atto* и др. при скр. *atta* — мать) с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ьць*» [21. С. 30]. Как указывает О. Н. Трубочев, специально рассмотревший употребление названий отца, «в основе слав. *отьсь* лежит значение „отцов“, как о том свидетельствует этимология: *отьсь < *att-iko-s < atta*» [20. С. 25].

Привлекательно мнение Э. В. Севортяна: «лат., гот. *atta* „отец“ — „ласкательное слово у детей по отношению к отцу“ (+ *-ila* «-ила» — уменьшительно-ласкательный суффикс); др.-верх.-нем. *atto* „отец“, „предок“» [см.: 17. С. 201]. На наш взгляд, относительно происхождения *отец* наиболее приемлемо все же мнение о том, что первоначально члены рода употребляли термин *отьсь* как название ближайшего отца, который сам был в сущности „отцов“ (**att-iko-s*), т. е. происходил от старшего, общего отца (слав. **otъ*, и.-е. **átta*)» [20. С. 26].

В памятниках древнерусской письменности *отец*, согласно материалам Словаря русского языка XI–XVII вв., впервые упоминается в Изборнике 1076 г. в значении «родитель»: «Утоли гневъ, бесу бо есть отецъ, егда без меры исходит» в этой словарной статье приводятся и другие его значения, фиксированные в русских письменных памятниках, в частности, «по религиозным представлениям — бог как творец, создатель всего сущего, а также первое лицо, или первая ипостась святой троицы (1076 г.); старший, главный, почитаемый подобно отцу; Духовник, исповедник: то же, что духовный отец» (1282 г.); «7. То же, что крестный отец» [15. С. 236].

Данные современных лексикографических источников русского языка о слове *отец* свидетельствуют о том, что со временем его семантическое поле намного расширилось. В них даются обычно следующие его значения: 1) мужчина по отношению к своим детям; 2) самец по отношению к своему потомству; 3) предшествующее поколение,

предки; 4) о том, кто заботится о ком-л., находящемся в его подчинении, в зависимости от него; покровитель, благодетель; 5) о лицах, стоящих во главе чего-л., руководящих чем-л.; 6) родоначальник, основоположник чего-л.; 7) обращение к пожилому мужчине или к мужу как отцу своих детей; 8) именование служителей культа, монахов [см.: 18. С. 471–472].

В письменных памятниках узбекского языка понятие «родной отец», как отмечают тюркологи Л. З. Будагов [1. С. 70] и В. В. Радлов [12. С. 450–451], выражается лексемой *ота*. Она в форме *ата* была и остается широко употребительной в таких современных тюркских языках, как азербайджанский, башкирский, казахский, караимский, каракалпакский, карачаевский, киргизский, крымскотатарский, кумыкский, ногайский, татарский, турецкий, туркменский и уйгурский.

В тюркских лексикографических источниках и научных трудах исследователей, посвященных терминам кровного родства узбекского языка, отмечается, что в них через лексему *ота* женщины обращаются к более старшим мужчинам по возрасту, а внуки — деду по отцу (через слово *бобо* «деду со стороны матери») [см. подробнее об этом: 6. С. 28–31].

Вместе с тем *ота* в узбекском языке, кроме своей корневой формы, употребляется еще в составе сложных терминов *камта ота* «прадед», *қайин ота* «тесть» — «обращение жениха к тестю», «свёкор» — «обращение невесты к свекру», *олдига чиққан ота* «попечитель» — «лицо, выполняющее функцию отца или старшего во время женитьбы».

Примечательно, что лексема *ота* в сочетании с некоторыми аффиксами приобретает диминутивно-экспрессивные, посессивные и другие атрибутивные оттенки. Остановимся на некоторых из них:

- 1) *-жон* — *отажон* «папочка»; *-хон* — *отажон* «папаша» — «при вежливом обращении к пожилому мужчине»;
- 2) *-лик* — *оталик* «отцовство»:
  - а) «кровное родство между отцом и его ребенком»;
  - б) «общественная деятельность по оказанию систематической (хозяйственной, культурной, просветительской и т. п.) помощи кому-либо, чему-либо, какой-нибудь организации»;
- 3) *-лар + ча* «по-отцовски» — «лицо, оказывающее помощь к какому-нибудь лицу (неродному)»;

4) *-ли* — *отали* «имеющий отца» — «лицо, имеющее отца»;

5) *-си* — *отаси* «отец» — «обращение жены к мужу, отцу своих детей». Ср. еще термины *отамиз* (< *ота* + аффикс принадлежности 3-го л. мн. ч.) — дословно «отец наш», т. е. отец моего мужа; отец нашей семьи (детей) [см. подр. об этом: 6. С. 33–37].

В узбекском языке слово *ота* обозначало первоначально «лицо мужского пола по отношению к своим детям», но в дальнейшем у него развились новые производные значения и оно стало обозначать: 1) обращение к пожилому мужчине, 2) ласковое обращение к мальчикам, 3) почтительное обращение к руководителю, 4) обозначение родоначальника, основоположника чего-н, 5) обращение к должностным лицам [24. С. 152].

Особый интерес представляет передача безэквивалентных узбекских сложных терминов, образованных при помощи *ота* «отец», в русском и испанском языках. Например, узб. *олдига чиққан ота* «попечитель невесты, являющийся обычно одним из родственников жениха», понятие чуждое для русского и испанского языков, оно в них не имеет смыслового соответствия.

Эквивалент лексем вертикальной линии кровного родства рус. *отец* и узб. *ота* испанское *padre*, являющийся наряду с *madre* термином родства *sensu stricto*, ведет свое происхождение из латыни [26]. Но при этом, необходимо отметить, что в отличие от русского и узбекского языков, в испанском языке наряду со словом *padre* для обозначения «отца» употребляется его синоним *progenitor* («для обозначения матери потребуется окончание -а женского рода — *progenitora*» [14. С. 235]. Однако наиболее привычна, конечно, для испанского языка форма *el padre* — существительное мужского рода.

В испанском языке при помощи корня *padr-* образованы слова, близкие по своей семантике к *padre*: *padraastro* и *padrino*. На русский язык *padraastro* переводится как «отчим» — «Tu padraastro dijo que lo buscaba para su trabajo» «Твой отчим сказал, что он просматривал их для своей работы»¹, а *padrino* — «крестный отец» — «No puedes pedir ser el padrino «Ты не можешь просто назваться крестным отцом и все»². В узбекском

¹ Перевод «para su trabajo» на русский язык. URL: <https://context.reverso.net/перевод/испанский-русский/para+su+trabajo>

² El padrino — translation from Spanish into Russian. URL: <https://translate.yandex.com/dictionary/es-ru/el%20padrino>

языке испанский термин «padraстро» и его русский эквивалент «отчим» имеют эквивалент в виде «ўгай ота», а исп. «padrino» и рус. «крёстный отец» не переводятся, так как они характерны только для языков испанского и русского народов, признающих христианский обряд — крещение. Поэтому указанные безэквивалентные лексемы, отсутствующие в узбекской (мусульманской) культуре и не имеющие смысловых соответствий в узбекском языке, можно раскрыть только путем толкования (описания, комментария): «чўкинтирган ота» — «крёстный отец».

Вместе с тем в Испании дети к своим отцам обращаются не только с использованием слова *padre*, но и *papá*: *Papá, ¿vendrás conmigo al museo?* — ‘Папа, ты сходишь со мной в музей?’¹. Привлекательно, что последняя лексема — *papá* употребляется в тех случаях, когда они рассказывают о них другим людям. В детской речи встречаются для уменьшительно-ласкательного обращения и другие формы данного слова — вариации: *pari, paraito, papito, papalto, papacito*².

Существует общепринятое мнение лексикографов, что в славянских языках слово *nána* образовано удвоением детского лепетного *na* (22. С. 325). Между тем *papa* в испанском языке в сочетании с другими словами приобретает и иные значения: *mis papas* «мои родители»; *Papá Noel* «Дед Мороз».

Следует заметить, что в испанском языке *padre* использовалось также при обращении к:

- 1) священнослужителям — *Padre Beatitud* (Святейшество);
- 2) учителям религиозных колледжей — *Padre Armando* (Отец Армандо).

В Толковом словаре испанского языка (Diccionario de la lengua española) слово *padre* определяется следующим образом:

«1. Человек или животное мужского пола по отношению к своим детям или молодым; 2. Животное мужского пола, предназначенное, как жеребец, для воспроизводства. 3. Автор вещи или идеи. 4. Глава потомства, семьи и т. д. 5. Человек, который повлиял на науку или отрасль знаний или продвинулся в их развитии. 6. Обращение с верующими и священниками. 7. В католической религии — первое лицо Святой Троицы. 8. Отец и мать. 9. Предки. 10. Очень большой,

¹ Перевод «museo» на русский. URL: <https://context.reverso.net/перевод/испанский-русский/museo>

² Как обращаться к родственникам и любимым. URL: <https://ichebник.ru/tonkosti-ispanskogo/772-kak-obrashchatsya-k-rodstvennikam-i-lyubimym>

очень важный. 11. Отец семьи. 12. Отец Церкви. 13. Отец страны. 14. Духовный отец. 15. Святой отец» [25. С. 908].

Заключение

На основе рассмотренного материала можно заключить:

1. Во всех анализируемых нами языках наблюдается упрощение терминологической системы родства, что обусловлено социальным статусом самих родственных отношений за пределами семей; в этом плане выгодно отличается исторически сложившаяся конкретная узбекская терминология кровного и свойственного родства, так как узбеки во многом продолжают придерживаться принципов традиционной большой семьи.
2. Следствием этого является утрата однословных терминов родства у всех народов, которые заменяются описательным словосочетанием; так, кроме историков, никто не знает, например, что *ятры* // *ятровь* в русском языке обозначало «жену брата мужа». В российской юридической практике не используются термины *тесть* и *теща*, только «отец и мать жены», а в наследственном законодательстве только наследники «от первой до седьмой и последующей очереди».
3. Анализ выявил, что в узбекском языке преобладает, как называют этнологи, классификационная система родства, то есть линейная система, при которой дается описательная характеристика по старшинству и полу, напр.: старше отца (матери), но моложе деда (бабушки), старше (моложе) его, но старше моложе отца (матери), безусловно старше деда (бабушки); разграничение по отцовской и материнской линии.
4. В лексеме «отец по отношению к своим детям» (С. И. Ожегов), сема «родоначалие» все дальше уходит в небытие, заменяясь изначально периферийной семой со значением персонифицированного начала, демиурга, что особенно заметно в европейских языках и вышеприведенной выписке из испанского словаря. Эта тенденция достигла своего уродливого пика в последнее время в LGBT-практике, когда вместо слов *отец* и *мать*, навязываются термины *родитель № 1* и *родитель № 2*.
5. Семантику безэквивалентных лексем, отсутствующих в иной культуре — русской, испанской или узбекской, — можно раскрыть только путем описания или толкования.

6. Дефиниция и содержание словарных статей *отец* (рус.), *padre* (исп.) и *ота* (узб.) раскрывают своеобразие в формировании и развитии семейно-родственных отношений русского, испанского и узбекского народов.

Список источников

1. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869–1871. Т. I. 810 с.
2. Бхатти Н. В., Харитоновна Е. Ю. Сравнительно-типологический анализ терминов родства в индоевропейских языках (на примере английского, немецкого, русского и урду) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 29–38.
3. Гаджиева Л. А. Термины родства и свойства в кумыкском и турецком языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 23 с.
4. Громова Н. В. Термины родства в субстандартной лексике английского, немецкого и русского языков: функциональный и лингвокультурный аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2021. 173 с.
5. Денмухаметова Э. Н., Юсупова А. Ш. Термины родства в двуязычных словарях татарского языка // Вопросы теории и практики. 2012. № 5. С. 62–65.
6. Исмоилов И. А. Туркий тилларда қавм-қариндошлик терминлари (ўзбек, уйғур, қозок, қирғиз, қорақалпоқ, туркман тиллари материаллари асосида). Тошкент : Ўзбекистон ССР “Фан” нашриёти, 1966. 149 б.
7. Ли Е. В. Термины родства в системе языка и в сознании разноязычных носителей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 24 с.
8. Ломтев Т. П. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // Общее и русское языкознание. Избранные работы. М. : Наука, 1976. С. 272–289.
9. Мойсеев А. И. Термины родства в русском языке // Филологические науки, 1963. № 3. С. 120–132.
10. Морган Л. Г. Древнее общество. Л. : Изд-во Института народов севера ЦИК СССР, 1934. 350 с.
11. Носкова М. В. Сопоставительный анализ специфики функционирования терминов родства в английском и русском языках // Казанская наука. 2018. № 8. С. 51–53.
12. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1. 967 с.
13. Русско-узбекский словарь: в 2 т. Ташкент : Главная редакция УзСЭ, 1984. Т. 2. 800 с.
14. Сандлер Ю. Н. Межъязыковые лакуны в наименовании родственных взаимоотношений в русском и испанском языках // Освоение семантического пространства русского языка иностранцами : сб. материалов Междунар. науч.-практ. онлайн-конференции. Н. Новгород : Изд-во НГЛУ, 2020. С. 232–239.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1987. Вып. 13. 318 с.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1997. Вып. 22. 298 с.
17. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука, 1974. 767 с.
18. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М. : Ридерз Дайжест, 2004. 960 с.
19. Трошина Н. Н. Термины кровного родства и свойства в современном русском языке // Вестник Владимирского государственного педагогического университета. 1998. Вып. 3. С. 207–213.
20. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 211 с.
21. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. 243 с.
22. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. 2-е изд., исп. и доп. М. : Просвещение, 1971. 542 с.
23. Эгамназаров Х. Х. Термины родства и их функционально-семантические микросистемы в узбекском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2010. 24 с.
24. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006. Ж. III. 688 б.
25. Nuevo diccionario esencial de la lengua Española / Gregorio Salvador. 2-е изд., илл., перепеч. Santillana, 2000. 1414 p.
26. Wallace A., Atkins J. Meaning of Kinship Terms. American Anthropologist. 1960. Vol. 62. Pt. I. P. 58–80.

References

1. Budagov LZ. Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy = Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects. St. Petersburg; 1869. Vol. I. 810 p. (In Turkish —Russ.).
2. Bkhatti NV, Kharitonova YeYu. Comparative and typological analysis of kinship terms in Indo-European languages (on the example of English, German, Russian and Urdu). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Bulletin of the Voronezh State University. Series: linguistics and intercultural communication*. 2020;(2):29-38 (In Russ.).
3. Gadzhiyeva LA. Terminy rodstva i svoystva v kumykskom i turetskom yazykakh = Terms of kinship and properties in the Kumyk and Turkish languages. Abstract of thesis. Makhachkala; 2009. 23 p. (In Russ.).
4. Gromova NV. Terminy rodstva v substandartnoy leksike angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov: funktsional'nyy i lingvokul'turnyy aspekty = Kinship terms in substandard vocabulary of English, German and Russian languages: functional and linguocultural aspects. Thesis. Astrakhan; 2021. 173 p. (In Russ.).
5. Denmukhametova EN, Yusupova ASH. Terms of kinship in bilingual dictionaries of the Tatar language. *Voprosy teorii i praktiki = Questions of theory and practice*. 2012;(5):62-65. (In Russ.).
6. Ismoilov IA. Turkiy tillarda qavm-qarindoshlik terminlari (o'zbek, uyg'ur, qozoq, qirg'iz, qoraqalpoq, turkman tillari materiallari asosida) = Terms of kinship in Turkic languages (based on materials of Uzbek, Uyghur, Kazakh, Kyrgyz, Karakalpak, Turkmen languages). Tashkent: Uzbek SSR "Fan" publishing house; 1966. 149 p. (In Uzbek).
7. Li YeV. Terminy rodstva v sisteme yazyka i v soznanii raznoyazychnykh nositeley = Kinship terms in the language system and in the minds of multilingual speakers. Abstract of thesis. Kemerevo; 2013. 24 p. (In Russ.).
8. Lomtev TP. Principles of distinguishing differential semantic elements. In: *Obshcheye i russkoye yazykoznanie. Izbrannyye raboty = General and Russian linguistics. Selected works*. Moscow: Nauka; 1993. Pp. 272–289. (In Russ.).
9. Moiseyev AI. Kinship terms in the Russian language. *Filologicheskiye nauki = Philological Sciences*. 1963;(3):120-132. (In Russ.).
10. Morgan LG. Drevneye obshchestvo = Ancient society. Leningrad: Publishing house of the Institute of Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR; 1934. 350 p. (In Russ.).
11. Noskova MV. Comparative analysis of the specifics of the functioning of kinship terms in English and Russian languages. *Kazanskaya nauka = Kazan science*. 2018;(8):51-53 (In Russ.).
12. Radlov VV. Opyt slovarya tyurkskikh narechiy = Experience of the dictionary of Turkic dialects. St. Petersburg; 1893. Vol. 1. 967 p. (In Turkish —Russ.).
13. Russko-uzbekskiy slovar': v 2 t. (1984) = Russian-Uzbek dictionary: in 2 vol. Tashkent: Main edition of UzSE; 1984. Vol. 2. 800 p. (In Russ. — Uzbek).
14. Sandler YuN. Interlanguage gaps in the naming of kinship relationships in Russian and Spanish. In: *Osvoyeniye semanticheskogo prostranstva russkogo yazyka inostrantsami = Mastering the semantic space of the Russian language by foreigners*. Nizhny Novgorod: Publ. house of Nizhny Novgorod State Linguistic University; 2020. 259 p. (In Russ.).
15. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. = Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Moscow: Nauka Publ.; 1987. Iss. 13. 318 p. (In Russ.).
16. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. = Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Moscow: Nauka Publ.; 1997. Iss. 22. 298 p. (In Russ.).
17. Sevortyan EV. Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na glasnyye) = Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic bases on vowels). Moscow: Nauka; 1974. 767 p. (In Russ.).
18. Kuznetsov SA (Ch. ed.) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka = Modern explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Riderz Dayzhest; 2004. 960 p. (In Russ.).
19. Troshina NN. The terms of consanguinity and properties in the modern Russian language. *Vestnik Vladimirovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Vladimir State Pedagogical University*. 1998;(3):207-213. (In Russ.).
20. Trubachev ON. Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya = History of Slavic terms of kinship and some of the most ancient terms of the social system. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR; 1959. 211 p. (In Russ.).

21. Chernykh PYa. Oчерk russkoy istoricheskoy leksikologii. Drevnerusskiy period = Essay on Russian Historical Lexicology. Old Russian period. Moscow: Publishing house of Moscow University; 1956. 243 p. (In Russ.).

22. Shanskiy NM, Ivanov VV, Shanskaya TV. Kratkiy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. 2-ye izd. = A short etymological dictionary of the Russian language. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie; 1971. 542 p. (In Russ.).

23. Egamnazarov KhKh. Terminy rodstva i ikh funktsional'no-semanticheskiye mikrosistemy v uzbekskom i angliyskom yazyka = Kinship terms and their functional-semantic microsystems in the Uzbek and English languages. Abstract of thesis. Dushanbe; 2010. 24 p. (In Russ.).

24. O'zbek tilining izohli lugati = Explanatory dictionary of the Uzbek language. Tashkent: Uzbek national encyclopedia; 2006. Vol. III. 688 p. (In Uzbek).

25. Nuevo diccionario esencial de la lengua Española / Gregorio Salvador. 2nd ed., illustr., reprint. Santilana; 2000. 1414 p. (In Span.).

26. Wallace A, Atkins J. Meaning of Kinship Terms. *American Anthropologist*. 1960;62-I:58-80. (In Span.).

Информация об авторе

М. Р. Саидходжаева — докторант.

Information about the author

Mekhrikhon R. Saidkhodjaeva — Doctoral Student.

---

*Статья поступила в редакцию 23.05.2022;
одобрена после рецензирования 07.09.2022; при-
нята к публикации 12.08.2023.*

*The article was submitted 23.05.2022; approved
after reviewing 07.09.2022; accepted for publication
12.08.2023.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-42-51

К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОМ ЗНАЧЕНИИ ИМЕННЫХ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И ВЫРАЖЕНИИ ИХ КОРРЕЛЯТОВ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Маджид Эстири¹, Халида Сиями Эйдлак²✉

¹ Университет Гонбад-Кавус, Гонбад-Кавус, Иран, estiri@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0014-4330

² Боджнордский университет, Боджнорд, Иран, kh.siyami@ub.ac.ir, ORCID: 0000-0001-9466-7428

Аннотация. В русском и персидском языках словосочетания включают разные компоненты. В статье представлены семантические значения русских субстантивно предложных словосочетаний с зависимым существительным, которые выражаются в персидском языке изафетными словосочетаниями со структурой «существительное + прилагательное». Эмпирической базой исследования послужили ведущие толковые и русско-персидские словари. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые в русско-иранской сопоставительной лингвистике выделены русские именные словосочетания, совпадающие с изафетными словосочетаниями «существительное + прилагательное», а также впервые проведен семантический анализ выявленных словосочетаний и их коррелятов в персидском языке. Результаты исследования могут быть использованы как вспомогательный материал и преподавателями, и студентами, обучающимися на кафедрах РКИ в иранских вузах. Кроме того, данная работа может служить полезной научно-исследовательской базой для иранских и русских переводчиков.

Ключевые слова: именные словосочетания, изафетные словосочетания, семантический анализ, корреляты, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Эстири М., Эйдлак Х. Сиями. К вопросу о смысловом значении именных субстантивных словосочетаний и выражении их коррелятов в персидском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 42–51. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-42-51.

Original article

ON THE QUESTION OF THE SEMANTICS OF RUSSIAN NOMINAL SUBSTANTIVE PHRASES AND THE EXPRESSION OF THEIR CORRELATES IN THE PERSIAN LANGUAGE

Majid Estiri¹, Khalida Siyami Eidlak²✉

¹ Gonbad Kavous University, Gonbad Kavous, Iran, estiri@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0014-4330

² University of Bojnord, Bojnord, Iran, kh.siyami@ub.ac.ir, ORCID: 0000-0001-9466-7428

Abstract. Phrases consist of various parts in the Persian and Russian languages. The article presents semantics of Russian substantive prepositional phrases with a dependent noun, which are expressed in Persian by Ezāfe phrases, with the “noun + adjective” structure. The empirical and factual basis of the study was the Russian-Persian dictionaries by G. A. Voskanyan, I. K. Ovchinnikova, S. D. Klevtsova and the Persian dictionary “Sokhan”, edited by H. Anvari. The scientific novelty of the work is the fact that for the first time in Russian-Persian comparative linguistics, Russian nominal phrases coinciding with the Ezāfe phrases “noun + adjective” are distinguished. Also novel is the semantic analysis of the identified phrases and their correlates in the Persian language. The results of the study can be used as additional material by teachers and students studying Russian as a foreign language in universities of Iran. In addition, this work can be a useful scientifically grounded source for Persian and Russian translators.

Keywords: nominal phrases, ezāfe phrases, semantic analysis, correlates, Russian language, Persian language

For citation: Estiri M, Eidlak Kh. Siyami. On the question of the semantics of Russian nominal substantive phrases and the expression of their correlates in the Persian language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):42-51. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-42-51.

Введение

Основным отличием русского языка от персидского, хотя они и отнесены к одной семье языков, является наличие в первом такой словоизменительной категории, как категория падежей. В русском языке падеж выполняет существенную функцию в соединении двух или более самостоятельных слов, образующих словосочетания, в то время как в персидском языке слова в составе словосочетаний соединяются иными способами. Как в русском, так и в персидском языке словосочетание как единица синтаксиса представляет собой вспомогательную единицу в составе предложения. Несмотря на то, что такие номинативные единицы языка, как словосочетания, всегда привлекали внимание как русских, так и иранских лингвистов и исследователей, данная особенность словосочетаний в русско-персидском сопоставительном аспекте до сих пор не нашла должного освещения.

На разных этапах развития синтаксической науки русские ученые-лингвисты дают разные определения словосочетания. Ряд ведущих русских лингвистов, таких как В. А. Белошапкова, А. А. Шахматов, Н. Ю. Шведова, А. М. Пешковский, считают, что словосочетаниями следует называть сочетания знаменательных слов на основе одного из видов синтаксической связи [2; 10; 13; 14].

О понятии словосочетания К. М. Мусаев пишет: «Словосочетание — синтаксическое единство, представляющее собой сцепление двух слов, принадлежащих к одной или различным частям речи, как самостоятельным, так и несамостоятельным» [7. С. 97]. Г. Н. Акимова и С. В. Вяткина считают, что соединение двух или более знаменательных слов на основе подчинительной связи является наиболее распространенным пониманием словосочетания [1. С. 35].

Относительно понятия словосочетания в персидском языке Ю. А. Рубинчик пишет: «Словосочетание представляет собой объединение знаменательных слов, связанных грамматически и выражающих единое, но расчлененное понятие» [11. С. 359]. По его определению, не всякое соединение знаменательных слов способно образовывать словосочетание [там же. С. 359]. А. Табатабаи утверждает, что «словосочетанием является сочетание слов, выполняющих определенную синтаксическую роль в предложении» [17. С. 162].

Исходя из этого можно сказать, что как в русском, так и в персидском языке словосочетание образовано объединением двух или более знаменательных слов и служит основным материалом в оформлении того сообщения, которое выражается в предложениях и высказываниях, однако ввиду отсутствия падежной системы в персидском языке способы образования словосочетаний в русском и персидском языках различны.

В персидском языке грамматические связи между компонентами в словосочетаниях выражаются аналитически и синтаксически с помощью тех или иных служебных средств, включая *изафет*. *Изафет* как одно из средств выражения грамматических значений в персидском языке характерен для соединения двух или более знаменательных слов в составе словосочетаний.

В русском языке словосочетание образуется по принципу субординации; т. е. оно образовано сочетанием грамматически господствующего (главная словоформа) и подчиненного (зависимая словоформа) членов. В зависимости от того, какой частью речи выражается господствующий член (главная словоформа) в составе словосочетания, русские лингвисты дают разные классификации типов словосочетаний. Л. Л. Касаткин, так же, как и О. И. Руденко-Моргун, Л. А. Дунаева и др. [12], считает именные (*бегущий олень, изба рыбака*), глагольные (*говорить громко, всматриваться в лица*) и наречные (*очень громко, далеко от города*) словосочетания основными типами словосочетаний [6. С. 657]. М. А. Карданова, в свою очередь, помимо данных видов словосочетаний выделяет еще и местоименные словосочетания (*кто-то из учеников, кто-нибудь иной*) [4. С. 18–19]. Отсюда следует, что сущность предложенных русскими лингвистами классификаций о словосочетаниях приблизительно одинакова. В предложенных классификациях именные словосочетания — это словосочетания, в которых главное слово может быть выражено лексемами, принадлежащими к разным частям речи: существительным (*работа завода, любовь к матери, ответ студентам, бак с бензином*), прилагательным (*достойный уважения, способный к русскому языку, ленивый на работе, различные по полю*), числительным (*пять книг, двое котят, первый из вас, две студентки*) и местоимениям (*они с ним, я с Максимом, каждый из нас, любой из вещей*) [12. С. 16].

Различные способы выражения компонентов русских словосочетаний, а также их разнообразные семантические связи создают ряд проблем у иранских студентов-русистов при передаче на персидский язык и выборе правильной структуры. Главное слово русских именных словосочетаний, которое выражено существительными, может сочетаться с предлогами и существительными и обладает такой конструкцией: «существительное + предлог + существительное» (далее — «сущ. + предлог + сущ.»).

Эта конструкция вызывает трудности у персоязычных обучающихся при переводе на персидский язык, так как зависимое существительное в структуре таких именных словосочетаний способно переводиться на родной язык обучающихся прилагательными. Сосредоточиваясь на составе предлога и существительных в конструкции именных словосочетаний со структурой «сущ. + предлог + сущ.», персоязычные обучающиеся упускают из виду тот факт, что русские имена существительные порою могут переводиться на персидский язык как прилагательные. Это связано с тем, что в иранской аудитории при подаче теоретического материала и решении заданий практического материала недостаточно полно учитывается семантический аспект данного типа русских словосочетаний. Помимо этого, в используемых в Иране учебниках и учебных пособиях не уделено должного внимания семантическим особенностям русских словосочетаний и их персидским эквивалентам.

Как было сказано выше, русские именные словосочетания «сущ. + предлог + сущ.» могут выражаться персидскими именными изафетными словосочетаниями, вторым компонентом которых являются прилагательные. Изафетные словосочетания являются самым распространенным и общеупотребительным типом словосочетаний в персидском языке, при этом слова в составе изафетных словосочетаний относятся к разным частям речи. «Изафетная конструкция — это такой способ подчинительной связи именных словосочетаний в персидском языке, при котором подчиняющее слово, находящееся в препозиции, связывается с последующим, подчиненным словом, при помощи изафета, т. е. безударного грамматического показателя «-э» (после гласного «-йе»)» [11. С. 350].

И. К. Овчинникова и А. К. Мамед-заде о структуре изафетной конструкции пишут: «В персидском языке связь между определяемым словом

и определением выражается при помощи особой конструкции, называемой изафетной: впереди стоит определяемое, к нему присоединяется безударный морфологический показатель — суффикс -э, называемый изафетом (от слова «эзафе» в персидском языке — «прибавление»), а затем следует определение» [8. С. 71]. В таких конструкциях изафетный показатель произносится безударно как «-э» (после гласного «-йе»). В персидских изафетных конструкциях определяемое слово и определение представляют собой единое целое, что подчеркивается интонационно, а между определяемым словом и определением не допускается длительной паузы: *pirahan-e sabz* — зеленая рубашка, *ketab-e mosavar* — книга с рисунками, *hava-ye barani* — дождливая погода, *khaneha-ye ajori* — дома из кирпича.

А. Шафаи подразделяет словосочетания с изафетом согласно их компонентам на две группы. К первой группе он относит изафетные словосочетания, в которых главным компонентом является существительное, а его зависимые компоненты могут быть представлены: существительным (*dar-e kelas* — дверь аудитории и т. д.); прилагательным и его формами (*kelas-e marik* — темная аудитория, *kolah-e charmi* — шапка из кожи, *bozorgtarin khahar* — самая старшая сестра и т. д.); инфинитивом и особыми формами глагола (*vaght-e khordan* — пора есть, *ab-e ravan* — текущая вода и т. д.); числительным (*otagh-e hasht* — комната номер восемь, *tabaghe-ye sevom* — третий этаж и т. д.); различными разрядами местоимений (*mashin-e shoma: vauha maшина*, *dar-e an...* — дверь того/мой..., *livan-e khud* — свой стакан, *kelid-e ke* — чей ключ, *telefon-e kasi* — чей-то телефон, *hava-ye diruz* — вчерашняя погода) и т. д.

Вторая группа представлена изафетными словосочетаниями, где существительные выступают зависимым компонентом, а главным компонентом являются различные части речи. Например, *hame-ye shahr* — весь город, *hame-ye majale* — весь журнал, *badtarin daneshju* — наихудший студент, *nevisande-ye ketab* — писатель книги, *parvaz-e balgard* — полет вертолета, *dahom-e tir* — десятое тура, *shoma-ye aghel* — умный вы, *kodam sandali?* — какой тул и т. д. [16. С. 139].

Как видно, словоформы в составе изафетных словосочетаний, располагаясь на разных местах в зависимости от синтаксического способа, принадлежат к разным частям речи.

Естественно, в вышеприведенных русских и персидских словосочетаниях существует ряд

синтаксических конструкций, где предложные или беспредложные конструкции выражаются разными синтаксическими отношениями, однако в указанных языках, разумеется, нет полного соответствия по синтаксическим конструкциям. Так, русские предложные конструкции в именных словосочетаниях с моделью «сущ. + предлог + сущ.» могут соответствовать персидским беспредложным конструкциям «существительное + прилагательное» (далее — «сущ. + прил.») изафетного типа.

В представленной А. Шафаи классификации общим для всех персидских изафетных словосочетаний является употребление определения в постпозиции по отношению к определяемому слову. Также по характеру семантико-грамматических отношений между определяемым словом и определением изафетное словосочетание относится к атрибутивным словосочетаниям. Принято считать, что среди изафетных словосочетаний в персидском языке наиболее распространены атрибутивные словосочетания. Они занимают важное место в системе персидского языка, так как предназначены для характеристики того или иного предмета, его качеств и свойств. Особый тип атрибутивной связи существует в изафетных конструкциях со структурой «сущ. + прил.», в которой, будучи в постпозитивном положении по отношению к определяемому слову, определение стоит в исходной форме. Базовым компонентом словосочетания выступает существительное, а среди зависимых слов встречаются прилагательные: *adam-e einaki* — человек в очках, *motor-e benzini* — двигатель на бензине, *hughugh-e mahyane* — зарплата за месяц, *tokaleme-ye telefoni* — разговор по телефону.

В персидском языке существительное и прилагательное не имеют таких общих грамматических категорий, как в русском — род, число и падеж, иными словами, и прилагательные не обладают грамматическими внешними отличительными чертами. Будучи независимыми, прилагательные не согласуются с существительными в роде, числе и падеже, и потому связь определения и определяемого слова путем согласования не представляется возможной в изафетных словосочетаниях. Такая связь может выражаться изафетом. Поэтому при отнесении имени к той или иной части речи, включая прилагательное, в первую очередь учитываются его лексическое значение и синтаксическая функция в структуре словосочетания.

Материалы и методы исследования

Материалом данного исследования послужили лексические единицы, отобранные авторами представленного исследования методом сплошной выборки из ведущих русско-персидских и персидско-русских словарей. К таким словарям следует отнести русско-персидский словарь И. К. Овчинниковой, включающий 36 тыс. слов [9], русско-персидский словарь К. А. Ваканяна, включающий 30 тыс. слов [3], русско-персидский словарь Д. Клевцовой, включающий 11 тыс. слов [5]. Также к исследованию был привлечен персидский Большой толковый словарь «Сохан» Х. Анвари, включающий более 110 тыс. слов [15].

Работа строилась на следующих исследовательских методах: сопоставительно-сравнительном, использовавшемся при сопоставлении русских словосочетаний с их персидскими эквивалентами; методе сплошной выборки лексических единиц в качестве исследуемого материала; методе лингвистического анализа из переводческих словарей, выработанном при изучении теоретического материала по заданной тематике.

Результаты исследования и их обсуждение

Далее представлен семантический анализ именных словосочетаний со структурой «сущ. + предлог + сущ.», соответствующих персидским изафетным словосочетаниям с составом «сущ. + прил.», и их корреляты в персидском языке.

1. Сущ. + предлог + сущ. в родительном падеже

1.1. Словосочетания с предлогом «для»

В указанных словарях было обнаружено пять значений словосочетаний с конструкцией «сущ. + для + сущ.». Однако в результате тщательного сравнительно-сопоставительного анализа пяти выявленных словосочетаний из исследуемых словарей было выявлено всего одно значение, которое в персидском языке передается при помощи изафетной конструкцией «сущ. + прил.»: лицо/объект, для которого что-либо предназначается (*госпиталь для раненых* — *bimarestan-e majruhin*, *дома для престарелых* — *khane-ha-ye salmandan*, *лагерь для военнопленных* — *ordugah-e asiran-e jangi*, *графин для воды* — *tong-e abi*, *вагон для курящих* — *vagon-e sigari-ha*).

1.2. Словосочетания с предлогом «из»

В исследуемых словарях было выявлено пять коннотаций словосочетаний, содержащих предлог «из» согласно конструкции «сущ. + из + сущ.». Однако этот тип русских именных

словосочетаний, передающийся в персидском языке конструкцией «сущ. + прил.», выражает только следующие два значения:

- материал, из которого что-либо изготавливается, производится (*ваза из серебра — goldan-e noghrei, памятник из бронзы — tojasame-ye tafraghi, платье из шелка — lebas-e abrishami, изделия из меди — faravarde-ha-ye mesi, дом из кирпича — khane-ye ajori*);
- лицо, предмет и т. п. согласно его происхождению и роду деятельности (*человек из Ши-раза — shakhs-e shirazi, человек из шахте-ров — shakhs-e madanchi*).

Всего в исследуемых словарях было выявлено до семи примеров русских словосочетаний данного типа изафетной конструкции.

1.3. Словосочетания с предлогом «от»

Русские словосочетания «сущ. + от + сущ.», соответствующие персидским словосочетаниям «сущ. + прил.», употребляются в двух следующих значениях:

- при обозначении состояния, явления, лица и т. п., против которого, для предотвращения которого употребляется или служит что-либо (*средство от каши — ghors-e zed-e sorfe*);
- при обозначении лица, предмета, явления и т. п., являющегося или послужившего источником чего-либо (*доходы от нефти — daramad-ha-ye nafti*).

Из всех словосочетаний, приведенных в исследуемых словарях, лишь в двух указанных значениях возможно соотношение с персидской изафетной конструкцией «сущ. + прил.»

1.4. Словосочетания с предлогом «без»

В исследуемых нами словарях было выявлено три значения употребления предлога «без». Однако, употребление его в конструкциях «сущ. + прил.» с изафетом в персидском языке возможно лишь в одном-единственном значении, которое представлено ниже тремя выявленными синтаксическими единицами: указание на отсутствие кого-либо или чего-либо (*человек без таланта — adam-e biestedad, человек без мозга — adam-e bimaghz, министр без портфеля — vazir-e moshaver*).

2. Сущ. + предлог + сущ. в дательном падеже

2.1. Словосочетания с предлогом «по»

Русские словосочетания конструкции «сущ. + по + сущ.» также способны передаваться в персидском языке словосочетанием «сущ. + прил.», имея при этом следующие лексические значения:

- вид календаря в соответствии с периодичностью движения небесных тел (луна, солнце и т. д.) (*год по хиджре — sal-e hejri, год по христианскому летоисчислению — sal-e milady, год по лунному календарю — sal-e gamari, год по солнечному календарю — sal-e shamsi*);
- название книг (пособий, учебников, тетрадей) в соответствии с областью и сферой темы и содержания книг (пособий, учебников, тетрадей) (*книга по искусству и науке — ketab-e honari va elmi*);
- сфера деятельности (профессии) (*инспекторы по вооружениям — bazrasan-e taslihati, консультант по вопросам печати — moshaver-e matbuati, силы по охране порядка — niru-ye entezami*);
- при обозначении родства, близости (*родственники по отцу — khishavandan-e pedari-e, товарищ по классу — dust-e hamkelasi*);
- при обозначении предмета, посредством которого или при помощи которого совершается действие (*разговор по телефону — tokaleme-ye telefoni*);
- значение посредства или при обозначении предмета, пространства и места, где происходит действие, движение кого-либо, чего-либо, где располагается кто-либо, что-либо (*перевозка по воздуху — haml-o naghle havai, перевозка по морю — haml-o naghle daryayi*).

Согласно анализу, из пятнадцати выявленных значений функционирования предлога «по» в русском языке всего лишь шесть могут передаваться в персидском языке изафетными конструкциями, которые были представлены в исследованных нами словарях в количестве тринадцати словосочетаний по формуле «сущ. + прил.»

3. Сущ + предлог + сущ. в винительном падеже

3.1. Словосочетания с предлогом «под»

Словосочетания с предлогом «под» образованы при помощи сочетания существительных с предлогом согласно следующей структуре: «сущ. + под + сущ.». Было выявлено до девяти способов и значений употребления этого предлога в русском языке с винительным падежом.

Однако данный способ образования словосочетания передается в персидском языке словосочетанием «сущ. + прил.» с изафетом лишь в значении схожести по каким-либо параметрам: *подделки под алмаз — masnat-e almasgune*.

3.2. Словосочетания с предлогом «за»

Всего в исследуемых словарях было выявлено до девяти значений данного типа словосочетаний, однако лишь одно из значений обладает возможностью передачи на персидский язык изафетным словосочетанием «сущ. + прил.». Именное словосочетание с предлогом «за», соответствующее персидскому словосочетанию «сущ. + прил.», выражает следующее значение: в течение, за период (*отчет за год — gozaresh-e salane, зарплата за месяц — hughugh-e mahyane*).

Из всевозможных примеров его использования, приведенных авторами словарей, всего два примера данного значения соответствуют исследуемому авторами изафетному способу перевода словосочетания.

4. Сущ. + предлог + сущ. в творительном падеже

4.1. Словосочетания с предлогом «над»

Именное словосочетание, в состав которого входит предлог «над», соответствуя персидскому словосочетанию со структурой «сущ. + прил.», обозначает направленность, нацеленность соответствующего действия на какой-то объект (*контроль над вооружением — control-e taslihati*).

Среди изученных словосочетаний в русско-персидских словарях Г. А. Восканяна, И. К. Овчинниковой и С. Д. Клевцовой из двух приведенных значений только одно значение передается изафетной конструкцией в персидском языке, а из десятка представленных примеров только одно словосочетание соответствует персидскому варианту словосочетания со структурой «сущ. + прил.».

5. Сущ. + предлог + сущ. в творительном или в родительном падежах

5.1. Словосочетания с предлогом «с»

Русские словосочетания с предлогом «с» в родительном и винительном падежах, согласно исследованным словарям, выступают в словосочетаниях в двадцати двух значениях с разнообразными коннотациями. Из данного количества представленных в словарях значений всего два нижеприведенных значения передаются на персидском языке при помощи изафетной конструкции «сущ. + прил.»:

- содержимое или содержание чего-либо, а также признак лица, наличие которого характеризует предмет, лицо (*журнал с иллюстрациями — majale-ye mosavar, танкер с нефтью — tanker-e nafti, чело-*

век с семьей — shakhs-e aeledar, человек с талантом — adam-e bagharihe, дом с садом — khane-ye baghdar, солдат с винтовкой — sarbaz-e tofangdar, человек с ружьем — adam-e tofang bedast, волосы с проседью — tu-ha-ye jogandomi, игры с выбыванием — mosabeghat-e hazfi, документ с фотографией — madrak-e aksdar, трактор с прицепом — traktor-e yadakkesh, рубашка с заплатами — pirahan-e vasledar, конверт с маркой — pakat-e tambrdar, шляпа с полями — kolah-e labedar, тетрадь с полями — daftar-e hashiyedar, буква с точкой — harf-e noghtehdar, книга с иллюстрациями — kitab-e tasvirdar, человек с именем — shakhs-e namdar);

- при обозначении места, пространства, откуда направлено движение, действие (*письмо с родины — name-ye vatani*).

Всего в исследуемых словарях было выявлено 19 примеров, выражающих вышеприведенные два значения изафетной конструкции «сущ. + прил.», которые в русском языке передаются при помощи именных словосочетаний с предлогом «с».

6. Сущ. + предлог + сущ. в винительном или в предложном падежах

6.1. Словосочетания с предлогом «в»

Словосочетания, в состав которых входит предлог «в», можно подразделить на две подгруппы. В первую подгруппу входит употребление предлога «в» с существительным в винительном падеже, во вторую — с существительным в предложном падеже. В исследуемых авторами словарях было обнаружено тринадцать значений предлога, однако всего лишь трем из них могут соответствовать персидские словосочетания «сущ. + прил.» с изафетом. Анализ четырнадцати словосочетаний «сущ. + в + сущ.», которые были обнаружены авторами в русско-персидских словарях, передающихся на персидский язык конструкцией «сущ. + прил.» с изафетом, выявил следующие их значения:

- при обозначении внешнего признака, вида, формы, свойства, качества, присущего чему-либо (*тетрадь в линейку — daftar-e khatdar, тетрадь в клетку — daftar-e shatranji, платье в полоску — lebas-e rahrah, юбка в складку — daman-e chindar/porchin*);
- при обозначении предмета, по направлению к которому обращено действие (*выстрел в воздух — shellik-e havai, потребности в нефти — niyaz-ha-ye nafti, кровоизлияние в мозг — khunrizi-ye maghzi*);

- при обозначении предмета, который облекает кого-либо, что-либо или находится на ком-либо, чем-либо (*человек в очках — adam-e einaki / adam-e einakdar, мебель в чехлах — tobl-e rupushdar, тетрадь в клетку — daftar-e charkhane, руки в краске — dastan-e rangi, кофе в зернах — ghahve-ye nakubide, лицо в морщинах — surat-e chindar/chrukide, ограничение во времени — mahdudiyat-e zamanī*).

6.2. Словосочетания с предлогом «на»

Словосочетания, в состав которых входит предлог «на», можно подразделить на две подгруппы. К первой подгруппе относятся словосочетания «сущ. + на + сущ.», в которых предлог управляет винительным падежом, а ко второй группе — те, в которых предлог управляет предложным падежом. Всего было выявлено двенадцать значений употребления предлога, однако всего лишь три из них могут передаваться на персидский язык словосочетанием «сущ. + прил.» с изафетом. В исследуемых русско-персидских словарях было выявлено шесть синтаксических единиц вышеозначенной структуры, тщательный анализ которых позволил выделить следующие их значения, передающиеся на персидский язык в виде «сущ. + прил.» с изафетом:

- цель, к которой направлено действие, при обозначении назначения (*материал на костюм — parche-ye kot-o-shalvari, обед на двоих — nahar-e do nafari, номер на троих — otagh-e se nafari*);
- орудие действия, средств передвижения, материала (*пальто на меху — palto-e khazdar, туфли на каблучке — kafsh-e pashnedar*);
- средство, с помощью которого кто-либо, что-либо работает, действует, что-либо делается (*двигатель на бензине — motor-e benzini*).

Заключение

Как в персидском, так и в русском языке словосочетание образовано соединением двух и более слов, связанных между собой грамматически и семантически. Синтаксические средства, с помощью которых зависимая словоформа присоединяется к главной словоформе в русских именных словосочетаниях, разнообразны. Русские именные словосочетания со структурой «сущ. + предлог + сущ.» выражаются по-разному в персидском языке. Данное явление вызывает определенные трудности при их переводе у иранских

студентов-русистов, обучающихся на базе кафедр РКИ в иранских вузах. На основании анализа русских именных словосочетаний со структурой «сущ. + предлог + сущ.», отобранных из русско-персидских словарей Г. А. Восканяна, И. К. Овчинниковой и С. Д. Клевцовой, можно сделать следующие выводы.

1. В структуре именных словосочетаний с конструкцией «сущ. + предлог + сущ.» не все предлоги передаются в персидском языке изафетными словосочетаниями по формуле «сущ. + прил.».
2. В конструкции «сущ. + предлог + сущ.» второе существительное может быть использовано в форме любого косвенного падежа.
3. В именных словосочетаниях с предлогами «в», «на» и «с» зависимое существительное может употребляться в двух косвенных падежах: существительные с предлогами «в», «на» — в предложном и винительном падежах, существительное с предлогом «с» — в родительном и творительном падежах.
4. Из всех известных русских предлогов только одиннадцать предлогов в структуре именных словосочетаний «сущ. + предлог + сущ.» обладают возможностью передачи их на персидский язык изафетными конструкциями «сущ. + прил.».
5. Из семидесяти трех русских именных словосочетаний, эквивалентных персидскому изафетному словосочетанию со структурой «сущ. + прил.», выявленных нами в ведущих русско-персидских словарях, существительные с предлогом «с» в творительном падеже составляют максимальный процент (девятнадцать единиц), а существительные с предлогами «под» в винительном, «над» и «с» в творительном падежах — минимальный процент (одна единица).

Исходя из результатов нашего исследования можно представить следующий мониторинг русских предлогов в количественно-процентном соотношении использования их в персидском языке в словосочетаниях типа «сущ. + прил.» с изафетом.

Согласно результатам проведенного исследования, можно представить выводы в нижеприведенном мониторинге общего количества выявленных значений русских словосочетаний «сущ. + предлог + сущ.» по отношению к возможным передачам на персидский язык как «сущ. + прил.» с изафетом.

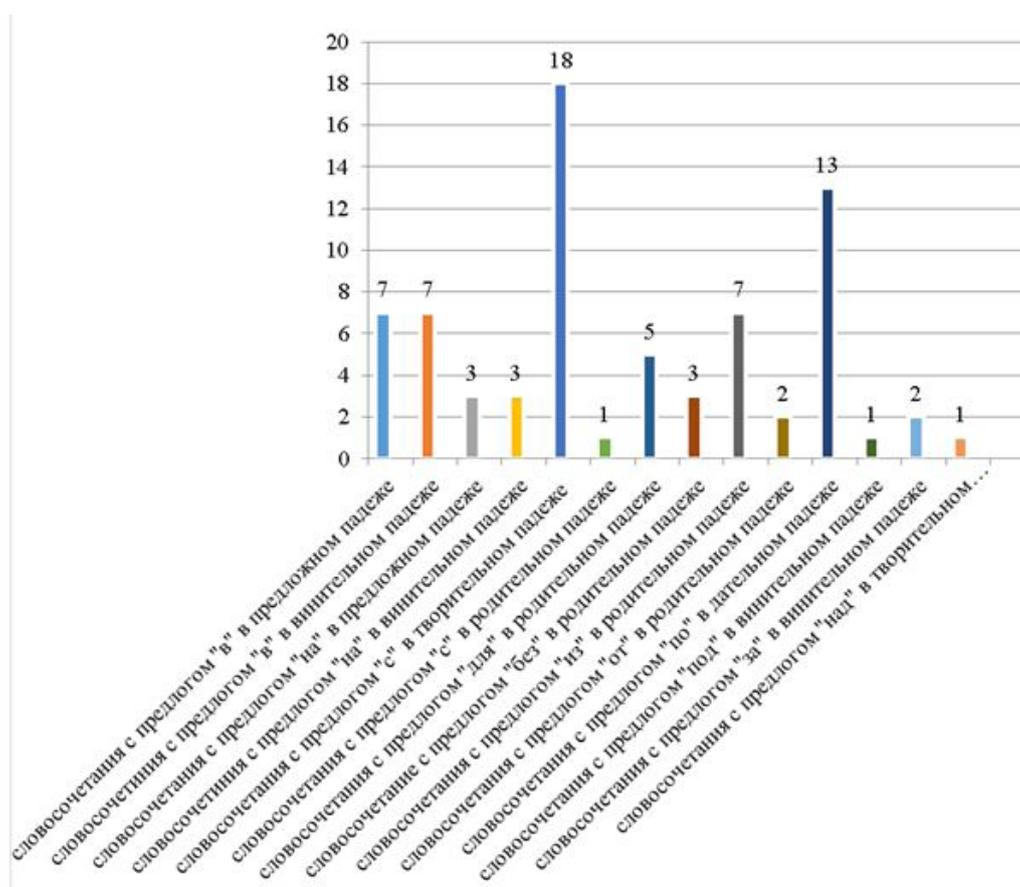

Рис. 1. Мониторинг значений русских словосочетаний «сущ. + предлог + сущ.» и персидских словосочетаний «сущ. + прил.» с изафетом, обнаруженных в исследуемых словарях

Fig. 1. Monitoring the meanings of Russian phrases "noun + preposition + noun" and Persian phrases "noun + adjective" with izafet found in the studied dictionaries

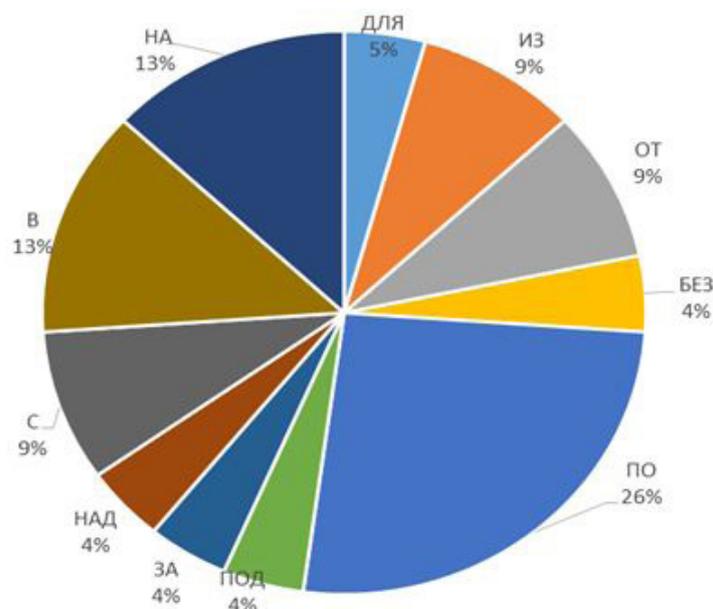

Рис. 2. Мониторинг процентного соотношения передачи русских предложных словосочетаний на персидский язык с помощью изафета

Fig. 2. Monitoring the percentage ratio of the transmission of Russian prepositional phrases into Persian using izafet

В соответствии с данным мониторингом наглядно видно, что наиболее частыми при передаче русских словосочетаний типа «сущ. + предлог + сущ.» на персидский язык «сущ. + прил.» с изафетом являются значения, передающиеся предлогом «по», составляющие 26 процентов, и наименее частыми — предлоги «без», «за», «над» и «под», составляющие по 4 процента.

Данное исследование было направлено на выявление значений русских субстантивно-предложных словосочетаний, способных передаваться на персидский язык конструкцией «сущ. + прил.»

с изафетом, так как именно они зачастую вызывают особые трудности у студентов РКИ на базе высших учебных заведений Ирана при переводе их на персидский язык. В перспективы данного исследования могут входить дальнейшие исследования магистрантов и аспирантов по корректировке, предупреждению и искоренению трудностей, связанных с переводом данного типа словосочетаний, при преподавании РКИ. Материалы данного исследования могут найти отражение при подготовке учебников, пособий и методических рекомендаций по преподаванию РКИ в Иране.

Список источников

1. Акимова Г. Н., Вяткина С. В. Синтаксис современного русского языка : учебник для студ. высш. учеб. заведений / под ред. С. В. Вяткиной. СПб. : СПбГУ ; М. : Академия, 2009. 346 с.
2. Белошাপкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. Современный русский язык : учебник для филол. спец. ун-тов / под ред. В. А. Белошাপковой. М. : Высшая школа, 1989. 800 с.
3. Восканян Г. А. Русско-персидский словарь. Тегеран : Кухсар, 2003. 830 с.
4. Карданова М. А. Русский язык. Синтаксис. М. : Наука : Флинта, 2012. 456 с.
5. Клевцова С. Д. Русско-персидский словарь. Тегеран : Джанзаде, 1995. 872 с.
6. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Крысин Л. П. Русский язык : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / под ред. Л. Л. Касаткина. М. : Академия, 2011. 784 с.
7. Мусаев К. М. Синтаксис караимского языка. М. : Академия, 2003. 347 с.
8. Овчинникова И. К., Мамед-заде А. К. Учебник персидского языка. М. : Московский университет, 1966. 447 с.
9. Овчинникова И. К., Фуругян Г. А., Бади Ш. М. Русско-персидский словарь / под ред. А. Асадуллаева, Л. С. Пейсикова. Мешхед : Джаведан-е херад, 2002. 1091 с.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
11. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М. : Восточная литература, 2001. 600 с.
12. Руденко-Моргун О. И., Дунаева Л. А., Кедрова Г. Е. Русский синтаксис: учебно-справочный комплекс «Русский язык». М. : Астрель, 2001. 253 с.
13. Русская грамматика, Том II. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. 709 с.
14. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
15. دلج 8. 1831. ن.خس: نارهت. «ن.خس» گرزب گن»رف. ن.سح ىرون ا
16. شفائى احمد. مبانى علمى دستور زبان فارسى. تهران، نوين. 645.1363 ص.
17. طباطبايى علاءالدين. فرهنگ توصيفى دستور زبان فارسى. تهران. فرهنگ معاصر. 5931. 640 ص

References

1. Akimova GN, Vjatkina SV. Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka = Syntax of modern Russian language. St. Petersburg: SPbGU; Moscow: Akademija; 2009. 346 p. (In Russ.).
2. Beloshapkova VA (ed.), Bryzgunova EA, Zemskaja EA. Sovremennyj russkij jazyk = Modern Russian language. Moscow: Visshaya shkola; 1989. 800 p. (In Russ.).
3. Voskanjan GA. Russko-persidskij slovar' = Russian-Persian Dictionary. Tehran: Kuhsar; 2003. 830 p. (In Russ. and Pers.).
4. Kardanova MA. Russkij jazyk. Sintaksis = Russian language. Syntax. Moscow: Nauka: Flinta; 2012. 456 p. (In Russ.).
5. Klevcova SD. Russko-persidskij slovar' = Russian-Persian Dictionary. Tehran: Janzade; 1995. 872 p. (In Russ. and Pers.).

6. Kasatkin LL (ed.), Klobukov EV, Krysin LP. Russkij jazyk = Russian language. Moscow: Akademija; 2011. 784 p. (In Russ.).
7. Musaev KM. Sintaksis karaimskogo jazyka = Syntax of the Karaite language. Moscow: Akademija; 2003. 347 p. (In Russ.).
8. Ovchinnikova IK, Mamed-zade AK. Uchebnik persidskogo jazyka = Persian language textbook. Moscow: Moskovskij universitet; 1966. 447 p. (In Russ. and Pers.).
9. Ovchinnikova IK, Furugjan GA, Badi SHM. Russko-persidskij slovar' = Russian-Persian dictionary. Mashhad: Javedan-e kherad; 2002. 1091 p. (In Russ. and Pers.).
10. Peshkovskij AM. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii = Russian syntax in scientific coverage. Moscow: Jazyk slavjanskoj kultury; 2001. 544 p. (In Russ.).
11. Rubinchik JuA. Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka = Grammar of modern Persian literary language. Moscow: Vostochnaja literatura; 2001. 600 p. (In Russ.).
12. Rudenko-Morgun OI, Dunaeva LA, Kedrova GE. Russkij sintaksis = Russian syntax. Moscow: Astreja; 2001. 253 p. (In Russ.).
13. Shvedova NJu (ed.). Russkaya grammatika, Tom II = Russian grammar, Volume II. Moscow: Nauka; 1980. 709 p. (In Russ.).
14. Shakhmatov AA. Sintaksis russkogo jazyka = Russian syntax. Moscow: Editorial URSS; 2001. 624 p. (In Russ.).
15. Anvari H. Farhang-e bozorg-e "Sokhan" = "Sokhan" Comprehensive Dictionary. Tehran: Sokhan; 2002. Eight volumes (In Pers.).
16. Shafai A. Mabani-e elmi-e dastur-e zaban-e farsi = Scientific foundations of Persian grammar. Tehran: Novin; 1984. 645 p. (In Pers.).
17. Tabataba'iy AA. Farhang-e tosifi-e dastur-e zaban-e farsi = Descriptive dictionary of Persian grammar. Tehran: Farhang-e moaser; 2016. 640 p. (In Pers.).

Информация об авторах

М. Эстири — кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры иностранных языков.

Х. Сиями Эйдлак — кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры иностранных языков.

Information about the authors

Majid Estiri — Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor, Lecturer, Department of Foreign Languages.

Kh. Siyami Eidlak — Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor, Lecturer, Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 15.08.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 12.08.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

**ВОПРОСЫ СТИЛИСТИКИ, ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА,
ДИСКУРСОЛОГИИ, ЛИНГВОПРАГМАТИКИ
QUESTIONS OF STYLISTICS, TEXT LINGUISTICS,
DISCOURSE STUDIES, LINGUOPRAGMATICS**

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 52–58.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(6(476):52-58. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-52-58

**АВТОРСКИЕ ПРЕДИСЛОВИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ: ФАКТОР АДРЕСАНТА**

Татьяна Александровна Воронцова^{1✉}, Диана Валерьевна Нургалева²

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ voron500@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7370-8809

² diananurgaley@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются авторские предисловия к лингвистическим научно-популярным текстам. Авторы научно-популярных текстов о языке могут иметь различные профессиональные статусы по отношению к предмету речи (лингвистике). На основании этого критерия выявлены три группы авторов научно-популярных лингвистических текстов: 1) лингвисты, ведущие активную научную деятельность; 2) лингвисты-популяризаторы; 3) авторы, чья профессиональная деятельность связана с языковой практикой (переводчики, редакторы, писатели и т. д.). Установлено, что фактор адресанта (профессиональный статус автора) в значительной степени определяет стилистическую и коммуникативно-прагматическую специфику авторского предисловия.

Ключевые слова: лингвистический научно-популярный текст, авторское предисловие, коммуникативная стратегия, тактика, адресант

Для цитирования: Воронцова Т. А., Нургалева Д. В. Авторские предисловия в лингвистических научно-популярных текстах: фактор адресанта // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 52–58. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-52-58.

Original article

**AUTHORS' PREFACES IN LINGUISTIC POPULAR SCIENCE TEXTS:
THE ADDRESSER'S FACTOR**

Tatyana A. Vorontsova^{1✉}, Diana V. Nurgaleeva²

^{1,2}Chelyabinsk State University Chelyabinsk, Russia

¹ voron500@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7370-8809

² diananurgaley@gmail.com

Abstract. The article considers authors' prefaces in linguistic popular science texts. Authors of popular science texts about the language may have different professional status in relation to the subject of speech (linguistics). Based on this criterion, three types of linguistic popular science texts authors have been identified: 1) linguists who are active in scientific work; 2) linguists-popularizers; 3) authors whose professional activities are related to language practice (translators, editors, writers, etc.). It has been established that the factor of the addresser (professional status of the author) largely determines the stylistic and communicative-pragmatic specificity of the authors' prefaces.

Keywords: linguistic popular science text, preface, communicative strategy, tactics, addresser

For citation: Vorontsova TA, Nurgaleeva DV. Authors' prefaces in linguistic popular science texts: the addresser's factor. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):52-58. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-52-58.

Введение

Научно-популярный дискурс широко представлен в лингвистических исследованиях. При всем многообразии подходов к стилистическому статусу научно-популярных текстов (стиль, подстиль или тип дискурса), как известно, основанием для выделения данных текстов в особую группу является функция «перевода» специальной научной информации на язык неспециального знания» [15. С. 236].

Заметное место в корпусе научно-популярных текстов занимают книги и статьи о языке. Это можно объяснить, во-первых, тем, что предметом таких исследований является язык — то, чем пользуется фактически каждый из читателей, во-вторых, возможностью практического применения массовым адресатом полученных знаний. Например, ежедневно вступая в межличностные отношения, человек может использовать полученные знания для оптимизации общения с другими людьми, для совершенствования своей речи и т. п.

За последние 50 лет научно-популярная литература лингвистической тематики представлена достаточно большим количеством текстов разных жанров. Однако лингвистические исследования, посвященные изучению научно-популярных текстов о языке, весьма немногочисленны. К наиболее значительным работам можно отнести, пожалуй, лишь исследования Г. Ю. Гришечкиной [5] и В. Ф. Крюковой [10].

Следовательно, корпус материала, представленный лингвистическими научно-популярными текстами, пока остается вне зоны внимания лингвистов.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью как научно-популярных лингвистических текстов в целом, так и авторского предисловия как прагматически значимого элемента научно-популярного текста.

Предметом исследования в данной статье являются стилистические и коммуникативно-прагматические характеристики авторских предисловий к научно-популярным лингвистическим текстам, обусловленные фактором адресанта.

Цель исследования — определить, как статус автора по отношению к предмету речи (фактор адресанта) влияет на выбор стилистических характеристик и коммуникативно-прагматических

тактик в процессе взаимодействия с читателем (адресатом) в рамках авторского предисловия.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили авторские предисловия к русскоязычным книгам о языке середины XX — начала XXI вв.

Методы исследования: коммуникативно-прагматический и стилистический анализ текста.

Результаты исследования и их обсуждение

Авторское предисловие является предтекстовым элементом, оказывающим непосредственное влияние на коммуникацию в рамках основного текста. Авторы работ, посвященных авторскому предисловию, рассматривают его как паратекстовый элемент или как один из таких элементов русскоязычного или зарубежного художественного текста [8; 9; 16; 18].

Лингвистических работ, посвященных анализу предисловия к научным или научно-популярным текстам, значительно меньше. Отметим, что такие исследования проводились преимущественно на англоязычном материале [11; 13]. При этом предисловие в данных работах приравнивается к введению, которое является «чаще всего авторским текстом» [13. С. 10]. Лингвистических работ, связанных с изучением предисловия к русскоязычным научно-популярным текстам, нам обнаружить не удалось. Это позволяет говорить о том, что данный материал впервые вводится в научный оборот. В рамках нашей статьи основное внимание уделяется стилистическим и коммуникативно-прагматическим характеристикам текста предисловия, которые обусловлены фактором адресанта, так как в тексте предисловия именно этот прагматический показатель является ключевым.

Фактор адресанта (позиция автора) безоговорочно признается лингвистами в качестве одного из важнейших звеньев в процессе коммуникации на оси *автор — текст — читатель (адресат)*. Согласно М. М. Бахтину, «высказывание с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций», то есть именно адресант формирует саму возможность коммуникации [2. С. 275].

С точки зрения У. Эко, создавая текст, автор учитывает некий образ потенциального адресата, который У. Эко называет моделью читателя.

Это позволяет адресанту при порождении текста использовать определенный набор кодов, которые этот потенциальный адресат сможет понять: принцип предполагаемого сотрудничества со стороны читателя «лежит в основе и порождения, и интерпретации любых текстов» [21. С. 16]. Другими словами, автор, формируя высказывание, закладывает критерии для его декодирования. При этом, как отмечает Л. Н. Синельникова, «адресант кодирует смыслы отнюдь не только в соответствии со своим мировосприятием и содержанием своего языкового тезауруса, но и согласует последний с языковым сознанием адресата» [14. С. 257].

В авторском предисловии, как в любом коммуникативном акте, фактор адресанта обуславливает прежде всего выбор речевых стратегий и тактик, регулирующих процесс взаимодействия с адресатом текста — читателем. Авторы научно-популярных текстов по лингвистике могут иметь разные профессиональные статусы по отношению к предмету речи, т. е. языку: это могут быть ученые-исследователи, лингвисты-популяризаторы, редакторы, журналисты и т. д. Это обстоятельство является значимым, так как в разделе, предваряющем собственно научно-популярный текст, — авторском предисловии — реализуются коммуникативно-прагматические установки автора по отношению к читателю. Поскольку цель предисловия — представление научно-популярного текста (книги), то очевидно, что ключевыми коммуникативными стратегиями предисловия являются стратегии презентации текста и его автора (стратегия самопрезентации). При этом нужно отметить, что, как правило, обе стратегии эксплицитно или имплицитно присутствуют в любом из рассматриваемых текстов и выделить одну из них в качестве ведущей достаточно сложно, так как презентация книги имплицитно реализует стратегию самопрезентации автора, а эксплицитно выраженная стратегия самопрезентации направлена на повышение значимости книги.

В зависимости от профессионального статуса автора по отношению к предмету речи (лингвистическая проблематика) научно-популярные тексты о языке с достаточной долей условности можно разделить на три группы.

Первую группу составляют научно-популярные тексты о языке, написанные учеными, ведущими активную научную деятельность. Это известные специалисты, которые являются авторами значимых лингвистических исследований (статей, монографий). К научно-популярным тек-

стам данного типа можно отнести «Лингвистические детективы» академика Н. М. Шанского [20]; «Из заметок о любительской лингвистике» академика А. А. Зализняка [6]; «Лингвистические парадоксы» известного специалиста в области стилистики и языка художественной литературы В. В. Одинцова [12] и др.

Для каждого из этих ученых указанные научно-популярные тексты представляют собой единичные факты на фоне многочисленных собственно научных текстов. В связи с этим в текстах таких предисловий наблюдается влияние собственно научного стиля и дискурса. Это отражается в стилистических характеристиках текста: текст предисловия выстроен как текст собственно научного стиля. В нем, как правило, отсутствует эмоционально окрашенная лексика, местоимение *мы* употребляется в значении авторского *я* и др., т. е. наблюдается свойственное текстам собственно научного стиля стремление к максимальной объективности изложения.

Ср.: *Настоящая книга посвящена явлению, широко представленному в современной популярной и полупопулярной литературе и публицистике, — любительской лингвистике, т. е. непрофессиональному разбору слов и других языковых единиц* [6. С. 5]

Каждая наука имеет свою систему понятий, отражающих характерные особенности тех фактов, явлений, которые она изучает. Лингвистика изучает язык. Лингвисты пытаются установить закономерности, лежащие в основе этого сложного и многогранного явления, помочь в овладении языком, облегчить взаимное общение людей. [12. С. 4].

Для данной категории авторов научно-популярные тексты (книги) являются своего рода «вторичным продуктом» по отношению к собственно научным текстам. В связи с этим стилистическую и синтаксическую усложненность текста предисловия можно рассматривать как имплицитную реализацию стратегии самопрезентации.

Указание на «вторичность» научно-популярного стиля и, соответственно, текста по отношению к собственно научному стилю и тексту может быть выражено эксплицитно: *Книга, которую вы взяли в руки, необычна. И объясняется это двумя обстоятельствами: во-первых, ее содержательной сутью, а во-вторых, стилем бесхитростного научно-популярного изложения* [здесь и далее выделено нами. — Т. В., Д. Н.] и *формой подачи занимательного материала.* [20. С. 11]

Стратегия самопрезентации может быть также реализована через тактику прямого или косвенного указания на компетентность автора: *в книге вы найдете (...) немало того, что было добыто и открыто самим автором в течение его многолетней научной и преподавательской работы* [20. С. 13].

Для данного типа предисловий характерно также активное использование объяснительных тактик, акцентирующих взаимодействие профессионала и непрофессионала: *Лингвистический — значит, связанный с языкознанием, лингвистикой; парадокс — обозначает странное, необычное явление, противоречащее установленным закономерностям, иногда даже здравому смыслу* [12. С. 4].

Данные тактики реализации презентационной стратегии свидетельствуют о том, что в предисловиях к научно-популярным текстам данного типа адресант ориентируется преимущественно на вертикальную модель коммуникации с адресатом (автор — профессионал, читатель — непрофессионал).

Вторая группа — это научно-популярные тексты (книги), авторами которых являются лингвисты, филологи, для которых популяризация лингвистических знаний является важной, хотя, как правило, не единственной сферой профессиональной деятельности. К таким текстам можно отнести «Слово о словах» Л. В. Успенского [17]; «Путешествие в слово» Э. А. Вартастьяна [3], «Чисто по-русски. Говорим и пишем без ошибок» М. А. Королевой [7] и др.

Авторские предисловия к данным текстам написаны публицистическим стилем, которому, как известно, свойственны рекламность, персонификация и интимизация изложения.

Презентационная стратегия в авторских предисловиях к текстам данного типа реализуется прежде всего через тактики, с помощью которых можно привлечь внимание адресата и вызвать интерес к тексту.

Одной из таких тактик является тактика интимизации — сближения и взаимодействия с адресатом (читателем). Данная тактика призвана подчеркнуть важную роль адресата в коммуникативном процессе. Для реализации этой тактики авторы используют, например, *ты-обращения* к адресату (читателю): *Я обращаюсь к тебе, юный читатель* [3. С. 3]; *Дорогой читатель, ты держишь в руках книжку с большой предисторией* [7. С. 3]. Кроме того, данная тактика реализуется через приемы диалогизации — вопросы

и вопросно-ответные единства: *О чем эта книга? Конечно, о словах* [3. С. 3]; *Из всех орудий язык — самое удивительное и сложное. Так достаточно ли знаем мы его? Я поставлю перед вами несколько совсем простых языковедческих вопросов, а вы уж судите сами: легко ли вам ответить на них?* [17. С. 9]

Одним из способов привлечения внимания адресата является указание на то, что представленный текст не является обучающим. Данное замечание в тексте предисловия — это фактически апелляция к существующему в сознании массового адресата стереотипу о том, что учебный текст — это текст неинтересный и скучный: *Это не учебник. В один присест прочитать не удастся — кое о чем придется и поразмыслить* [3. С. 3]; *Новая книга, как и предыдущие, — не учебник, не сухая теория...* [7. С. 3].

Обратим внимание на то, что информация о профессиональном статусе автора (самопрезентация) может быть представлена в рамках тактики идентификации с адресатом («я как вы»): *Всю свою профессиональную жизнь я отвечала и отвечаю на вопрос: «Как правильно?» (...) с того момента, как я начала работать консультантом по русскому языку у дикторов Всесоюзного радио, и до последнего времени, уже в качестве профессора Высшей школы экономики, меня преследует этот вопрос: так как же все-таки правильно?* [7. С. 3].

Как видим, в отличие от авторов предисловий к текстам первого типа, лингвисты-популяризаторы в авторских предисловиях стремятся выстроить горизонтальную модель коммуникации с адресатом.

Третья группа — тексты, созданные авторами-практиками, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с языком: это редакторы, переводчики, критики, писатели и т. п. К таким текстам можно отнести книги Н. Галь «Слово живое и мертвое: Из опыта переводчика и редактора» [4], К. И. Чуковского «Высокое искусство» [19], М. Д. Аксеновой «Знаем ли мы русский язык?» [1] и др.

Авторские предисловия к текстам данного типа стилистически и прагматически сходны с текстами предисловий лингвистов-популяризаторов. В предисловиях к данным текстам используются преимущественно те же тактики и приемы, что и в предисловиях второй группы (интимизации, идентификации, приемы диалогизации и т. д.).

Особенностью данного типа предисловий является тактика обоснования права на речь, которая реализуется через апелляцию к опыту: *Автор*

этой книжки *не лингвист и отнюдь не теоретик*. Но когда десятки лет работаешь там, где главный материал и инструмент — СЛОВО, накапливается кое-какой опыт [4. С. 4]; Как я, математик по образованию, дерзнула написать такую книгу? (...) Я с единомышленниками *подготовила цикл телевизионных программ под названием «Знают ли русские русский?»* [1. С. 4].

Кроме того, авторы данных текстов в предисловии могут прямо или косвенно акцентировать такие свойства текста, как его полезность и доступность для читателя: *Некоторые читатели говорили и писали мне, что они пользуются этой книжкой в повседневной работе* [4. С. 6]; *Приводимые мною суждения и факты не требуют от читателя никаких специальных познаний. Я писал свою книжку так, чтобы ее поняли те, кто не знает иностранных языков* [19. С. 9].

В целом применительно к данному типу предисловий также можно говорить о горизонтальной коммуникативной модели взаимодействия адресанта и адресата.

Заключение

Авторское предисловие является элементом, от которого зависит, продолжится ли коммуникация

автора и читателя в пределах основного текста. Как показал анализ материала, статус адресанта по отношению к предмету речи в значительной степени определяет стилистические и коммуникативно-прагматические характеристики текста предисловия. Презентационная стратегия, являющаяся основной в предисловии, в зависимости от статуса автора по отношению к предмету речи реализуется при помощи различного набора коммуникативных тактик и, соответственно, при помощи различных языковых средств и речевых приемов, которые, в свою очередь, формируют вертикальную или горизонтальную модель коммуникации с адресатом. В результате уже на этапе знакомства с предисловием читатель (адресат) может не только получить представление о содержании основного текста, но и определить степень его сложности и оценить собственные возможности для его восприятия.

Дальнейшее изучение авторских предисловий к лингвистическим научно-популярным текстам предполагает расширение корпуса текстов, выявление жанровой специфики и анализ языковых и речевых характеристик предисловий в зависимости от проблематики научно-популярных текстов.

Список источников

1. Аксенова М. Д. Знаем ли мы русский язык? М. : Центрполиграф, 2016. 575 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
3. Вартанян Э. А. Путешествие в слово. М. : Просвещение, 1982. 223 с.
4. Галь Н. Я. Слово живое и мертвое: Из опыта переводчика и редактора. М. : Книга, 1987. 272 с.
5. Гришечкина Г. Ю. Научно-популярный лингвистический текст. Орел : ОГУ, 2011. 260 с.
6. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М. : Русский Мирь, 2010. 240 с.
7. Королева М. А. Чисто по-русски. Говорим и пишем без ошибок. М. : АСТ, 2022. 512 с.
8. Короленко О. И. Авторское предисловие как продвигающий текст // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2022. № 1. С. 141–155.
9. Котова Н. В. Функции авторских предисловий к романам Чарльза Диккенса // Филология и культура. 2022. № 1 (67). С. 145–150.
10. Крюкова В. Ф. Лингвостилистические особенности языка научно-популярной литературы по лингвистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2001. 28 с.
11. Меламедова Е. А. Паратекстовые элементы в англоязычной научной и научно-популярной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 25 с.
12. Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы М. : Просвещение, 1988. 172 с.
13. Покалюхина М. В. Паратекстовые элементы в англоязычной научно-популярной литературе: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Самара, 2014. 24 с.
14. Синельникова Л. Н. Стратегия приближения к адресату в современном медиатексте // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Вып. 22. С. 253–261.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Наука : Флинта, 2003. 694 с.
16. Ткаченко О. Ю. Риторическая полифония текста авторского предисловия в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Litera. 2019. № 1. С. 207–214.
17. Успенский Л. В. Слово о словах. М. : Мир энциклопедий : Аванта+ : Астрель, 2008. 544 с.

18. Чернигова И. В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI–XVII веков: на материале авторских и издательских предисловий: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Иркутск, 2006. 22 с.
19. Чуковский К. И. Высокое искусство. М. : Советский писатель, 1988. 352 с.
20. Шанский Н. М. Лингвистические детективы. М. : Дрофа, 2007. 524 с.
21. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М. : Corpus, 2016. 640 с.

References

1. Aksenova MD. Znaem li my russkij jazyk? = Do we know Russian? Moscow: Centrpoligraf; 2016. 575 p. (In Russ.).
2. Bahtin MM. Jestetika slovesnogo tvorcestva = The aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo; 1979. 424 p. (In Russ.).
3. Vartanjan JeA. Puteshestvie v slovo = a Journey into the Word. Moscow: Prosveshhenie; 1982. 223 p. (In Russ.).
4. Gal' NJa. Slovo zhivoe i mertvoe: Iz opyta perevodchika i redaktora = The Word Alive and Dead: From the Experience of a Translator and Editor. Moscow: Kniga; 1987. 272 p. (In Russ.).
5. Grischechkina GJu. Nauchno-populjarnyj lingvisticheskiy tekst = a popular science linguistic text. Orel: OGU; 2011. 260 p. (In Russ.).
6. Zaliznjak AA. Iz zametok o ljubitel'skoj lingvistike = From notes on amateur linguistics. Moscow: Russkij Mir; 2010. 240 p. (In Russ.).
7. Koroljova MA. Chisto po-russki. Govorim i pishem bez oshibok = Pure Russian. Speak and write without mistakes. Moscow: AST; 2022. 512 p. (In Russ.).
8. Korolenko OI. Author's preface as a promoting text. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, jazyk = Crede Experto: transport, society, education, language*. 2022;(1):141-155. (In Russ.).
9. Kotova NV. Functions of author's prefaces to the novels of Charles Dickens. *Filologija i kul'tura = Philology and culture*. 2022;(1(67)):145-150. (In Russ.).
10. Krjukova VF. Lingvostilisticheskie osobennosti jazyka nauchno-populjarnoj literatury po lingvistike = Linguistic features of the language of popular science literature on linguistics. Abstract of thesis. Belgorod; 2001. 28 p. (In Russ.).
11. Melamedova EA. Paratekstovye jelementy v anglojazyčnoj nauchnoj i nauchno-populjarnoj literature = Paratextual Elements in English-language Scientific and Popular Science Literature. Abstract of thesis. Samara; 2009. 25 p. (In Russ.).
12. Odincov VV. Lingvisticheskie paradoksy = Linguistic Paradoxes. Moscow, Prosveshhenie, 1988. 172 p. (In Russ.).
13. Pokaljuhina MV. Paratekstovye jelementy v anglojazyčnoj nauchno-populjarnoj literature: lingvopragmaticheskij aspekt = Paratextual Elements in English-Speaking Popular Science Literature: Linguistic and Pragmatic Aspect. Abstract of thesis. Samara; 2014. 24 p. (In Russ.).
14. Sinel'nikova LN. The strategy of approaching the addressee in modern media text. *Nauchnye vedomosti. Serija Gumanitarnye nauki = Scientific Bulletins. Humanities Series*. 2014;(13(184)):253-261. (In Russ.).
15. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka = Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language. Moscow: Nauka: Flinta; 2003. 694 p. (In Russ.).
16. Tkachenko OJu. Rhetorical polyphony of the text of the author's preface in F. M. Dostoyevsky's novel "The Brothers Karamazov". *Litera*. 2019;(1):207-214 (In Russ.).
17. Uspenskij LV. Slovo o slovah = A word about words. Moscow: Mir jenciklopedij: Avanta+ Astrel', 2008. 544 p. (In Russ.).
18. Chernigova IV. Kommunikativnyj potencial parateksta francuzskih hudozhestvennyh proizvedenij XVI–XVII vekov: na materiale avtorskih i izdatel'skih predislovij = The Communicative Potential of the Paratext of French Works of the 16th-17th Centuries: On the Material of the Author's and Publisher's Prefaces. Abstract of thesis. Irkutsk; 2006. 22 p. (In Russ.).
19. Chukovskij KI. Vysokoe iskusstvo = High Art. Moscow: Sovetskij pisatel'; 1988. 352 p. (In Russ.).
20. Shanskij NM. Lingvisticheskie detektivy = Linguistic Detectives. Moscow: Drofa; 2007. 524 p. (In Russ.).
21. Jeko U. Rol' chitatelja. Issledovanija po semiotike teksta = The role of the reader. Studies in the Semiotics of the Text. Moscow: Corpus; 2016. 640 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Воронцова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Д. В. Нургалева — старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного.

Information about the authors

Tatyana A. Vorontsova — Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Diana V. Nurgaleeva — Senior Lecturer of Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 25.06.2022; одобрена после рецензирования 19.07.2022; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 25.06.2022; approved after reviewing 19.07.2022; accepted for publication 12.08.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.1/2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-59-66

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ, НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Татьяна Юрьевна Глазкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, tglazkova@hse.ru

Аннотация. Данная статья посвящена лингвистическим особенностям англоязычной, немецкоязычной и русскоязычной социальной рекламы, призванной предотвратить распространение Covid-19. Для достижения этой цели были проанализированы тексты, размещенные на билбордах и баннерах (наружная реклама). В результате сопоставительного анализа было установлено, что в целом слоганы на трех языках похожи. Им свойственна краткость, в них крайне редко используются каламбуры, тропы и прочие стилистические приемы, что, скорее всего, связано с серьезностью тематики. Поскольку данные рекламные тексты призваны убедить население соблюдать санитарные меры, в них часто встречаются побудительные предложения с глаголом действия. Существительные в основном связаны с медицинской тематикой, а прилагательные встречаются крайне редко. Провокативные слоганы встречаются в целом редко и воспринимаются реципиентами скорее негативно. Результаты анализа могут быть полезны специалистам в области рекламы, а также переводчикам.

Ключевые слова: Covid-19, пандемия, социальная реклама, лингвистические особенности, части речи, рекламные сообщения

Для цитирования: Глазкова Т. Ю. Лингвистические особенности англоязычной, немецкоязычной и русскоязычной социальной рекламы во время пандемии // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 59–66. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-59-66.

Original article

LINGUISTIC FEATURES OF ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN SOCIAL ADVERTISING DURING THE PANDEMIC

Tatiana Yu. Glazkova

National Research University Higher School of Economics (NRU HSE), Moscow, Russia. tglazkova@hse.ru

Abstract. This article is devoted to the linguistic features of English, German and Russian-language social advertising designed to prevent the spread of Covid-2019. To achieve this goal, texts placed on billboards and banners (outdoor advertising) were analyzed. As a result of a comparative analysis, it was found that, in general, the slogans in the three languages are similar. They are characterized by brevity, they rarely use puns, tropes and other stylistic figures, which is most likely due to the seriousness of the subject matter. Since these advertisements are designed to convince the population to comply with sanitary measures, they often contain incentive sentences with an action verb. Nouns are mostly related to medical topics, and adjectives are extremely rare. Provocative slogans are generally rare and are perceived rather negatively by recipients. The results of the analysis can be useful to advertising specialists, as well as translators.

Keywords: Covid-19, pandemic, social advertising, linguistic features, parts of speech, advertising messages

For citation: Glazkova TYu. Linguistic features of English, German and Russian social advertising during the pandemic. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):59-66. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-59-66.

Введение

В настоящее время реклама играет крайне важную роль в функционировании общества в развитых и развивающихся странах. Реклама всех видов оказывает значительное влияние на общественное сознание и поведение людей. В зависимости от целей принято выделять следующие виды рекламы: торговую, политическую, социальную и т. д. Однако, несмотря на то, что наиболее распространенной является, безусловно, торговая (коммерческая) реклама, стимулирующая спрос на товары и услуги, реклама некоммерческого характера, в частности социальная реклама, также оказывает сильное влияние на поведение реципиентов. Социальная реклама транслирует общественные ценности и нормы, информирует об острых проблемах и мотивирует адресатов на заботу о личном и общественном благе и взаимопомощь. В отличие от торговой рекламы, имеющей множество площадок, социальную рекламу размещают преимущественно на рекламных щитах, билбордах, баннерах и других похожих конструкциях, либо же распространяют в виде постеров и других печатных материалов, реже ее можно увидеть по телевидению. При этом основной социальной рекламой является не видеоряд или изображение, а текст. Создателям рекламы и специалистам по ее локализации необходимо правильно выбирать языковые средства, чтобы социальная реклама была эффективной, то есть оказывала положительное влияние на общество или, наоборот, предупреждала его членов о различных угрозах и проблемах. Несмотря на то, что во всем мире социальная реклама в силу своей специфики имеет в целом сходные цели, она обладает особенностями в различных культурных сообществах, прежде всего на языковом уровне.

Актуальность данной статьи обусловлена популярностью и активным развитием социальной рекламы. В эпоху пандемии социальная реклама стала играть еще более важную роль, информируя и призывая людей соблюдать санитарные меры. При этом большинство исследований посвящено специфике коммерческой рекламы, тогда как социальная реклама чаще остается в тени.

Целью данного исследования является сравнительный анализ лингвистических особенностей англоязычной, немецкоязычной и русскоязычной социальной рекламы на тему борьбы с коронавирусом.

Для достижения данной цели использовались метод выборки, описательный метод и метод сопоставительного анализа языковых средств.

Проведенное исследование имеет практическую значимость для специалистов по рекламе, в частности маркетологов, переводчиков, копирайтеров.

Тематика и цели социальной рекламы

Как правило, социальная реклама в разных странах затрагивает такие темы, как: охрана здоровья, образование, поддержка отдельных групп населения (например, молодежи, пожилых людей, инвалидов), семейные ценности, обеспечение общественной безопасности, благоустройство населенных пунктов, благосостояние граждан, гражданские права и обязанности, а также экологические проблемы.

Главное отличие торговой рекламы от социальной состоит в том, что первый вид рекламы нацелен на формирование благоприятного отношения реципиентов к определенному товару (или бренду) или услуге для его (ее) продвижения и, как следствие, роста продаж, в то время как главная цель социальной рекламы состоит в привлечении внимания адресатов к важной социальной проблеме и активизации действий по ее решению. Таким образом, объектом социальной рекламы являются не продаваемые товары и услуги, а поведение людей, способствующее решению социальных проблем [8]. При этом, если коммерческая реклама опирается в основном на рациональную и/или эмоциональную составляющие, то социальная реклама активно затрагивает также нравственные мотивы, обращенные к чувству справедливости и порядочности [1. С. 23].

С учетом классификации, разработанной М. А. Блюм и Н. В. Молотковой, с точки зрения целей и задач социальная реклама бывает:

- информационной — распространение сведений об определенных социальных проблемах и способах их решения;
- воспитательной — влияние на массовое сознание с целью формирования определенных моральных принципов;
- убеждающей — призыв выполнить определенные действия;
- напоминающей — напоминание о необходимости совершить те или иные действия [1. С. 16].

Во время пандемии социальная реклама стала играть еще более важную роль, чем ранее. С ее помощью власти различных государств пытались информировать население об опасности вируса и сдержать его распространение. Большинство рекламных текстов имеют убеждающий (власти

убеждают людей оставаться дома, вакцинироваться, носить средства индивидуальной защиты, соблюдать дистанцию и т. п.) либо, реже, напоминающий характер (напоминание о необходимости ревакцинироваться, проверить антитела после болезни и т. д.) Примечательно, что социальные слоганы активно использовались и известными компаниями (Coca-Cola, Guinness и др.).

Лингвистические особенности социальной рекламы

Необходимо отметить, что, несмотря на существенные отличия социальной рекламы от торговой, они имеют общие функции. Так, Д. Лич в своей работе описал основные характеристики эффективной коммерческой рекламы, которые, на наш взгляд, являются общими для всех видов рекламных текстов [10].

1. Привлечение внимания: любой рекламный текст должен привлечь внимание целевой аудитории. На лингвистическом уровне для этого нередко используются такие инструменты, как эрративы, неологизмы, каламбуры, повторы и рифмы.
2. Читабельность: авторы рекламного сообщения всегда должны помнить, что адресат хочет получить понятную ему информацию, четко, доступно и убедительно изложенную. Следовательно, стиль рекламного сообщения должен быть преимущественно неформальным и предполагать сравнительно доверительные взаимоотношения между адресантом и реципиентом рекламы. Для подчеркивания таких отношений используются прямое обращение к реципиенту (повелительное наклонение, вопросы, часто задействуется второе лицо); разговорные выражения и сниженный уровень вежливости [11]. Кроме того, в рекламных сообщениях применяются идиомы и сокращения, свойственные разговорной речи.
3. Запоминаемость: в рекламе используются лингвистические средства, которые способствуют повышению запоминаемости слогана. Например, достаточно часто в рекламных текстах встречается повторение на различных языковых уровнях (аллитерация, ритм, рифма и параллелизм). Безусловно, для запоминаемости сообщения оно должно быть также кратким и конкретным, лишённым узкоспециальной лексики. Реклама, которую трудно запомнить, не может быть эффективной.

С лингвистической точки зрения социальная реклама представляет собой, прежде всего, текст, сопровождаемый видеорядом или изображениями. Более того, в ряде случаев на билбордах можно увидеть только текст, без фотографии или рисунка или с очень простым и лаконичным изображением. Это связано с тем, что данный вид рекламы продвигает не конкретный товар, нуждающийся в красивой картинке, а правильное поведение, изменение образа жизни. Как уже было сказано, именно текст социальной рекламы, как правило, раскрывает основное содержание рекламного сообщения, информирует о существующей проблеме и возможных путях ее решения. Вербальная составляющая рекламного послания апеллирует к логике, эмоциям, моральным ценностям реципиента и призывает его к определённым действиям.

«Текст социальной рекламы обладает поликодовым характером (т. е. сочетает в себе семиотически разнородные средства вербального и невербального характера, взаимодействующие друг с другом и образующие единое семантическое целое), тяготеет к структурной сжатости и лаконичности выражения, отличается высокой степенью экспрессивной насыщенности и ярко выраженной оценочностью» [2. С. 265–266]. В отличие от торговой рекламы, которая призвана вызывать исключительно положительные эмоции у целевой аудитории (радость, желание обладания объектом, восхищение, гордость и т. д.), тексты социальной рекламы должны обеспечить возникновение как положительных, так и крайне негативных эмоций и оценок (например, отрицательной оценки ситуации или возмущения острой проблемой и положительной оценки действий, направленных на ее устранение). Стоит, однако, отметить, что в целом социальная реклама все же чаще вызывает негативную оценку и апеллирует к негативным эмоциям (страху, отвращению и т. д.). Таким образом, в социальной рекламе именно стимуляция эмоций является ведущим способом воздействия на реципиента [8].

Чтобы реклама была эффективной, ее создатели должны мастерски владеть различными лингвистическими приёмами. Рекламные сообщения используют широкий спектр средств выразительности на различных языковых уровнях. В рекламе, в том числе социальной, часто присутствует эмоционально окрашенная лексика. Кроме того, для рекламы характерно наличие тропов. Для придания экспрессивности сообщению адресанты используют фразеологические обороты

и каламбуры. В рекламных сообщениях также встречаются стилистические фигуры речи, такие как: анафора, антитеза, инверсия, риторические вопросы и др.

Что касается синтаксических особенностей рекламного текста, необходимо отметить, что в нем преобладают простые предложения, часто краткие. Крупно напечатанные слоганы обычно состоят из 3-4 слов. Это связано с тем, что простые предложения позволяют сфокусировать внимание на ключевой мысли сообщения, а рекламный текст должен быть коротким и ярким, чтобы быстро восприниматься реципиентами и достигать заданной цели. Рядом могут идти пояснения мелким шрифтом. Нередко копирайтеры используют восклицательные предложения, которые вызывают ту или иную эмоцию у адресатов и побуждают к действию. Безусловно, часто используются и такие конструкции экспрессивного синтаксиса, как парцелляция, неполные предложения.

Сравнительный анализ лингвистических особенностей англоязычных, немецкоязычных и русскоязычных рекламных текстов на тему пандемии

В данном исследовании были проанализированы тексты наружной рекламы без видеоряда (т. е. билборды, баннеры и плакаты), а также постеры для печати, в которых население предупреждают об опасности коронавируса и дают рекомендации, как не заразиться. Для анализа были взяты фотографии и изображения путем поиска в Google.

Как отмечают российские исследователи, в целом информация о мерах предосторожности в связи с заболеванием Covid-19 носит нейтральный, «информационный, практически безэмоциональный характер», что предполагает сохранение спокойствия в условиях разразившейся в XXI в. пандемии [6. С. 67]. То же можно сказать и об англоязычных и немецкоязычных текстах. Тенденция сдержанности касается и изображений: они в основном просты, схематичны, нейтральны, не содержат пугающих сцен.

При изучении рекламного дискурса интерес представляет функционирование различных частей речи. Стоит отметить, что основные части речи, встречающиеся в текстах социальной англоязычной рекламы, связанной с коронавирусом, также типичны для немецкой и российской социальной рекламы.

Текст социальной рекламы в целом характеризуется частым использованием глаголов, по своим функционально-семантическим характери-

стикам соответствующим цели социальной рекламы — призыву к действию. Например, широко распространены глаголы, значение которых связано с предупреждением об опасности и необходимости защитных мер или с оказанием помощи другим людям. В английском языке это глаголы *stay, save*, обычно в повелительном наклонении: «*Stay home, save lives*»¹, «*Stay alert to stay save*»². Реже встречались и другие глаголы в императиве: «*Get boosted now*», «*Get the vax*», «*Protect yourself*», «*Keep your distance*», «*Stop the spread*»³.

В текстах социальной рекламы такие глаголы, как *to stay, to make, to save, to help*, доминируют над глаголами, связанными с эмоциями и мыслями (*to feel, to know*). Скорее всего, это связано с тем, что первая группа глаголов побуждает реципиентов к действиям, которые направлены на изменение общественного поведения, что, в свою очередь, помогает закрепить определенные социальные нормы. Глагол *do* и его сокращённая форма с отрицанием *don't* также встречается в текстах социальной рекламы («*Do your part*»), иногда даже в одном сообщении, чтобы показать, как неверно действовать, а как верно. Стоит отметить, что отрицание как таковое в антиковидной рекламе встречается редко, поскольку в основном она посвящена не тому, что нельзя делать, а тому, что делать необходимо.

В немецкоязычных странах в текстах социальной рекламы, выпускаемых администрациями населённых пунктов или медицинскими учреждениями, использовалось, как правило, повелительное наклонение в форме *Sie*: «*Bleiben Sie zu Hause*»⁴. Примечательно, что в немецкоязычной рекламе отмечены случаи использования в побудительных предложениях слова *bitte* («пожалуйста»), что нехарактерно для русскоязычных и англоязычных сообщений.

В некоторых случаях глагол использовался в форме инфинитива, например: «*Nicht verpassen, impfen lassen*»⁵. В данном примере инфинитив

¹ Новостная служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-55598918> (дата обращения: 27.05.2022).

² Администрация г. Хелстона : офиц. сайт. URL: https://www.helston-tc.gov.uk/_UserFiles/Files/StayAlert_Work_A4_White.pdf (дата обращения: 27.05.2022).

³ Министерство здравоохранения Австралии : офиц. сайт. URL: <https://www.health.gov.au/resources/collections/coronavirus-covid-19-campaign-resources#posters> (дата обращения: 27.05.2022).

⁴ Агентство TBS. URL: <https://www.tbsagency.com/de/arbeiten/alle-zuhause/> (дата обращения: 27.05.2022).

⁵ Persoenlich.com : онлайн-журнал URL: <https://www.persoenlich.com/kategorie-werbung/aktuelle-infokampagne-zur-impfung-gestartet> (дата обращения: 27.05.2022).

нужен для создания рифмы и лучшей запоминаемости слогана. В другом примере инфинитив создает впечатление призыва или даже приказа: «*Liebe zeigen, Abstand halten!*»¹ Среди используемых глаголов часто встречались те же по смыслу глаголы, которые использовались и в англоязычных странах: оставаться, помогать, вакцинировать, держать, поскольку в целом идеи рекламных кампаний были идентичны.

Обращение на «ты» к реципиенту создает эффект доверительных отношений. «*Hol Dir Deine Impfung*»; «*lasst euch impfen*». При этом возможно использование разных значений многозначного слова: «*Teilt Stories, nicht Corona*»² (два значения глагола *teilen*: передавать что-то (его часть) другим людям и делиться сообщениями в соцсетях, в данном случае подразумевалась сеть Instagram).

В ряде случаев как англоязычная, так и немецкоязычная реклама использует образ человека — примера для подражания. При этом используется местоимение первого лица и, соответственно, глагол в той же форме. Таким образом рекламный текст призывает реципиентов последовать его примеру.

«*I've armed myself for my country*»³.

«*Tirol impft. Ich hole mich mein Leben zurück*»⁴.

В Москве в 2021 году в рамках масштабной рекламной кампании на улицах появились билборды и баннеры с текстом «*Я сделал(а) прививку от Covid-19. Советую и вам*». В отличие от англоязычной и немецкоязычной рекламы, в ней приняли участие не только модели, но и конкретные люди, например, директор школы. Об этом сообщается на баннере, что призвано повысить уровень доверия к информации.

Что касается имён существительных, то в основном в рекламных слоганах в разных странах применяются нарицательные существительные: медицинские термины (ковид, коронавирус, вакцинация, карантин), либо обозначающие предметы и проч., также связанные с медициной

¹ Horizont.net : онлайн-журнал URL: <https://www.horizont.net/marketing/nachrichten/allefuerealle-wirbleibenzuhause-diese-kampagnen-sollen-die-deutschen-im-kampf-gegen-corona-zusammenschweissen-181755> (дата обращения: 27.05.2022).

² Школа Cantorum. URL: <https://www.schola-cantorum.de/medien/projekte/chorona/> (дата обращения: 27.05.2022).

³ Министерство здравоохранения Австралии : офиц. сайт.

⁴ Администрации Тироля : офиц. сайт. URL: <https://www.tirol.gv.at/fileadmin/presse/bilder/Fischer/Downloads/Menschen-mit-Behinderung-Tirol-impft-210x297mm-PRINT-1.pdf> (дата обращения: 27.05.2022).

и защитой населения (маски, перчатки, вакцина, дистанция и т. п.).

При этом наблюдается «обусловленная текущим моментом активизация функционирования ряда лексических единиц», которые раньше использовались гораздо реже [1. С. 33]. Узкоспециальная и понятная преимущественно медикам терминология (контагиозность, сатурация) при этом практически не используется, так как слоганы должны быть понятны всему населению.

Интересен пример немецкой рекламы, основанной на существительных: «*Maske auf statt Schule zu*»⁵. Авторы обыгрывают здесь значения приставки *auf*, одно из них является антонимом *zu* (открыть-закрыть, *aufmachen* — *zumachen*), другое проявляется в морфеме глагола *aufsetzen*.

Как отмечает В. С. Майер, в немецком языке за время пандемии появилось много заимствований из английского, в первую очередь существительных [5]. Однако в исследованных примерах англоязычные заимствования практически отсутствуют.

Примечательно, что несмотря на наличие в немецком языке большого количества неологизмов, где Covid является первой частью составного слова [9], в социальной рекламе они практически не встречаются. Это, вероятно, связано с тем, что многие из них имеют эмоциональный характер (ирония), не подходящий для социальной рекламы данной тематики, либо же являются слишком длинными для слоганов.

В некоторых случаях используются сокращения, позволяющие сделать рекламный слоган максимально лаконичным и при этом рифмованным для привлечения внимания и запоминаемости: «*Trust the Facts, Get the Vax*»⁶, где *vax* — сокращение от слова *vaccine*.

В связи с быстрым распространением пандемии специалисты по рекламе применяли нетрадиционные и даже провокативные приемы, чтобы привлечь внимание населения. Так, Министерство здравоохранения Швейцарии (BAG) выпустило рекламу со словами «*Sei kein Arsch*». Это очень грубое императивное высказывание было ориентировано на особую целевую аудиторию —

⁵ Онлайн-журнал Echo. URL: https://www.echo-online.de/lokales/bergstrasse/buerstadt/burstadter-schuler-nutzen-noch-masken_25504574 (дата обращения: 27.05.2022).

⁶ Департамент здравоохранения Массачусетса : офиц. сайт. URL: <https://www.mass.gov/news/baker-polito-administration-launches-new-ads-for-vaccine-public-awareness-campaign-provides-weekly-dose-update> (дата обращения: 27.05.2022).

молодежь, склонную пренебрегать правилами гигиены и дистанцирования. Впрочем, после некоторого спада пандемии слоган был заменен на более нейтрально-разговорный «Mach's einfach»¹.

Еще один не совсем обычный рекламный слоган (не грубый, а, скорее, интимно-разговорного характера), в котором используется ласковое разговорное обращение) связан с вакцинацией: «*Schatzi, schenk mir 'ne Dosis*»². Это отсылка к строчке из хита «*Schatzi, schenk mir ein Foto!*»³.

В России ролики и стенды с пугающими текстами и стендами появились в нескольких городах. Как правило, их авторы стремились шокировать общественность, используя лексику, связанную со смертью. Например, в Благовещенске появился плакат «Не нравится носить маску? Твоим близким понравится *кутья*». В нем используется существительное «*кутья*», вызывающее ассоциации с похоронами. При этом текст обращается непосредственно к читателю (на «ты»). Кампания действительно не прошла незамеченной — многие горожане в соцсетях публиковали гневные комментарии, обвиняя ее создателей в цинизме и пиаре на чужом горе. Кроме того, жители города придумали фейковые баннеры, используя перифраз этого слогана, чтобы показать отсутствие своевременной медицинской помощи в городе⁴. Как отмечает А. А. Романов: «Для того, чтобы социальная реклама была эффективной, важно четко осознать „болевы́е точки“ существующей проблемы и активно их использовать на основе оригинальных креативных подходов» [7. С. 100]. Вместе с тем, по его словам, сила воздействия не должна «зашкаливать».

В Ставрополе появился другой слоган, также возмущивший общественность. В нем авторы также упоминают смерть, но уже не одного реципиента, а большого количества людей, используя глагол «умереть», также обращаясь на «ты»: «Сколько должно *умереть*, чтобы ты привился?»

¹ Newstracker : онлайн-журнал. URL: <https://newstracker.ru/news/society/03-07-2021/agressivnaya-reklama-privivki-ot-koronavirusa-vozmutila-zhiteley-stavropolya> (дата обращения: 27.05.2022).

² SWR : онлайн-журнал. URL: <https://www.swr.de/swraktuell/radio/infektiologe-und-fdp-politiker-impfaufklaerung-dramatisch-verstaerken-100.html> (дата обращения: 27.05.2022).

³ Vorwaerts : онлайн-газета. URL: <https://www.vorwaerts.de/artikel/spd-mallorca-corona-impfungen-wirbt> (дата обращения: 27.05.2022).

⁴ Российская газета. 2020. 22 октября. URL: <https://rg.ru/2020/10/22/na-ulicah-blagoveshchenska-po-avilis-pugaiushchie-bannery.html> (дата обращения: 27.05.2022).

Вакцинируйтесь»⁵. Его создатели очевидно апеллируют к моральным ценностям населения, но делают это в слишком жесткой форме.

Еще один слоган, в Приморье, также привлекает внимание за счет глагола «убивать»: «Минздрав предупреждает, коронавирус *убивает*»⁶. Запоминаемость этому сообщению придает использование рифмы.

Обычно в социальной рекламе используют прилагательные, в том числе в степенях сравнения. Примечательно, что в текстах, связанных с коронавирусом, прилагательные практически отсутствуют. Исключение — *safe/sicher*. Вероятнее всего, это связано с тематикой рекламных сообщений, не подразумевающей сравнений (больше/меньше, лучше/хуже), а также призванной в первую очередь не информировать, а убеждать действовать, причем как можно скорее, так как пандемия распространялась очень быстро и с ужасающими последствиями. В русскоязычных слоганах прилагательные практически не встречались. Стоит отметить, что прилагательным *safe/sicher* в русском языке обычно соответствует существительное «безопасность».

В целом можно сказать, что лексика, встречающаяся в рассматриваемых текстах, объединяется в группы в соответствии с тремя основными темами: 1) особенности нового заболевания, его симптомы, методы предупреждения заражения; 2) отношение общественности к данной ситуации и его изменение; 3) административные меры, направленные на ограничение распространения инфекции [2].

Заключение

Таким образом, изучение текстов немецкоязычной, англоязычной и русскоязычной социальной рекламы, связанной с коронавирусом, показало, что в целом слоганы на разных языках довольно похожи. Им свойственна краткость, лаконичность, в них практически не используются каламбуры, тропы и прочие стилистические приемы. Рифмованные тексты также встречаются весьма редко. Скорее всего, это обусловлено крайней серьезностью тематики. Восклицательные и вопросительные предложения (в том числе риторические) встречаются редко. Возможно, это связано с тем, что вопрос, даже риторический, предполагает

⁵ Newstracker : онлайн-журнал. URL: <https://newstracker.ru/news/society/03-07-2021/agressivnaya-reklama-privivki-ot-koronavirusa-vozmutila-zhiteley-stavropolya> (дата обращения: 27.05.2022).

⁶ PrimaMedia : онлайн-журнал. URL: <https://primamedia.ru/news/977648/> (дата обращения: 27.05.2022).

варианты ответа. Основная цель рекламы в эпоху пандемии — не информировать и не вызвать яркие эмоции или заставить задуматься, а убедить общественность строго соблюдать санитарные нормы.

Чаще всего исследованные слоганы на всех трех языках представляют собой краткие побудительные предложения, где центральную роль играет глагол, обозначающий конкретное действие, ожидаемое от реципиента. При этом в русском и немецком языках возможны различные формы императива, в зависимости от адресанта рекламы и от степени доверительности, которую хотели создать авторы. Наиболее краткими являются англоязычные слоганы, нередко состоящие из двух-четырёх слов.

Кроме того, в рекламных сообщениях нередко можно встретить лексику, связанную с обще-

распространенной медицинской тематикой (как правило, это существительные). А вот прилагательные в исследованных примерах практически отсутствовали.

В ходе исследования были обнаружены примеры провокативной социальной рекламы на немецком и русском языках. В целом социальная реклама нередко бывает провокативной и даже шокирующей, вызывающей крайне негативные эмоции как за счет изображения, так и за счет содержания текстового сообщения. Для антиковидной рекламы в основном характерна сдержанность, но в редких случаях ее авторы все же используют эмоционально окрашенную лексику и слова, тематически связанные со смертью, чтобы вызвать у адресата ужас перед пандемией и убедить его соблюдать санитарные меры.

Список источников

1. Блюм М. А., Молоткова Н. В. Основы использования средств рекламы в коммерческой деятельности : учеб. пособие. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 83 с.
2. Голованова Е. И. Динамические процессы в русском языке эпохи коронавируса. // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. № 21 (5). С. 33–39.
3. Голованова Е. И., Маджаева С. И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). С. 48–57.
4. Кириллова Ю. Н. Лингвостилистические особенности текста социальной рекламы (на материале немецкого языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 265–272.
5. Майер В. С. Пандемия коронавируса как языковой маркер современности (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 124–137.
6. Потапчук Е. Ю., Лабзина Ю. Е., Маркова М. А., Мамаева Д. М. Специфика социальной рекламы в условиях пандемии COVID-19: международный контекст // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8. С. 59–67.
7. Романов А. А., Социальная реклама (проблемы и перспективы развития) // Статистика, экономика и информатика. 2010. № 6. С. 99–101.
8. Томская М. В. Оценочность в социальном рекламном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 24 с.
9. Balnat V. Unter Beobachtung: Corona-Wortschatz im Deutschen und Französischen. *Nouveaux Cahiers d'Allemand: Revue de linguistique et de didactique*. 2020. 38 (2). P. 139–159.
10. Leech G. *English in Advertising*. London, Longman. 1966
11. Shortis, T. *The Language of ICT: Information and communication technology*. London, Psychology Press, Routledge, 2000. 128 p.

References

1. Blyum MA, Molotkova NV. *Osnovy ispol'zovaniya sredstv reklamy v kommercheskoj dejatel'nosti = Fundamentals of the use of advertising media in commercial activities*. Tambov: Tambov State Tech. university; 2006. (In Russ.).
2. Golovanova EI. Dynamic processes in the Russian language of the era of coronavirus. *Vestnik SAFU. «Gumanitarnye i social'nye nauki» = Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanities and Social Sciences”*. 2021;21(5):33-39. (In Russ.).
3. Golovanova EI, Madzhaeva SI. About the dictionary of the era of the coronavirus pandemic. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(7(441):48-57. (In Russ.).

4. Kirillova YuN. Linguistic and stylistic features of the text of social advertising (on the material of the German language). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika = News of Saratov University. New episode. Series Philology. Journalism*. 2017;17(3):265-272. (In Russ.).
5. Mayer VS. The Coronavirus Pandemic as a Language Marker of Modernity (on the Material of the German Language). *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2020;(4):124-137. (In Russ.).
6. Potapchuk EYu, Labzina YuE, Markova MA, Mamaeva DM. The specifics of social advertising in the context of the COVID-19 pandemic: international context. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2021;(8):59-67. (In Russ.).
7. Romanov AA. Social advertising (problems and development prospects). *Statistika, jekonomika i informatika = Statistics, economics and computer science*. 2010;(6):99-101. (In Russ.).
8. Tomskaja MV. Ocenochnost' v social'nom reklamnom diskurse = Appraisal in social advertising discourse. Abstract of thesis. Moscow; 2000. 24 p. (In Russ.).
9. Balnat V. Unter Beobachtung: Corona-Wortschatz im Deutschen und Franz?sischen. *Nouveaux Cahiers d'Allemand: Revue de linguistique et de didactique*. 2020;38(2):139-159. (In Germ.).
10. Leech G. English in Advertising. London: Longman; 1996.
11. Shortis, T. The Language of ICT: Information and communication technology. London: Psychology Press, Routledge; 2001.

Информация об авторе

Т. Ю. Глазкова — кандидат филологических наук, приглашенный преподаватель.

Information about the author

Tatiana Yu. Glazkova — Cand. Sci. (Philology), visiting lecturer.

Статья поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 12.08.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81`1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-67-72

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Инесса Евгеньевна Кламер

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, in.klamer@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению аксиологического аспекта конструирования образа будущего в англоязычном политическом дискурсе. Образ будущего рассматривается как ментальная структура, моделируемая посредством лингвоаксиологических операций. Содержание образа будущего определяется аксиологическим сценарием мира настоящего, репрезентируемого языковыми единицами. Выявлены особенности конструирования образа будущего посредством актуализации концепта «новизна». Инструментарий конструирования образа будущего включает: 1) содержание когнитивного сценария будущего; 2) средства его вербализации; 3) дискурсообразующие иллокуции. Определены аксиологемы, моделирующие образ будущего: «прогрессивность», «важность», «необходимость», «завершенность», «фантастичность».

Ключевые слова: образ будущего, дискурсивное конструирование, аксиологема, контраст, концепция новизны, языковые репрезентанты ценностных смыслов

Для цитирования: Кламер И. Е. Дискурсивное конструирование образа будущего: аксиологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 67–72. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-67-72.

Original article

ON DISCURSIVE CONSTRUCTION OF THE FUTURE WORLD: AXIOLOGICAL ASPECT

Inessa E. Klamer

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, in.klamer@gmail.com

Abstract. The article considers the axiological aspect of the future world construction in the English political discourse. The image of the future is regarded as a mental structure shaped by linguoaxiological operations. Its content is predetermined by the axiological scenario of the present, encoded by language units. The critical role of the concept “innovation” in the construal of the future world image has been revealed. The tool kit of the future world construal consists of: 1) a cognitive script of the future; 2) means of its verbalization; 3) discourse illocutions. Axiologems that model the future world image are identified: “progressiveness”, “importance”, “necessity”, “completeness”, “fantasticity”.

Keywords: future, discursive construction, value, contrast, new conception

For citation: Klamer IE. On discursive construction of the future world: axiological aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):67-72. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-67-72.

Введение

В последнее время в лингвистике проявляется интерес к понятию дискурсивного конструирования мира. основополагающим является тезис о том, что мир создается непосредственно говорящим, определяющим его особенности [5. С. 13]. Конструирование мира происходит в рамках дис-

курса. Е. С. Кубрякова определяет дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее в себя текст и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста [4. С. 6].

Реальный мир находится в процессе постоянных изменений. В связи с этим любое порождение дискурса можно назвать дискурсивным

конструированием мира. Говорящий живет внутри этого мира и создает его своими действиями и дискурсом. Дискурс выступает как основная черта непрерывного формирования мира, при котором всеобщее конструирование дискурса обуславливает всеобщее конструирование жизни, наличие которого обуславливается в некоторый момент времени [4. С. 14].

Следует заметить, что в мире объективной реальности дискурсивное конструирование настоящего тесно связано с дискурсивным конструированием будущего. Сущность дискурсивного конструирования будущего мира заключается в том, что будущий опыт прежде всего осмысливается и репрезентируется в настоящем дискурсе [6. С. 67].

Прогностический характер определения будущего представляется наиболее привлекательным при формировании научных знаний и обособлении прогнозирования в автономную область. Однако результативность интегративного прогнозирования является весьма недейственной в связи с отсутствием объективной истинности при долгосрочном планировании. Обоснованность прогнозов на будущее зависит от их временной и пространственной удаленности от настоящего [1. С. 15].

Особый интерес представляет определение образа будущего, дискурсивное конструирование которого определяется аксиологическим сценарием мира настоящего. Так, целью данной работы является определение особенностей конструирования образа будущего в англоязычном политическом дискурсе на основе допущения о том, что такой образ аксиологически маркирован.

Материалы и методы исследования

Обратимся к политическому дискурсу и посредством лингвистического анализа попытаемся определить ценностную составляющую образа будущего в данном контексте. Заметим, что в политическом дискурсе образ будущего фундируется ценностной категорией «новое»: инновационное, обновленное, способное изменить мир к лучшему.

Обращаясь к образу будущего, необходимо учесть, что «образ» включает в себя два компонента: оценку и ценности, заложенные в это понятие. Ценностные смыслы формируют знаковую сеть, ориентирующую и моделирующую деятельность человеческого сознания. Они также конструируют миры, в которых реализуется лингвистический потенциал языковой личности,

моделируя систему речевых актов и речевых событий. Ценностные смыслы могут переживаться личностью рационально, эмоционально и архетипически. Рациональная сторона переживаний диаметрально противоположна эмоциональной, в то время как эмоциональная частично противоположна архетипической [2. С. 132]. Способом измерения ценностного сознания является этносемиомерия, разработанная Е. Ф. Серебренниковой, которая определяет этот феномен как эвристическую процедуру, сущностью которой является трансляция ценностных смыслов, порождаемых языковой личностью в процессе конструирования реальности [7. С. 17]. Согласно этносемиомерии, ценностные смыслы могут трактоваться и оцениваться по-разному. На оценку данных смыслов оказывают влияние различные факторы — непосредственно типология языковой личности или ценностные парадигмы различных лингвокультур. Ценностная характеристика в языковой системе представлена аксиологемами — языковыми репрезентантами ценностных смыслов. Они могут передаваться лексемами (*benefit, improvement, success*), словосочетаниями (*growing economy, social responsibility*), высказываниями (*changes are inevitable*), фразеологическими единицами, паремиями (*actions speak louder than words*) и т. д. Так, иллокуции, восходящие к аксиологическим системам, конструируют речевую коммуникацию, которая осуществляется в зависимости от содержания аксиологического сценария, создаваемого языковой личностью в определенном дискурсивном пространстве.

В различных дискурсах, в том числе и политическом, образ будущего может включать в себя как позитивные, так и негативные коннотации. С одной стороны, будущее моделируется как светлый, ясный, обновленный, прогрессивный мир. С другой стороны, в материале исследования зафиксированы интерпретанты, которые в силу своей негативной маркированности могут конструировать негативное переживание образа будущего.

Результаты исследования и их обсуждение

Наглядным примером конструирования образа выступает англоязычный политический дискурс в формате политической речи. На материале фрагментов парламентских дебатов проанализируем образ будущего в политическом дискурсивном пространстве. Рассмотрим пример, где члены парламента Великобритании обсуждают законопроект о высокоскоростном железнодорожном транспорте [*High Speed Rail (Preparation)*]

Bill]; заседание от 26 июня 2013 г.: the Secretary of State for Transport (Mr Patrick McLoughlin): *I beg to move, that the Bill be now read a Second time. A growing economy, a growing population and growing demand for transport, which have seen rail travel double in a decade, mean that we must act. HS2 will be the first new main rail line north of London for 120 years, linking at least eight of our 10 largest cities, and improving services for Scotland too. The Bill provides that important opportunity. Why is HS2 necessary? The answer is not only speed, although HS2 will take an hour off journeys between London and Manchester, and between Birmingham and Leeds, and it will bring two thirds of people in the north of England within two hours of London*¹.

В данном фрагменте формулируется проблема, связанная с транспортной системой Великобритании: построить высокоскоростную железную дорогу или же оставить прежнюю. Так, автор при помощи контраста формирует два мира — существующий (с имеющейся транспортной системой) и будущий (с новой железной дорогой). Новый мир представляется светлым, прогрессивным и позитивным, так как высокоскоростная железная дорога позволит сократить время, затраченное в пути, а также увеличит поток пассажиров — *HS2 will take an hour off journeys between London and Manchester, and between Birmingham and Leeds, and it will bring two thirds of people in the north of England within two hours of London*. Аксиологическая составляющая светлого образа будущего конструируется за счет экспрессивных средств, в частности, повтора аксиологема, подчеркивающей изменения в настоящей реальности (a *growing economy, a growing population and growing demand for transport*). Согласно словарю Merriam-Webster, аксиологема *growing* имеет следующие значения: *increasing in size or amount; becoming greater in prevalence, popularity, or influence*², что транслирует ценностные смыслы «увеличение», «рост», «подъем». Антонимичным смыслом является «declining» (*Our declining transport system leaves much to be desired*). Необходимость изменений акцентируется специальным «why»-вопросом (*Why is HS2 necessary?*). Смысловая нагрузка проблемного вопроса заключается в определении причины происходящего с целью изменения будущего. Побуждение к действию вы-

ражается оператором деонтической модальности «must» (*We must act*), что также акцентирует фактор неизбежности изменений. Адресант противопоставляет два мира: будущий — с эффективной транспортной системой — и настоящий, в котором следует вносить коррективы в работу (*improving service*). Говорящий обращает внимание на возможность увеличения транспортного потока в будущем посредством использования глагола в будущем времени (*will*) и транслирует идею о неизбежности изменений (*it will bring two thirds of people in the north of England within two hours of London*). Глагол *improve* аксиологически маркирован. Анализ семантической структуры этого глагола — *enhance in value or quality; make better; to increase the value of (land or property) by making it more useful for humans (as by cultivation or the erection of buildings)*³ — эксплицирует ценностные смыслы: «новое», «улучшение», «подъем». Аксиологическими антонимами являются смыслы «ухудшение», «деградация» (*deteriorating infrastructure doesn't give a chance for further development*). Для интенсификации значения прилагательных и повышения экспрессивности описания нового мира автор использует усилительные наречия *too, very, absolutely*. Анализ значений лексических единиц (*beneficial — producing good results or helpful effects; advantage — benefit resulting from some course of action; benefit — something that produces good or helpful results or effects or that promotes well-being*⁴) раскрывает ценностную составляющую возможности, выгоды, пользы. Будущий мир описывается с помощью аксиологем, выраженных прилагательными, обладающими значениями новизны, важности, амбициозности (*ambitious; important; new; innovative; sufficient; fantastic; fast; essential*).

В свою очередь, такие аксиологема противопоставляются лексемам с негативной коннотацией (*ambitious — passive; important — minor; new, innovative — traditional, sufficient — deficient; fantastic — ordinary; fast — slow; essential — irrelevant*) при актуализации приема контраста для создания двух диаметрально противоположных миров.

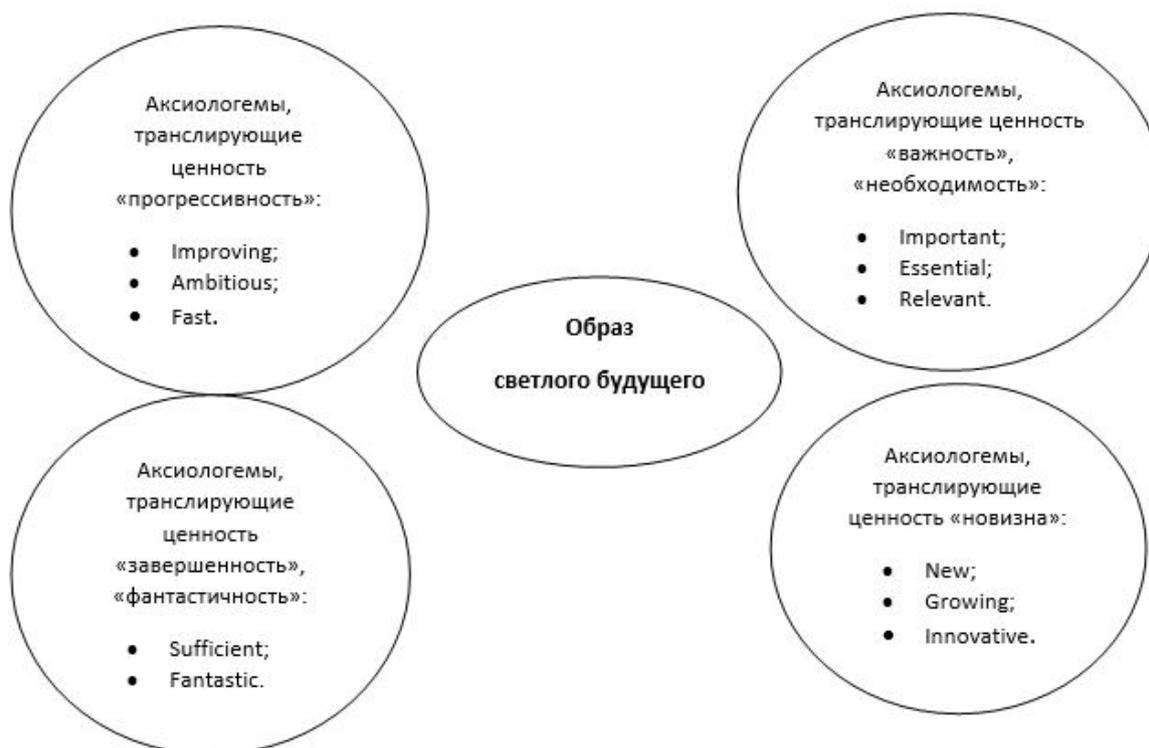
Аксиологическое содержание образа светлого будущего можно представить в виде схемы, включающей четыре группы аксиологем, транслирующих следующие ценности: 1) «прогрессивность»; 2) «важность», «необходимость»; 3) «новизна»; 4) «завершенность», «фантастичность» (см. рис.).

³ Merriam-Webster Dictionary.

⁴ Там же.

¹ High Speed Rail (Preparation) Bill. URL: <https://www.theyworkforyou.com/debates/?id=2013-06-26b.335.0> (дата обращения: 20.03.2022).

² Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 04.04.2022).

Аксиологиемы, моделирующие образ светлого будущего

Axiologemes modeling the image of a brighter future

Таким образом, ценностная составляющая светлого образа будущего базируется на аксиологических репрезентантах прогрессивности, важности, необходимости, новизны, завершенности и фантастичности, которые впоследствии позволяют конструировать образ светлого будущего.

В рамках противопоставления будущего и настоящего положений дел наряду с приемом контраста используется прием сравнения. Согласно Г. А. Шушариной, «сравнение — это явление, в котором сравниваются два объекта, относящихся к одному классу, и рассматриваются все их качества, выделяя одно, которое сравнивается» [8. С. 82]. В представленном ниже фрагменте дискурса адресант сравнивает два аспекта актуальной ситуации: есть возможность путешествовать в Брюссель и Страсбург на высокоскоростном поезде, но нет такого поезда до Бирмингема, Лидса и Шеффилда (*I am not prepared to put up with a situation in which someone can get to Brussels on a high-speed train line, but not to Birmingham; to Strasbourg, but not to Sheffield; or to Lille, but not to Leeds*, что становится аргументом, обосновывающим необходимость модернизации железнодорожного транспорта. Прием сравнения реализуется посредством синтаксического повтора.

Сравнение транспортной системы Великобритании с европейскими соседями усиливается, вербализуется посредством использования сравнительной степени прилагательного. Подчеркивается тот факт, что поездки будут короче (*It should also be noted that, compared to our European neighbours, journey times between first and second cities are considerably shorter in the UK*). Наречие *considerably* выступает интенсификатором параметра новизны.

Прием контраста конструирует противопоставление уровня железнодорожного сообщения в Великобритании и других европейских странах: *I do not believe it can be right that from here it is quicker to get to Paris than to Wrexham, to Brussels than to Liverpool and to Rotterdam than to Glasgow. that while France, Germany, Italy and Spain all enjoy high-speed rail networks, we in Britain — the country that invented railways — do not have a comparable system*. Иллокутивная сила дискурса создается авторской позицией неприятия актуального положения дел (*I do not believe it can be right; It is not right*) и спецификацией исторической роли Великобритании как страны, где впервые появились железные дороги (*we in Britain — the country that invented railways — do not have a comparable system*).

Участие аксиологических концептов в конструировании образа будущего можно проиллюстрировать на материале комментария одного из членов парламента Великобритании, обсуждающего проект о новом железнодорожном сообщении:

*I thank the Secretary of State for giving way and for his generous offer of coming to visit and see the lie of the land in north Staffordshire and east Cheshire. He will appreciate after our meeting that it is difficult for Members from north Staffordshire to support HS2 as it stands because it may very well, on the current modelling, reduce the number of direct trains from Stoke-on-Trent from 31 a day to just three a day. This knock-on issue is relevant to people from Stockport all the way down to Coventry. What assurances can he give that the west coast main line in the future, after HS2, will not become the ghost train line running a skeleton service, as the projections currently suggest?*¹

Конструирование образа будущего в приведенном выше фрагменте также основывается на приеме контраста старого и нового положения дел. Аксиологически маркированный глагол *appreciate* моделирует вектор оценивания нового проекта с учетом интересов людей, проживающих на территории, где планируется его реализация.

Аксиологически маркированное адъективное словосочетание *generous offer* подчеркивает важность предстоящего визита для оценки возможности реализации предлагаемого проекта. Словосочетание *knock-on issue*, мотивированное фразеологической единицей *to have a knock-on effect* (вызывать цепную реакцию / эффект домино), выступает в качестве аттрактора, привлекающего внимание к значимости обсуждаемого

¹ High Speed Rail (Preparation) Bill.

проекта. Тем самым акцентируется актуальность (*relevant*) данной проблемы и ее масштабность. Наряду с положительным эффектом реализации нового проекта существуют определенные трудности (*it is difficult for Members from north Staffordshire to support HS2*), что осложняет принятие положительного решения. *Новый поезд* метафорически интерпретируется как поезд-призрак (*ghost train line*). Также обозначаются дефициты качества транспортных услуг (*a skeleton service*), что эксплицирует недостаточный уровень разработанности предлагаемого проекта. Это раскрывает значимость интерпретации при конструировании образа будущего: профилируются положительные или отрицательные признаки, в зависимости от точки зрения интерпретатора.

Заключение

На основании проанализированных фрагментов парламентских дебатов в качестве англоязычного политического дискурса можно сделать вывод, что будущий мир конструируется на основе переживания какого-либо положения дел как нового этапа развития событий посредством сопоставления настоящего и будущего. Составляющими такого конструирования являются: 1) когнитивные сценарии — структуры сознания, описывающие формирование нового образа будущего за счет контраста двух миров — старого и нового, а также сравнения двух миров — уже существующего и будущего; 2) вербализация — словесное воплощение образа будущего посредством использования функционально-специализированных аксиологических единиц; 3) иллюция — речевое действие, происходящее в определенном дискурсе, в данном случае политическом.

Список источников

1. Желтикова И. А. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15–32.
2. Казыдуб Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 132–137.
3. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009. 208 с.
4. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике : обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М. : Институт языкознания РАН, 2000. С. 5–13.
5. Кузнецова В. В. Реализация принципа корпоративности в английском групповом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 22 с.
6. Плотникова С. Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М. : Гнозис, 2006. С. 66–81.

7. Серебренникова Е. Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия как способ лингвистического анализа. Иркутск : ФГБОУ ВПО ИГЛУ, 2011. 352 с.
8. Шушарина Г. А. Стилистика английского языка : учеб. пособие. Комсомольск-на-Амуре : ГОУ ВПО КиАГТУ, 2010. 100 с.

References

1. Zheltikova IA. The concept of “image of the future” in the field of futuristic research. *Filosofskaja mysl' = Philosophical thought*. 2020;(2):15-32. (In Russ.).
2. Kazydub NN. Value systems in language and speech. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Irkutsk State University*. 2009;(2):132-137 (In Russ.).
3. Karaulov UN. (2009) Lingvisticheskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo jazyka = Linguistic construction and the thesaurus of literary language. Moscow: Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN; 2009. 208 p. (In Russ.).
4. Kubryakova ES. The concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics: a review. In: *Discurs, rech, rechevaja dejatel'nost': funkczional'nye i strukturnye aspekty = Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects*. Moscow: Institut jazykoznanija RAN; 2000. P. 5–13. (In Russ.).
5. Kuznetsova VV. Realizatsiya printsipa korporativnosti v anglijskom gruppovom discurse = Implementation of the corporate principle in English group discourse. Abstract of thesis. Irkutsk; 2005. 22 p. (In Russ.).
6. Plotnikova SN. Cognitive-discursive activity: observation and construction. In: *Studia Linguistica Cognitiva*. Vyp. 1. Jazyk i poznanie: Metodologicheskie problemy i perspektivy = *Studia Linguistica Cognitiva*. Iss. 1. Language and Cognition: Methodological Problems and Perspectives. Moscow: Gnozis; 2006. P. 66–81 (In Russ.).
7. Serebennikova EF. Lingvistika i aksiologija: etnosemiometrija kak sposob lingvisticheskogo analiza = Linguistics and axiology: ethnosemiometry as a way of linguistic analysis. Irkutsk: FGBOU VPO IGLU; 2011. 352 p. (In Russ.).
8. Shusharina GA. Stilistika anglijskogo jazyka = Stylistics of the English language. Komsomolsk-on-Amur: GOU VPO KiaGTU; 2010. 100 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И. Е. Кламер — аспирант III курса факультета иностранных языков.

Information about the author

Inessa E. Klamer — the 3rd-year postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 22.06.2022; одобрена после рецензирования 13.10.2022; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 22.06.2022; approved after reviewing 13.10.2022; accepted for publication 12.08.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-73-83

АРГУМЕНТАЦИЯ В ТЕКСТАХ МАСС-МЕДИА КАК КРИТЕРИЙ ЖАНРОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Екатерина Андреевна Никонова

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, ekatnikon2014@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9260-4554

Аннотация. Целью статьи является анализ жанродифференцирующего потенциала аргументации. Анализ проводился на примере жанров “analysis”, “editorial”, “opinion”, в основе которых лежат разные цели, обуславливающие различные типы аргументации. В результате исследования выделяется три показателя аргументации, по которым можно проводить жанровую дифференциацию текстов СМИ: структура аргументации, тип тезиса и тип аргументов. Сделан вывод, что использование аргументации зависит от жанра, однако анализ данных показателей является важным, но недостаточным критерием для жанровой дифференциации современных медиатекстов.

Ключевые слова: аргументация, жанровая дифференциация, тексты СМИ, opinion, editorial, analysis

Для цитирования: Никонова Е. А. Аргументация в текстах масс-медиа как критерий жанровой дифференциации // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 73–83. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-73-83.

Original article

ARGUMENTATION IN MASS MEDIA AS A GENRE DEFINING CRITERION

Ekaterina A. Nikonova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ekatnikon2014@yandex.ru, ORCID 0000-0001-9260-4554

Abstract. The goal of the article is to study and describe genre defining potency of argumentation. The genres analyzed are analysis, opinion, editorial. As those genres are characterized by different goals, the argumentation used in them must differ. The analysis findings demonstrated that argumentation as a genre defining tool must be analyzed for such parameters as structure, thesis and argument type. It was shown that argumentation is not the ultimate tool of genre defining.

Keywords: argumentation, genres, mass media texts, opinion, editorial, analysis

For citation: Nikonova EA. Argumentation in mass media as a genre defining criterion. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(6(476):73-83. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-73-83.*

Введение

Теория аргументации берет свое начало в античной философии и сегодня является объектом междисциплинарного изучения: исследования ведутся в области философии (Ж. Habermas [21], Л. Resnick [24]), логики (А. А. Ивин [9], Ю. В. Ивлев [10]), лингвистики (Н. Н. Добрякова [5], Д. Ц. Доржиева [6], Ф. Емерен [19]), рекламы (М. Ю. Вертиева [3], Н. А. Тюленева [15]) и т. д.

В последнее время особый интерес для исследователей представляет изучение специфики функционирования аргументации в медиатексте [4; 26], поскольку здесь наиболее ярко реализуется ее двунаправленность, т. е. аргументация может выступать как в роли средства разъяснения, обоснования информации на основе аналитической деятельности автора, так и в качестве инструмента изменения общественного мнения, пропаганды. Данный функциональный диапазон может быть рассмотрен в качестве

основания для жанровой дифференциации текстов масс-медиа.

Цель данного исследования — установить возможность использования аргументации как инструмента разграничения жанров масс-медиа, что предполагает решение следующих задач: 1) выявить структурные элементы аргументации в медиатексте и дать им определение; 2) описать общую схему аргументации в жанрах “analysis” и “editorial/opinion”, провести ее сравнительный анализ; 3) на основе коммуникативного характера аргументации определить ее типологическую принадлежность в исследуемых жанрах, провести качественный и количественный анализ полученных данных.

Материал и методы исследования

Для реализации целей исследования путем сплошной выборки было отобрано по 50 статей общественно-тематической направленности, опубликованных в разделах “analysis” и “editorial/opinion” за 2020–2022 гг. (всего 150 статей). Источником статей послужили ведущие англоязычные издания: “The Economist”, “The Washington Post”, “The Independent”, “The Guardian”. В качестве материала исследования были использованы тексты именно данных жанров, поскольку они имеют различную функциональную направленность.

Так, основополагающей чертой жанра “analysis” является демонстрация в сжатом виде максимального объема информации касательно того или иного важного социально-политического вопроса с учетом причинно-следственной связи между различными пластами информации; в результате на основе предоставленной объективной картины происходящего (в контексте имеющейся на данный момент информации) читатель может принять решение или выработать собственную позицию. Жанр “opinion” нацелен на передачу авторского мнения, что часто принимает гиперболизированные формы за счет полного игнорирования альтернативных позиций; editorial ставит своей целью трансляцию позиции редакции по обсуждаемому вопросу, и поскольку СМИ традиционно считают себя равноправным актором публичного диалога, для которого характерна высокая степень предметности и структурности [17. С. 80], то выстраиваемая ими аргументация в editorial носит более взвешенный характер, чем в opinion. Тем не менее оба жанра объединяет нацеленность на выражение мнения, а также оказание влияния на общественно-политическую

мысль, в связи с чем в рамках нашего исследования результаты их анализа дифференцироваться не будут. Таким образом, в основе analysis, opinion/editorial лежат разные цели, обуславливающие различный характер аргументации, что позволит наиболее четко продемонстрировать разнородность проявления аргументации в жанрах масс-медиа.

В качестве методов исследования использовались контекстуально-композиционный анализ (для анализа структуры аргументации), логико-семантический анализ (для анализа связи смысла высказывания и условий его истинности), а также прагматический, когнитивно-семантический анализ и методы дискурсивного анализа (для определения типа аргументации).

Теоретические основы исследования

При анализе структуры аргументации будем опираться на положения, разработанные в рамках формально-логической парадигмы (Г. А. Брутян [2], А. А. Ивин [9], С. Е. Toulmin [25]), согласно которой аргументативная структура включает такие обязательные элементы, как тезис (утверждение, которое необходимо обосновать, чтобы адресат его принял), аргументы первого порядка (доводы или послылки), которые могут быть выражены прямо или имплицитно (имплицитная или скрытая аргументация свидетельствует о коммуникативной тактике навязывания, ее аргументативная сила ниже, чем у прямой аргументации), основание (общее положение, обеспечивающее связь между тезисом и аргументом), а также дополнительные элементы, такие как аргументы второго порядка (или поддержка, т. е. все дополнения, направленные на поддержание аргумента), контраргумент (или оговорка), ограничитель (выражает степень уверенности автора в его утверждении) [25. Р. 14–36].

Приемлемость аргументов и природу аргументативного текста анализируем с позиций, выработанных в рамках неформальной логики (J. A. Blair [18], R. H. Johnson [22]), что предполагает ее соответствие следующим критериям.

Аргументация понимается как рациональная процедура обоснования каких-либо суждений. Данная трактовка предполагает, что рациональная основа аргументации должна быть понятной как аргументатору, оппоненту, так и любому другому заинтересованному лицу. Аргументация, выстроенная в соответствии с риторическим подходом (Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca [23], Д. Карнеги [12], Е. Н. Зарецкая [8] и т. д.), согласно

которому в основе построения аргументации лежит не критерий логичности, достоверности и рациональности, а « deskriptivное понимание элементов, которые вносят вклад в убеждающий эффект дискурса» [4. С. 22], рассматривается нами как пример неполноценной и неадекватной аргументации. Однако необходимо различать аргументацию с четко представленной логической схемой построения рассуждения, которая усиливается риторическими средствами убеждения (что естественно для текстов масс-медиа дискурса, характеризуемого высокой степенью воздействующего потенциала), и убеждение, в основе которого находятся риторические приемы построения убедительной речи [5].

Аргумент должен быть понятен любому здравомыслящему человеку, в отличие от риторического аргумента, эффективного только в отношении определенной группы лиц, разделяющих ценности, на которых данный аргумент базируется.

Аргументатор должен принять во внимание возможные возражения / критику приводимых им аргументов, т. е. аргументация должна включать диалектический уровень. В противном случае речь идет об односторонней аргументации, которая не может рассматриваться как объективная и рациональная.

Аргументативность может проявляться в двух планах построения текста, связанных с вертикальным и горизонтальным развертыванием текста соответственно [4. С. 51]. Первый план характеризует глобальную связность текста и предполагает наличие главного тезиса и направленность всех аргументативных структур, так или иначе, на обоснование этой пропозиции. Второй план аргументативного текста обеспечивает локальную связность текста, т. е. включает элементы, не входящие в аргументативную структуру всего текста, но обеспечивающие естественное развертывание рассуждения.

Считаем аргументативность градуированной категорией, т. е. она может проявляться с разной степенью интенсивности в различных жанрах масс-медиа. Так, в жанрах, для которых аргументативность является ведущей чертой (например, аналитическая статья), аргументативность находит свое отражение на обоих уровнях текста, обуславливает смысловую и композиционную структуру. В жанрах, для которых аргументативность не является ведущей чертой, она может проявляться в отдельных эпизодах текста.

Аргументативная ориентированность высказывания не ограничивается его семантическим или логическим компонентами и является контекстно обусловленной (см. Е. Р. Ионесян [11], Н. Ю. Фанян [16], К. В. Гудкова [4]), т. е. любое дескриптивное высказывание трансформируется в аргумент к действительному положению дел при условии помещения его в соответствующий контекст. В связи с этим аргументы, в строгом варианте представляющие собой логическую ошибку, в определенном контексте могут быть рассмотрены как умеренно приемлемые. Например, апелляция к эмоциям (*ad populum argument*) в случае отсутствия надежной информации, необходимой для окончательного разрешения спорной ситуации, может выступать в качестве инструмента «подталкивания» к практическим рассуждениям [22. Р. 102], что нельзя рассматривать как «хороший» аргумент, но в данном контексте он не является и «безусловно плохим».

При проведении сравнительного анализа аргументов, присутствующих в текстах “analysis” и “editorial/opinion”, будем исходить из их классификации на сильные, слабые и несостоятельные. Под сильными аргументами понимаются универсальные/рациональные аргументы [9. С. 29], которые исключают какую-либо двусмысленность или интерпретативность; их невозможно оспорить или опровергнуть. К сильным аргументам относятся: 1) точно установленные факты; 2) апелляция к официальным документам, законам; 3) результаты экспериментов и экспертные заключения; 4) ссылки на общепризнанных авторитетов в данной области; 5) статистическая информация, предоставленная авторитетным источником; 6) свидетельские показания; 7) здравый смысл, законы природы. Слабые аргументы эффективны только в отношении определенной аудитории, они могут вызвать сомнения в состоятельности. К ним относятся: 1) ссылки на источники, не являющиеся непреложным авторитетом в данной области; 2) доводы личного характера; 3) догадки, прогнозы, предположения, интуиция; 4) выводы, основанные на неполных статистических данных или на фактах, связь между которыми не очевидна. Несостоятельные аргументы представляют собой пример недобросовестной аргументации, рассчитанной на недостаточную осведомленность аудитории. В качестве подобных аргументов могут выступать непроверенные или сомнительные источники; подтасованные факты; предположения и догадки; логические уловки и алогизмы [7].

Результаты исследования

В результате проведенного исследования было выделено три показателя аргументации, по которым можно проводить жанровую дифференциацию текстов СМИ: структура аргументации, тип тезиса и тип аргументов.

1. Специфика структуры аргументации жанров “analysis” и “editorial/opinion”

Анализ композиционной структуры аргументации в жанрах “analysis” и “editorial/opinion” не показал каких-либо закономерных различий. В обоих случаях структуру аргументации нельзя назвать строгой, однако общая схема ее построения узнаваема и предполагает различную вариацию последовательности таких элементов, как тезис, аргумент и контраргумент. При этом не все элементы аргументативной структуры выражены в тексте эксплицитно: они могут отсутствовать или находить имплицитное выражение. С точки зрения композиционного построения аргументация может быть прогрессивной (от тезиса к аргументам) и регрессивной (от аргументов к тезису).

Таким образом, анализ непосредственно структуры аргументации может быть полезен при описании аргументативной схемы конкретного текста, но не показателен при его использовании в качестве инструмента жанровой дифференциации.

Анализ текстологических характеристик “analysis” и “editorial/opinion” показал, что структура аргументации “analysis” проявляется на вертикальном и горизонтальном уровнях построения текста. Вертикальный план предполагает наличие главного тезиса и направленность всех аргументативных структур, так или иначе, на его подкрепление и обеспечивает аргументативную связность в целом, в то время как горизонтальный план обеспечивает локальную связность текста, т. е. включает элементы, не входящие в аргументативную структуру всего текста, но обеспечивающие естественное развертывание рассуждения. В качестве иллюстративного примера рассмотрим структуру аргументации статьи “Are schools really responsible for driving the spread of coronavirus?”¹ (рис. 1).

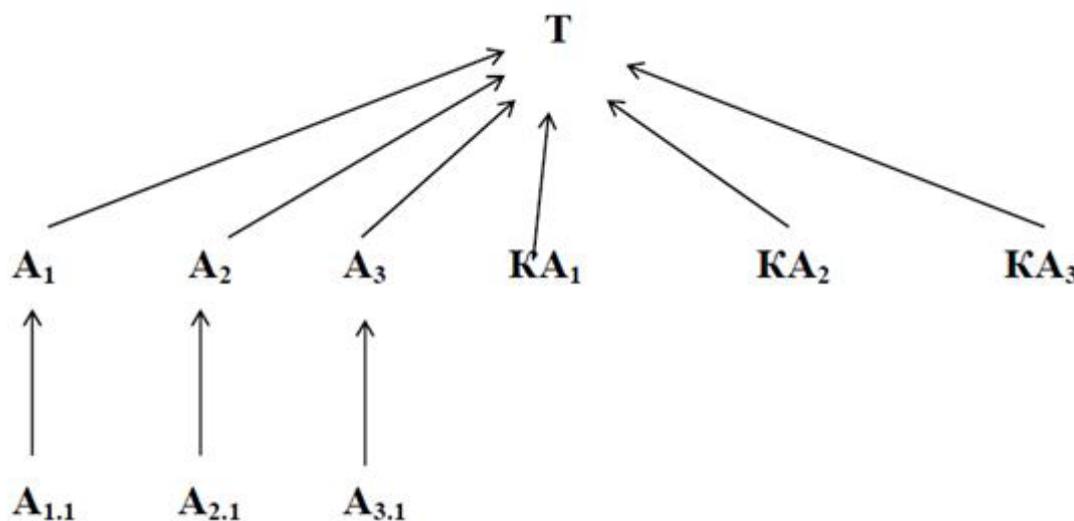

Рис. 1. Аргументативная структура статьи
“Are schools really responsible for driving the spread of coronavirus?”

Fig. 1. Argumentative structure of the article
“Are schools really responsible for driving the spread of coronavirus?”

Тезис данной статьи сформулирован в заголовке и дублируется в третьем абзаце статьи: “But how strong is the evidence that schools are a major cause of the virus spreading?”. В поддержку точки зрения, что школы являются основным источником распространения коронавирусной инфекции, приведено три аргумента — A_1 , A_2 , A_3 , каждый из которых выступает субтезисом (т. е. тезисом более низкого порядка), для обоснования которого

используются аргументы более низкого уровня ($A_{1.1}$, $A_{2.1}$, $A_{3.1}$):

A_1 : The Office for National Statistics’ largescale random weekly survey (released on 24 December)

¹ Chu B. Are schools really responsible for driving the spread of coronavirus? URL: <https://www.independent.co.uk/independentpremium/news-analysis/schools-virus-spread-responsible-b1780408.html> (дата обращения: 23.09.2022).

shows that rates in the run-up to Christmas were considerably higher for children than adults.

A_{1.1}: The ONS estimates that on 18 December the positivity rate for children between year 7 and 11 (ages 11 to 15) was around 3 per cent, according to the sample group tested. For age 2 to school year 6 pupils (age two to 10) the rate was 2 per cent — while the rate for those age 50 and over was below 1 per cent.

A₂: Moreover, the positivity rate for school age children has been rising fast this month.

A_{2.1}: <...> the national prevalence of the virus was around 0.94 per cent across the population. But for ages 13 to 17 the prevalence was more than double that at 2.1 per cent, while for ages 5 to 12 it was 1.7 per cent.

A₃: The researchers think the evidence does suggest schools are driving transmission of the virus.

A_{3.1}: <...> infections appeared to increase more in the second national lockdown in November compared to the first in the spring, when schools were required to close.

Далее автор приводит контраргументы к тезису КА₁, КА₂, КА₃.

КА₁: <...> the proportion of schoolchildren and teachers with coronavirus “closely mirrors” the proportion in the local community.

КА₂: Dr. Ladhani argues it’s possible that the virus was being brought into schools several times from outside, rather than being spread by transmission between pupils.

КА₃: But it’s not clear that the spread is disproportionate to the spread in the surrounding community.

Таким образом, видим, что глобальная аргументативная структура текста является многоуровневой и сложноподчиненной. Автор последовательно приводит аргументы в поддержку тезиса, а затем контраргументы. При этом в качестве «водораздела» между двумя смысловыми частями текста выступает вопрос: “Yet how secure is the modelling assumption that schools have been accelerating the spread of the virus?”. Наличие эксплицитно выраженного перехода от аргументов к контраргументам в сочетании с четкой и ясной аргументативной схемой облегчает восприятие читателем логики рассуждения автора. Обратим внимание также на одинаковое количество приведенных аргументов и контраргументов, что является важным инструментом сохранения «баланса мнений».

Что касается жанров “editorial/opinion”, то в проанализированных нами статьях аргументация не является основой построения глобальной

структуры текстов, но присутствует фрагментарно в данных жанрах, проявляясь на горизонтальном уровне построения текста. В качестве иллюстративного примера рассмотрим статью “The man who fell to earth”¹. В данном тексте автор защищает две точки зрения: результаты президентских выборов во Франции не были такими неожиданными, как могло показаться (Т₁), и будущее президентства Макрона выглядит непростым (Т₂). Данные тезисы формулируются и получают развитие в абзацах 2, 4, 5 соответственно. При этом всего в статье шесть абзацев; абзацы, не задействованные в развертывании аргументативных структур, представляют собой повествование (абзацы 1 и 3) или авторское мнение-рассуждение (абзац 6).

Т₁: The outcome (*of the elections — примечание Е. А. Никоновой*) should not have been as surprising as it felt.

Т₂: Yet the future (*of the Macron’s presidency — примечание Е. А. Никоновой*) looks hard.

Т₁ получает развитие во втором абзаце статьи в горизонтальном и вертикальном плане (рис. 2). Тезис поддерживается двумя аргументами: в первом раунде выборов Макрон выиграл лишь с небольшим перевесом голосов (А₁), а также, отдав в итоге кресло президента Макрону, избиратели лишили его власти, поскольку его коалиция не получила большинства в Национальной ассамблее (А₂).

А₁: In the first round of the presidential election in April, slightly more than half the electorate cast votes for one or other candidate of the political extremes.

А₂: The French gave him his job back, but they also decided to strip him of much of his authority.

Аргумент А₁ получает также горизонтальное развертывание за счет контраргументов КА₁ и ККА₁: с одной стороны, Макрон значительно обошел Ле Пен во втором раунде выборов, но, с другой, впечатляющие результаты лишь маскировали тот факт, что Макрона любит очень мало избирателей, а ненавидит огромное количество.

КА₁: Enough of them then rallied round Mr. Macron in the runoff to allow him to handily defeat Marine Le Pen, the leader of the populist National Rally.

ККА₁: But the impressive result masked the fact that Mr. Macron <...> is loved by only a few, and loathed by many.

¹The man who fell to earth. URL: <https://www.economist.com/leaders/2010/01/21/the-man-who-fell-to-earth> (дата обращения: 23.09.2022).

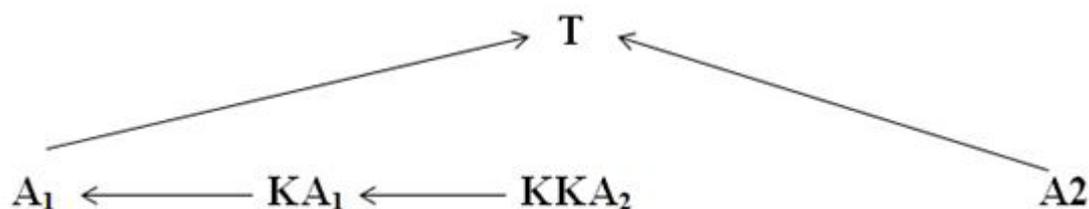

Рис. 2. Развитие тезиса T_1 статьи “The man who fell to earth”

Fig. 2. Development of the thesis T_1 of the article “The man who fell to earth”

Второй тезис T_2 получает вертикальное развертывание в 4 и 5 абзацах статьи (рис. 3); схема аргументации указывает на определенный диалектический путь, поскольку автор, выдвигая аргументацию, стремится предвидеть возможные возражения. Так, в защиту тезиса автор приводит аргумент A_1 о несостоятельности законодательной повестки Макрона. Аргумент A_1 опровергается мыслью о том, что согласно конституции у Макрона есть широкие полномочия в таких областях, как внешняя политика и оборонный сектор. В то же время этот аргумент сталкивается с критикой $ККА_1$, что правительство может отстранить Макрона, вынеся ему вотум недоверия.

Второй контраргумент к A_1 ($КА_2$) — Макрон может получить специальное большинство для

принятия отдельных законов — получает опровержение $ККА_2$, поскольку в правительстве будет сохраняться сопротивление.

A_1 : Mr. Macron’s legislative agenda is up in the air.

$КА_1$: the constitution gives him considerable powers, particularly in the areas of foreign and defense policy, and he also has the right, if need be, to force his budget and one other piece of legislation through parliament by decree in each sitting.

$ККА_1$: But if he is seen to abuse that authority, he may provoke a no-confidence vote that could bring down his government and perhaps force yet another parliamentary election.

$КА_2$: One option is to try to assemble ad hoc majorities for individual bills.

$ККА_2$: Yet both measures will face resistance <...>.

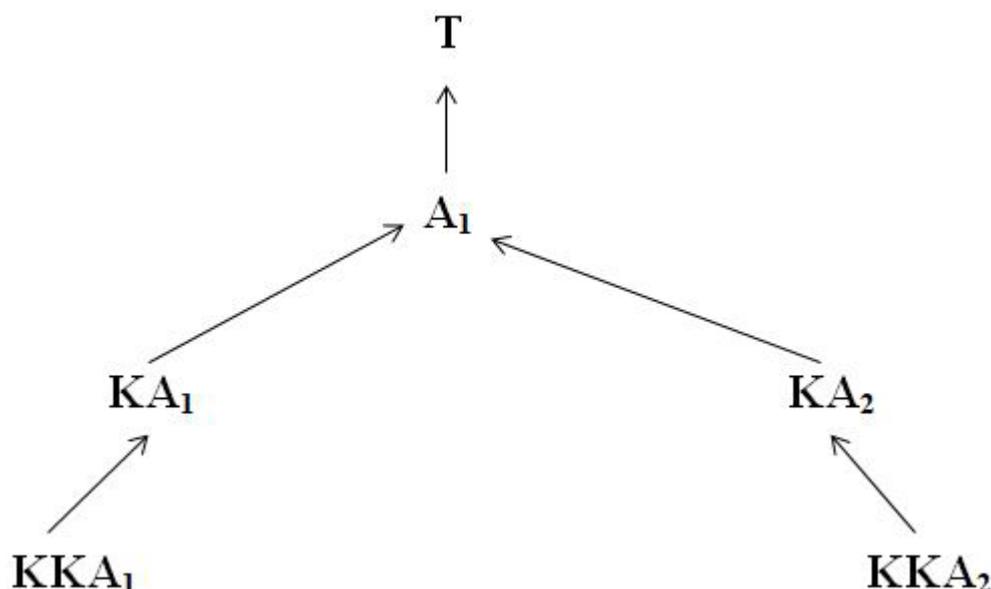

Рис. 3. Развитие тезиса T_2 статьи “The man who fell to earth”

Fig. 3. Development of the thesis T_2 of the article “The man who fell to earth”

Таким образом, видим, что в жанрах “editorial/opinion” аргументативная часть является основой не организации всего текста, но лишь его фрагментов.

2. Типы тезисов в жанрах “analysis” и “editorial/opinion”

Анализ элементов аргументативной структуры показал использование различных типов тезисов

в жанрах “analysis” и “editorial/opinion” с различной степенью интенсивности (табл. 1).

Классификация тезисов проводится на основе типологии, предложенной В. И. Гронбек,

в соответствии с которой выделяют три типа тезисов: нормативный (claim of policy), оценочный (claim of value) и фактологический (claim of facts) [20. P. 283].

Таблица 1
Table 1

Интенсивность применения тезисов в жанрах “analysis”, “editorial/opinion”¹
Intensity of application of abstracts in genres “analysis”, “editorial/opinion”

	Claim of Fact	Claim of Value	Claim of Policy
Analysis	82 % (41 случай)	–	18 % (9 случаев)
Editorial / Opinion	40 % (32 случая)	5 % (4 случая)	55 % (44 случая)

Фактологический тезис постулирует наличие определенного положения дел (см. 1–2), которое соответствует реальной картине мира; оценочный тезис призван дать оценку фактов действительности (см. 3–4); нормативный тезис содержит в себе эксплицитно выраженное побуждение к изменению текущего положения дел (см. 5).

(1) The decline of fossil fuels is going to be expensive²

(2) Ukraine is an EU candidate. Full membership is an obstacle course³

(3) It’s humiliating hell being a minister under Johnson⁴

(4) Busting the filibuster for abortion now is madness⁵

¹ Нами анализировались только те тезисы, которые не являются субтезисами. Таким образом, в выборку analysis попали 50 глобальных тезисов, в то время как в editorial/opinion нами было проанализировано 80 тезисов, так как в статьях данного жанра может быть более одного основного тезиса (отметим, что наличие нескольких основных тезисов свидетельствует либо об отсутствии смысловой взаимосвязи между тезисами, либо о том, что объединяющий их глобальный тезис не выражен в тексте эксплицитно и, соответственно, в нашем исследовании не учитывается).

² Fox J. The decline of fossil fuels is going to be expensive. URL: https://www.washingtonpost.com/business/energy/the-decline-of-fossil-fuels-is-going-to-be-expensive/2022/06/27/4dbc7232-f60d-11ec-81db-ac07a394a86b_story.html (дата обращения: 23.09.2022).

³ Schimmelfennig F. Ukraine is an EU candidate. Full membership is an obstacle course. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/06/30/ukraine-eu-membership-moldova-georgia/> (дата обращения: 23.09.2022).

⁴ Toynbee P. Saved by the bell, Boris Johnson’s government flip-flops off for the summer. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jul/23/boris-johnson-government-flip-flops-summer-pingdemic-leveling-up> (дата обращения: 23.09.2022)

⁵ Hohmann J. Busting the filibuster for abortion now is madness. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/07/06/busting-filibuster-abortion-crazy/> (дата обращения: 23.09.2022).

(5) The world needs more wheat⁶

Количественный анализ распределения тезисов в исследуемых жанрах показал, что в analysis преимущественно (82 % всех случаев) встречаются фактологические тезисы. В таких текстах основная задача автора — сделать некий факт очевидным для читателя. 18 % всех тезисов в analysis приходится на нормативные тезисы: автор ставит целью побудить читателя к неким действиям, изменить его картину мира. Отсутствие оценочных тезисов является закономерным, поскольку в жанре “analysis” авторские оценки и мнения сведены к минимуму, т. е. авторское отношение к тому или иному событию не может выступать в качестве доказываемого положения. В editorial/opinion представлены все три типа тезисов — фактологический (40 %), оценочный (5 %), нормативный (55 %) с доминированием последнего. При этом в чистом виде нормативные тезисы встречаются редко и, как правило, наблюдается комбинация оценки и нормативности, что объясняет достаточно низкий процент оценочных тезисов для жанра, основной целью которого является постулирование авторского мнения.

3. Типы аргументов в жанрах “analysis” и “editorial/opinion”

Как показал анализ практического материала, в обоих жанрах встречаются как сильные, так и слабые аргументы; несостоятельные аргументы были обнаружены нами только в editorial/opinion (табл. 2).

⁶ Wanzek T. A solution to the wheat shortage: genetically modified crops. URL: <https://www.wsj.com/articles/a-solution-to-the-wheat-shortage-genetically-modified-crops-farmers-agriculture-scientists-11654877143> (дата обращения: 23.09.2022).

Таблица 2
Table 2

Типы аргументов в жанрах “analysis” и “editorial/opinion”
Argument types in the “analysis” and “editorial/opinion”

	Сильные аргументы	Слабые аргументы	Несостоятельные аргументы
Analysis	82 %	18 %	0 %
Editorial/opinion	30 %	55 %	15 %

По результатам проведенного исследования 82 % всех аргументов в analysis приходится на сильные аргументы. Например, в статье “Jan. 6 hearings show a democracy in crisis. Civic education can help”¹ к тезису “Few middle and high school students are proficient in civics” приводятся следующие аргументы:

A₁: A 2018 report by the nonpartisan Center for American Progress found that only nine states and D.C. require a full year of high school civics. An equal number of states required none.

A₂: National assessments find that fewer than 25 percent of U.S. eighth-graders have the basic civics proficiency needed to understand how their government works.

A₃: And Congress spends 1,080 times more on science, technology, engineering and math (STEM) programs — approximately \$54 per student per year — than on civic education, which receives five cents per student per year.

Аргументы A₁, A₂, A₃ представляют собой отсылку к статистическим данным, предоставленным авторитетными и независимыми источниками информации — Центром американского прогресса, Национальным центром оценки и Конгрессом США. Для усиления объективации аргументов автор приводит гиперссылки на отчеты, на которые ссылается: читатель может самостоятельно убедиться в непредвзятости предоставленной информации.

На слабые аргументы приходится 18 % всех аргументов. Так, в статье “Ukraine is an EU candidate. Full membership is an obstacle course”² к тезису “Ukraine, Moldova, Georgia won’t become EU members soon” среди прочего приводится несколько слабых аргументов:

A₁: The E.U. has always been reluctant to offer membership to comparatively poor European countries with weak bureaucracies and less-stellar records on democracy and the rule of law.

A₂: Most E.U. members were initially skeptical, or suggested alternatives to enlargement, but they were morally unable to explicitly oppose these countries’ applications.

Аргумент A₁ может быть легко опровергнут, поскольку, несмотря на то, что требования к странам, претендующим на вступление в ЕС, достаточно высоки (см. копенгагенские критерии), в действительности они не всегда соблюдаются в полной мере. Так, например, при принятии в Союз Болгарии страна была не готова выполнить необходимые условия, однако было принято решение, что «только в качестве страны — члена ЕС у Болгарии будут более благоприятные условия для ускоренного развития, поскольку для Болгарии нет никакой альтернативы членству ЕС» [13]. Таким образом, рассматриваемый аргумент является риторическим, эффективен только для определенной аудитории и может быть легко оспорен (при этом контраргументы автор не приводит, что лишает аргументацию необходимого диалектического элемента). Аргумент A₂ об изначальной скептической позиции большинства стран — членов ЕС по отношению к принятию Украины, Молдовы и Грузии в Союз представляет собой субъективное заявление на уровне интуиции, которое хотя и может быть вероятным, однако, для того чтобы рассматриваться как сильный аргумент, нуждается в подтверждении.

Использование в analysis преимущественно сильных аргументов представляется закономерным результатом, поскольку в данном жанре основная форма аргументации — доказательство (согласно типологии, предложенной Т. В. Анисимовой и Н. А. Крапчетовой, что подразумевает «совокупность логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных или связанных с ним суждений» [1. С. 46]. Задача доказательства — избавить читателя от

¹ Robiadek K. M. Jan. 6 hearings show a democracy in crisis. Civil education can help. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/06/28/jan-6-house-committee-misinformation-education/> (дата обращения: 23.09.2022).

² Schimmelfennig F. Ukraine is an EU candidate. Full membership is an obstacle course.

всех сомнений в правильности выдвинутого тезиса с помощью рациональных аргументов [1. С. 47].

Что касается жанров “editorial/opinion”, то здесь доминируют слабые аргументы (55 %), вместе с тем встречаются сильные (30 %) и несостоятельные (15 %). Сильные и слабые аргументы были подробно рассмотрены на примере analysis, и поскольку их черты не изменяются в зависимости от жанра, то сосредоточим наше внимание на специфике функционирования несостоятельных аргументов. В качестве иллюстративного материала используем статью “A solution to the wheat shortage: genetically modified crops”¹. К тезису “Genetically modified wheat must be produced” автор приводит следующую аргументацию:

A: The original decision by industry leaders to avoid the commercialization of genetically modified wheat came when the technology was new. Greenpeace warned darkly of the dangers of growing “frankenfood.” Their arguments always were weak, and today scientists know conclusively that genetically modified crops are safe to eat.

Таким образом, автор сводит всю аргументацию к тому, что индустрия отказалась от производства ГМ-пшеницы из-за опасений Гринпис о небезопасности такой продукции. Приводя данный аргумент, автор использует словосочетание “warned darkly” (прямое значение наречия “darkly” — “in a way that is threatening or frightening”², однако в данном контексте сема “dark” также отсылает читателя к понятию “The Dark Ages”, предполагающему технологический упадок; таким образом, в сознании читателей создается концепт ученых-луддитов, выступающих против ГМ-пшеницы) и жаргонное слово “frankenfood”, которые дают негативно-ироничную окраску позиции Гринпис. Таким образом, есть все основания полагать, что данный аргумент рассчитан на эмоциональное воздействие на аудиторию, которая не будет его верифицировать. В действительности отказ от производства ГМ-пшеницы связан со сложностью ее производства [14. С. 47]. Так, геном пшеницы был окончательно расшифрован только в 2018 г.³, работы по изучению возмож-

ных генных модификаций пшеницы активно ведутся в настоящее время. Оставив за пределами данного исследования дискуссию о том, знал ли автор, написавший статью, посвященную ГМ-пшенице, о действительных причинах отказа индустрии от ее производства или нет, тем не менее можно сделать вывод, что для обоснования своей позиции он опирается на чувства и настроения аудитории вместо обоснования тезиса объективными доводами.

Выводы

В результате проведенного исследования нами было выделено три показателя аргументации, по которым можно проводить жанровую дифференциацию текстов СМИ: структура аргументации, тип тезиса, тип аргументов. И хотя анализ данных показателей не может рассматриваться в качестве однозначного и единственного основания для дифференциации жанров, он позволяет сделать вывод о наличии определенной тенденции.

Результаты анализа показали, что в жанре “analysis” аргументативная структура является основой построения текста и соответственно представлена на вертикальном и горизонтальном уровнях, в то время как в жанрах “editorial/opinion” аргументация выражена только на горизонтальном уровне. Что касается тезисов, то в analysis наблюдается существенное доминирование фактологических тезисов, а в editorial/opinion — нормативного. Исследуемые жанры также характеризуются различным соотношением типов аргументов: в analysis большинство аргументов — сильные (82 %); в 18 % случаев встречаются слабые аргументы. В жанрах “editorial/opinion” присутствуют три вида аргументов: сильные (30 %), слабые (55 %), несостоятельные (15 %).

Таким образом, проведенное исследование позволило доказать, что существует определенная закономерность в использовании аргументации в зависимости от жанра. Однако для жанровой дифференциации современных медиатекстов рассмотренные критерии являются важными, но недостаточными. Представляется, что в дальнейших исследованиях необходимо провести анализ аргументации в сочетании с другими категориями (такими как оценка, эвиденциальность и т. д.), что позволит выработать более четкий инструмент жанровой дифференциации.

¹ The decline of fossil fuels is going to be expensive. URL: https://www.washingtonpost.com/business/energy/the-decline-of-fossil-fuels-is-going-to-be-expensive/2022/06/27/4dbc7232-f60d-11ec-81db-ac07a394a86b_story.html

² Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 23.09.2022).

³ Ученые окончательно расшифровали геном пшеницы. URL: <https://ria.ru/20180823/1527059214.html> (дата обращения: 23.09.2022).

Список источников

1. Анисимова Т. В., Крапчетова Н. А. Манипуляция как характеристика институционального дискурса. Волгоград : Волгоград. науч. изд., 2010. 203 с.
2. Брутян Г. А. Аргументация. Ереван, 1984. 105 с.
3. Вертиева М. Ю. Дискурсивно-аргументативная характеристика французской рекламы: на материале потребительской и деловой рекламы : дис. ... канд. филол. наук. М. : 2008. 203 с.
4. Гудкова К. В. Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье (на материале британской прессы) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 184 с.
5. Добрякова Н. Н. Аргументативное сообщение как единица политической речи. Прагмалингвистический и интеракциональный аспекты анализа : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 200 с.
6. Доржиева Д. Ц. Специфика аргументативной структуры в типе текста «аналитическая статья» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-2 (85). С. 321–324.
7. Ефремов В. А. Деловая риторика Культура речи и деловое общение : учебник. М. : КноРус, 2020. 217 с.
8. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М., 1999. 480 с.
9. Ивин А. А. Теория и практика аргументации : учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 300 с.
10. Ивлев Ю. В. Логика. М., 2007. 288 с.
11. Ионесян Е. Р. Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 89–95.
12. Карнеги Д. Язык убеждения. М., 2003. 288 с.
13. Кирилова Я. Общинските бюджетни инвестиции в България през периода 1994–2005 г. — състояние, тенденции и предизвикателства // Икономическа мисъл. 2007. № 4. С. 53–71.
14. Стрыкина К. В., Хлесткина Е. К. Редактирование геномов пшеницы, ячменя, кукурузы с использованием системы CRISPR/Cas // Биотехнология и селекция растений. 2020. № 3 (1). С. 46–56.
15. Тюленева Н. А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : 2008. 269 с.
16. Фанян Н. Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 49 с.
17. Шарафан И. В. Публичный диалог: к построению модели коммуникативной ситуации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 80–85.
18. Blair J. A., Johnson R. H. Argumentation as Dialectical // Argumentation. 1987. No. 1 (1). P. 41–56.
19. Eemeren F. The State of the Art in Argumentation Theory // Crucial Concepts in Argumentation Theory. Amsterdam : University Press, 2001. P. 11–26.
20. Gronbeck V. E., German K., Ehninger D. Principles of speech communication A. H. Monroe. U.S., 1998.
21. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981.
22. Johnson R. H. Manifest rationality. A pragmatic theory of argument. Routledge, 2000. 406 p.
23. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: A Treatise On Argumentation. London, 1969.
24. Resnick L. Education and learning to think. National academics press, 1987.
25. Toulmin S. E. The Uses of Argument. Cambridge University Press, 1958. 262 p.
26. Walton D. Fundamentals of Critical Argumentation. Cambridge University Press 2006. 214 p.

References

1. Anisimova TB, Krapchetova NA. Manipulyaciya kak harakteristika institucional'nogo diskursa = Manipulation as a feature of institutional discourse. Vologda: Vologda scientific press; 2010. 203 p. (In Russ.).
2. Brutyan GA. Argumentaciya = Argumentation. Erevan. 1984. 105 p. (In Russ.).
3. Vertieva MU. Diskursivno-argumentativnaya harakteristika francuzskoj reklamy: na materiale potrebitel'skoj i delovoj reklamy = Discursive and argumentative characteristics of French advertisement. Thesis. Moscow; 2008. 203 p. (In Russ.).
4. Gudkova KV. Kognitivno-pragmaticheskij analiz argumentacii v analiticheskoy gazetnoj stat'e (na materiale britanskoj pressy) = Cognitive-pragmatic analysis of argumentation in the newspaper analytical article. Thesis. St. Petersburg; 2009. 184 p. (In Russ.).

5. Dobryakova NN. Argumentative message as an element of political speech. Pragmalingvistic and interactional aspect of the analysis. Thesis. St. Petersburg; 2003. 200 p. (In Russ.).
6. Dorzhieva DC. Argumentation structure specifics in the analytical article. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory and Practice*. 2018;(7-2(85):321-324. (In Russ.).
7. Efremov VA. Delovaya ritorika Kul'tura rechi i delovoye obshcheniye = Business rhetoric Culture of speech and business communication. Moscow: KnoRus; 2020. 217 p. (In Russ.).
8. Zareckaya EN. Ritorika: Teoriya i praktika rechevoj kommunikacii = Rhetoric: theory and practice of speech communication. Moscow; 1999. 480 p. (In Russ.).
9. Ivin AA. Teoriya i praktika argumentacii: uchebnik dlya bakalavrov = Theory and practice of argumentation: bachelor student's book. Moscow: Urait press; 2019. 300 p. (In Russ.).
10. Ivlev UV. Logika = Logics. Moscow; 2007. 288 p. (In Russ.).
11. Ionesyan EP. Classification of mental predicates according to the type of judgments they introduce. In: *Logicheskij analiz yazyka: Mental'nye dejstviya = Mental predicates classification based on the judgments. Language logical analysis: mental actions*. Moscow; 1993. P. 89–95. (In Russ.).
12. Karnegi D. Yazyk ubezhdeniya = Persuasive language. Moscow; 2003. 288 p. (In Russ.).
13. Kirilova Ya. Municipal budget investments in Bulgaria in the period 1994–2005 — status, trends and challenges. *Economic thought*. 2007;(4):53-71. (In Bulg.).
14. Strikina KV, Hlestkina EK. Wheat, barley, corn genome modification through CRISPR / Cas system. *Biotekhnologiya i selekciya rastenij = Biotechnologies and selection*. 2020;3(1):46-56. (In Russ.).
15. Tuleneva NA. Lingvokognitivnye strategii pozicionirovaniya i prodvizheniya turisticheskikh uslug v rossijskoj i anglo-amerikanskoj reklame = Lingvo-cognitive strategies of representation and promotion of tourism service In Russian and Anglo-American advertisement. Thesis. Ekaterinburg; 2008. 269 p. (In Russ.).
16. Fanyan NU. Argumentaciya kak lingvopragmaticheskaya struktura = Argumentation as a lingvo-pragmatic structure. Abstract of thesis. Krasnodar; 2000. 49 p. (In Russ.).
17. Sharafan IV. Public dialogue: communication situation building. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Voronezh State University*. 2008;(2):80-85. (In Russ.).
18. Blair JA, Johnson RH. Argumentation as Dialectical. *Argumentation* 1987;(1(1):41-56.
19. Eemeren F. The State of the Art in Argumentation Theory. *Crucial Concepts in Argumentation Theory*. Amsterdam University Press; 2001. P. 11–26.
20. Gronbeck BE, German K, Ehninger D. Principles of speech communication A.H. Monroe. U.S.; 1998.
21. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1981. (In Germ).
22. Johnson RH. Manifest rationality. A pragmatic theory of argument. Routledge. 2000. 406 p.
23. Perelman Ch, Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: a Treatise On Argumentation. London; 1969.
24. Resnick L. Education and learning to think. National academics press; 1987.
25. Toulmin SE. The Uses of Argument. Cambridge University Press. 1958. 262 p.
26. Walton D. Fundamentals of Critical Argumentation. Cambridge University Press; 2006. 214 p.

Информация об авторе

Е. А. Никонова — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 3.

Information about the author

Ekaterina A. Nikonova — Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer of English Department № 3.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022;
одобрена после рецензирования 23.11.2022; при-
нята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 13.10.2022; approved
after reviewing 23.11.2022; accepted for publication
12.08.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-13

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-84-93

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР *ЭТО САМОЕ* В РАЗНЫХ ТИПАХ РУССКОЙ РЕЧИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Сунь Сяоли

Юго-восточный университет, Нанкин, Китай, sunxiaoli_smile@163.com, ORCID: 0000-0003-2319-7398

Аннотация. Прагматические маркеры (ПМ) играют важную роль в порождении и организации устной речи на любом языке. Настоящая статья посвящена сопоставительному исследованию употребления ПМ *это самое* (ЭС) в разных типах русской речи, зафиксированной в трех корпусах: корпусе повседневной русской речи «Один речевой день» (реальная, в основном диалогическая, речь), корпусе монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (монологи, полученные в экспериментальных условиях записи) и Мультимедийном подкорпусе Национального корпуса русского языка (разные типы квазиспонтанной речи, частично подготовленной или стилизованной под разговорную). По результатам анализа корпусного материала, речевые употребления ПМ ЭС делятся на четыре типа: hesitant marker (наиболее частотный), marker-boundary, marker-self-correction and marker-xeno-indicator. Последние два типа используются говорящими существенно реже, чем первые два. Особенности реализации всех этих типов маркера ЭС несколько различаются в разных корпусах. В целом ЭС чаще употребляется в диалогической речи, чем в монологической; чаще в разговорной речи, чем в устной публичной речи и речи кино. Частота употребления ПМ может быть показателем степени естественности и спонтанности устного дискурса.

Ключевые слова: прагматический маркер, корпусный подход, спонтанность, повседневная речь, монолог, диалог, имитация речи, публичная речь

Для цитирования: Сяоли С. Прагматический маркер *это самое* в разных типах русской речи (сопоставительное корпусное исследование) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 84–93. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-84-93.

Original article

PRAGMATIC MARKER *ETO SAMOE* IN DIFFERENT TYPES OF RUSSIAN SPEECH (COMPARATIVE CORPORAL STUDY)

Sun Xiaoli

Southeast University, Nanjing, China, sunxiaoli_smile@163.com, ORCID: 0000-0003-2319-7398

Abstract. Pragmatic markers (PM) play an important role in the generation and organization of oral speech in any language. This article is devoted to a comparative study of the use of PM *eto samoe* (ES) in different types of Russian speech, recorded in three corpora: the corpus of everyday Russian speech “One Speaker’s Day” (real, mostly dialogic speech), the corpus of Russian monologue speech “Balanced Annotated Textbook Library” (monologues obtained under experimental recording conditions) and the Multimedia subcorpus of the Russian National Corpus (various types of quasi-spontaneous speech, partially prepared or stylized speech as colloquial). According to the results of the analysis of the corpus material, the uses of the PM ES are divided into four types: hesitant marker (the most frequent), boundary marker, self-correction marker, and xeno-marker. The last two types are used by speakers much less frequently than the first two. The features of the implementation of all these types of marker ES vary somewhat from one corpus to another. In general, ES is used more often in dialogic speech than in monological speech; more often in colloquial speech than in oral public speech and film speech. The frequency of the use of ES may be an indicator of the degree of naturalness and spontaneity of oral discourse.

Keywords: pragmatic marker, corpus approach, spontaneity, everyday speech, monologue, dialogue, speech imitation, public speech

© Сяоли С., 2023

For citation: Xiaoli S. Pragmatic marker *eto samoe* in different types of russian speech (comparative corporal study). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):84-93. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-84-93.

Введение

С развитием различных технологий все больше информации, которую мы получаем ежедневно, доходит до нас в электронном виде. Одной из таких форм организации данных является языковой, или речевой, корпус, под которым мы понимаем «многогранное собрание естественных случаев употребления языка в виде текстов разной жанровой и стилистической направленности, хранящиеся в электронном формате» [9. С. 8]. Для нужд лингвистических исследований создаются объемные языковые и речевые корпуса, что проясняет стремление современной лексикографии к использованию данных мониторинга современного состояния нашего языка и речи и к «обновлению словарного пространства» [3. С. 7]. Развитие корпусной лингвистики и создание корпусов является одной из актуальных и перспективных задач современного языкознания, что существенно расширило возможности масштабного изучения особенностей устной речи. Использование корпусного подхода к отбору материала для любого лингвистического исследования не только расширяет возможности многоаспектного анализа и описания этого материала, но и делает возможным создание в конечном итоге не обычного, традиционного словаря, а так называемого «словаря активного типа» [2. С. 9] — в рамках предлагаемого исследователями перехода от лексикографии к *речеграфии* [13].

Одним из активных процессов современной русской устной речи, наряду с грамматикализацией и идиоматизацией, можно считать *прагматикализацию*, провоцирующую переход некоторых лексико-грамматических форм на качественно иной, дискурсивный уровень языка. В этом процессе единицы практически утрачивают свое исходное лексическое и/или грамматическое значение и уже не вносят никакого вклада в пропозициональное содержание высказывания, выполняя в нем лишь те или иные функции [5. С. 13; 8. С. 17]. Многие работы ученых посвящены данному активному процессу (см., например: [4; 17; 22–26]).

Слово *самый*, ставшее объектом настоящего исследования, в академических толковых словарях квалифицируют как определительное местоимение, в то время как в устном дискурсе оно очень часто попадает под действие процесса *прагматикализации* и в результате выходит из класса

местоименных слов и превращается в компонент функциональной единицы дискурсивного уровня — прагматического маркера (ПМ) *это самое* (ЭС) (см. о нем: [12. С. 435–458; 17]).

Цель настоящей работы заключается в сопоставительном исследовании употребления разных форм ПМ ЭС в разных корпусах, содержащих русскую устную речь разного типа.

Материал и методы исследования

Источником материала для исследования являются три разных корпуса: «Один речевой день» (ОРД), Мультимедийный русский корпус (МУРКО) Национального корпуса русского языка и «Сбалансированная аннотированная тексто-тека» (САТ).

Корпус ОРД¹ содержит, за редким исключением, повседневную диалогическую речь носителей русского языка: это около 1450 часов звукозаписей речи, полученных от 128 информантов, мужчин и женщин, в возрасте 17–83 лет, и более 1000 их коммуникантов (см. об ОРД подробнее: [15; 19–21]). Отличительной чертой этого корпуса является максимальная близость материала к естественной повседневной речи.

Корпус САТ включает исключительно монологическую речь носителей русского языка и интерферированную русскую речь инофонов: сегодня это свыше 800 текстов разного типа (чтение, пересказ, рассказ на заданную тему и описание изображения) (см. о звуковом корпусе САТ подробнее: [7; 10; 14]). В работе использовалась только речь на русском языке как родном для говорящего.

Объем корпуса МУРКО² сейчас превышает 5,4 млн словоупотреблений. Преимуществом данного электронного ресурса для онлайн-поиска является доступ не только к транскрипту, но и к сопровождающему его аудио- или видеоклипу. Ядро МУРКО составляют речь кино и устная публичная речь (94,9 %), относящиеся к так называемой квазиспонтанной речи, которая характеризуется достаточно высокой долей подготовленности и значительно меньшей степенью спонтанности. Очень низкой (только 0,9 %) является в МУРКО

¹ Корпус повседневной русской речи «Один речевой день». URL: <https://ord.spbu.ru/>

² Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

доля текстов устной непубличной речи, которая отличается полной неподготовленностью и непринужденностью речевого акта.

Для конкретного анализа были выбраны 477 текстов ОРД, содержащих 480 употреблений ПМ ЭС; 5 монологов медиков и 10 монологов юристов из корпуса САТ, содержащих 46 употреблений ПМ ЭС; 213 контекстов из МУРКО, содержащих 225 употреблений ПМ ЭС.

Отбор ПМ ЭС из трех корпусов осуществлялся методом сплошной целенаправленной выборки, в работе использовались традиционные методы: описательный (контекстный анализ), сопоставительный, квантитативный (простые количественные подсчеты) и статистический.

Контекстный анализ материала

Маркер *это самое* в устной речи выступает в разных своих грамматических формах, демонстрируя большую (в «классической» форме Им. — Вин. пп., ср. р., ед. ч. *это самое*) или меньшую степень прагматикализованности (другие формы *этот самый*, *эта самая*, *эти самые*, *это-го самого*, *этих самых*, *этими самыми* и пр.).

Наименьшей степенью прагматикализованности характеризуется употребление ПМ ЭС в качестве *поисково-хезитативного маркера*, когда объектом поиска является имя существительное (наименование), ср.:

*а еще один *Н // # и что я должен вот **этот самый** же... же... ш... талончик да / засунуть ? # да* (ОРД)¹;

*и поехали значит на **этом самом** () на вот этой вот () канатной дороге* (САТ);

*Конечно / надо снимать. Почему? Потому что я говорю / Константин Давыдыч / вот беспилотный вы сейчас будете посылать к **этому самому** / к станции? Да-да-да / значит / проверим* (МУРКО).

В примере (1) видна гармония форм маркера ЭС и найденного имени (*этот самый* <...> *талончик*). В примерах (2)–(3) наблюдается дисгармония этих форм (на *этом самом* <...> *канатной дороге*; к *этому самому* <...> к *станции*).

В ситуациях, когда объектом поиска является не имя, а иная единица, вплоть до предикативной, грамматическая подстройка невозможна:

¹ Знак *Н в расшифровках ОРД означает неразборчивый фрагмент, знак # — мену говорящих. Видно, что корпус ОРД фиксирует речь не одного носителя языка, но и всего его окружения в течение «речевого дня». Подробнее о специфике орфографического представления материалов корпуса ОРД см.: [14. С. 242–243].

здесь исследуемая конструкция выступает только в классической форме Им. — Вин. пп., ср. р., ед. ч. *это самое*, ср.:

*Я уж как психолог / извини / **это самое** / вмешиваюсь / потому что в три-пять лет / а потом всё константно* (МУРКО);

а в выходные дни я (...) *К люблю это самое отдыхать (САТ)²;

ты одевай тапки // во-первых / у тебя будут ноги в... В это самое (...) во-вторых / ты получишь ... *П *очень хорошие болезни / когда у тебя жизнь приобретет цену ...* (ОРД);

*ты **это самое** / ты будешь к двум / на кафедре?* *П *ага / ага* (ОРД);

П и обкладываем // ее можно хоть / **это самое / под металл / *П хоть вот такого цвета* (ОРД);

*Ой / я и забыл / **это самое** / на станции / там на вагоне было написано «шестьдесят тонн»* (МУРКО).

Объектом поиска в контекстах (4)–(9) являются разные единицы: глагол (4)–(5); вводное слово (6), предикативная единица (7), (9), определение (8) (в примерах подчеркнуты).

Кроме того, найденная единица может следовать после ПМ ЭС дистантно — см. примеры (1), (2), (6) — или сразу после маркера — см. примеры (3)–(5), (7)–(9). Дистанция между ЭС и найденным словом может быть заполнена либо оборванными фрагментами, дополнительно свидетельствующими о затруднениях говорящего в подборе нужного слова (*же... же... ш...*); либо физической паузой хезитации ((...)), либо другим прагматическим маркером (*на вот этой вот*).

Во всех приведенных примерах результат поиска оказался удачным (нужное слово найдено), но случается и иначе, ср.:

*Лёша перебирался туда / значит / в **эту самую** / в Волынов / уже один* (МУРКО);

*Лукашенко сидел там как **этот самый** () значит () и все вывешивали флагами этими ()* *О *вот / и соответственно значит () эта / конечно я понимаю то что там / как бы вот () то что туда вкладывается / и да!* (САТ);

*это какой-то ужас // мы () **это самое** уже / *П вчера / в... они вышли из зала заседания //* (ОРД).

ЭС в «классической» форме может использоваться в качестве чисто хезитативного маркера, без явного поиска. Важно отметить, что такие примеры нашлись только в корпусах ОРД

² Знак *К в расшифровках и САТ, и ОРД означает кашель, знак (...) — хезитационную паузу. Знак *П означает физическую (незаполненную) паузу хезитации.

и МУРКО, в том числе редуцированная форма маркера — *самое* — только в корпусе ОРД, ср.:

там Наташа% наверно уже загулялась с нашим молодым человеком # ну ничего / ничего // *П самое... П пусть молодой человек от... отдохнет от нас / да ? (ОРД);

Я еще говорю / «что за хэ-хэ такая лазила здесь» // Это самое // Ну и / и главное / в одиннадцатом часу я / я опять в туалет хочу / на другой день (МУРКО).

Помимо хезитации, ПМ ЭС в способен реализовать в устной речи и функцию *самокоррекции*, см.:

слушай / а у меня так и не прис... / это самое / не было твоей эсэмэски (ОРД);

так был ярк... [это самое] был [июльский день (САТ);

Ну / следующий кто будет защищать свое... это самое... свои... (МУРКО).

В материале исследования оказались зафиксированы все три типа *разграничительных маркеров* ЭС: например, стартовый (18), финальный (19) и навигационный (20)–(21). Они помогают говорящему либо начать реплику или направить продвижение начатого речевого фрагмента вперед, либо завершить процесс говорения.

ну в общем ну это самое / чтобы их угостили / в ресторане там / в кафе / они тоже решили половить рыбу (САТ);

в грубой форме это что ли / это самое *Н? (ОРД);

проверя... # а что нам надо / я так от тебя и не добилась # () в... это самое / пленка нам нужна # пленочка нам нужна (ОРД);

Ваня уехал на лечение туда / это самое / я пришла с дня рождения / пошла за водой (МУРКО).

Под *маркерами-ксенопоказателями* традиционно в лингвистике понимают «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира», основной функцией которых является «маркировка присутствия Другого» [1. С. 437, 448]. Термин «чужая речь» (ЧР) при этом оказывается весьма условным, поскольку обозначает не только реальную чужую, но и собственную речь говорящего, сказанную им ранее (своеобразное самоцитирование) или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже речевое, «говорящее» поведение другого человека (см. подробнее: [12. С. 284; 19]. Для маркера ЭС функция *ксенопоказателя* в материале исследования оказалась довольно редкой и встретилась только в устной непубличной речи в корпусе МУРКО, ср.:

Вот он приходит / и это самое / «доченька / а чё ты поедешь? Мы тебе дадим щас полторы ставки / сразу полторы» (МУРКО).

В примере (22) с помощью маркера ЭС говорящий вводит ЧР (в данном случае — действительно чужую), показывая, что вся последующая фраза является цитатой. Видно, что маркер стоит в препозиции по отношению к передаваемой информации, т. е. выстраивается конструкция, близкая к типичным конструкциям с прямой речью.

Сопоставительный анализ результатов исследования

Частота употребления ПМ ЭС на миллион слов каждого корпуса — ИРМ (сокр. от *instances per million words*) — рассчитывается по следующей формуле: ИРМ = число вхождений ПМ ЭС × 2 × 1 000 000 / объем слов подкорпуса. Важно отметить, что при расчете в число словоупотреблений из корпусов ОРД и САТ входят только слова, а не все элементы текстов расшифровок, не включая знаки дискурсивной транскрипции (встраивания речи собеседника, обозначения конца синтагмы, наложения речи, различного типа пауз и т. п.). Анализ материала показал, что существуют значимые различия в частоте использования исследуемого маркера в разных корпусах (= в разных типах устной речи) (табл. 1). Отметим, что редуцированная форма маркера ЭС (*самое*) встретилась только в материале ОРД. Поэтому при расчете ИРМ для ОРД количество редуцированных форм ПМ ЭС было отдельно учтено: ИРМ = (число вхождений ПМ ЭС (полная форма) × 2 × 1 000 000 + число редуцированной формы ПМ ЭС × 1 000 000) / объем слов подкорпуса.

Из таблицы 1 видно, что в диалогической речи (ОРД) маркер ЭС употребляется в 2,67 раза чаще, чем в монологической (САТ). Частота использования ПМ ЭС в корпусе МУРКО самая низкая в настоящем исследовании (ИРМ 82), потому что доля устной непубличной речи в данном корпусе слишком мала.

Как видно из таблицы 2, по числу типов ПМ ЭС выстраивается такое соотношение корпусов: МУРКО > ОРД > САТ. Хезитативный маркер ЭС всегда является самым распространенным типом ПМ, при этом чаще всего он используется в качестве хезитативно-поискового маркера. Разграничительный маркер ЭС всегда занимает второе место, но количественное соотношение его подтипов (стартового, навигационного и финального) различается в трех корпусах: в корпусах ОРД и МУРКО: стартовый > финальный >

навигационный, а в корпусе САТ: навигационный > стартовый. Маркер самокоррекции и маркер-ксенопоказатель не так часто употребляются в устной коммуникации как первые три типа ПМ ЭС, при этом маркер-ксенопоказатель встретился только в устной непубличной речи в корпусе МУРКО.

Далее стоит обратить внимание на детали частных употреблений исследуемой единицы ЭС в роли поисково-хезитативного маркера, что имеет существенное значение при полноценном описании функционирования ПМ ЭС в устной речи. В таблице 3 показано соотношение разных объектов поиска применительно к ПМ ЭС.

Таблица 1
Table 1

Частота употребления прагматического маркера ЭТО САМОЕ в разных корпусах
The frequency of use of the pragmatic marker ETO SAMOE in different corpora

Корпус \ Количественные данные	Общее количество словоупотреблений	Количество ПМ ЭС	IPM
ОРД	643 960	480	1486
САТ	165 267	46	556
МУРКО	5 461 381	225	82

Таблица 2
Table 2

Количественное соотношение разных типов прагматического маркера ЭТО САМОЕ в разных корпусах (в %)

The quantitative ratio of different types of pragmatic marker ETO SAMOE in different corpora (in %)

Корпус \ Тип ПМ	Хезитатив		Разграничитель			Маркер самокоррекции	Ксенопоказатель
	Чистый хезитатив	Поисковый хезитатив	Старт.	Навиг.	Финал.		
ОРД	86,0		10,9			3,1	–
	3,6	96,4	48,6	22,9	28,5		
САТ	89,2		6,5			4,3	–
	–	100	33,8	66,2	–		
МУРКО	78,2		19,1			0,5	2,2
	6,8	93,2	60,7	6,8	32,5		

Таблица 3
Table 3

Объект хезитативного поиска с использованием прагматического маркера ЭТО САМОЕ в разных корпусах (в %)

Hesitative search object using the pragmatic marker ETO SAMOE in different corpora (in %)

Объект поиска \ Корпус	ОРД	САТ	МУРКО
Имя	59,4	73,2	75,6
Глагол-сказуемое	33,0	24,4	15,2
Предикат (не действие)	2,2	–	2,6
Предикативная единица	0,6	–	0,9
Обстоятельство	0,6	2,4	0,8
Определение	0,6	–	–
Вводное слово	0,3	–	–

В таблице 3 сумма процентов в данных корпусах ОРД и МУРКО не доходит до 100 %, потому что в некоторых случаях при неудачном поиске невозможно определить, какие именно единицы ищет говорящий, ср.:

— *Вот по поводу еще значит элиты / покупки / денег там / вот почему именно это самое... Вот все-таки ты вот привел там своих знакомых / да / безусловно хороших людей/ там аристократов духа / вот* (МУРКО);

— *потому что это ... просто это самое (...)* временно (э-э) ну как скажат ... (ОРД).

Употребления ЭС в функции маркера поиска оказалось легче всего систематизировать, потому что в повседневной коммуникации заминка (гезитация) обычно появляется у говорящего при поиске разных лексических средств для продолжения речи [10]. Имя и глагол являются самыми частыми

объектами поиска во всех трех корпусах. В диалогической речи (ОРД) типов объекта поиска больше, чем в монологической речи (САТ) и в устной речи с низкой степенью спонтанности (МУРКО).

Анализ употреблений ЭС в роли гезитатива позволяет рассмотреть материал еще в одном аспекте: каким оказывается в конечном счете результат гезитативного поиска? Исследование показало, что такой поиск может быть как удачным (нужное говорящему слово или высказывание найдено, после некоторой заминки коммуникация продолжается), так и неудачным (нужное слово или высказывание не найдено, общение прерывается, или говорящий продолжает говорить, просто пропуская неудобный фрагмент). Данные в таблице 4 хорошо свидетельствуют об умении говорящего в разных типах речи преодолевать естественные речевые сбои с помощью исследуемого маркера ЭС.

Таблица 4

Table 4

Результаты поиска с использованием прагматического маркера ЭТО САМОЕ в разных корпусах (в %)

Search results using the pragmatic marker ETO SAMOE in different corpora (in %)

Корпус \ Характер поиска	Удачный поиск	Неудачный поиск
ОРД	60,8	39,2
САТ	85,4	14,6
МУРКО	76,2	23,8

Удачный поиск говорящим нужного слова или словосочетания может закончиться по-разному. Найденная единица может следовать после поисковой конструкции сразу (онлайн) или дистантно (офлайн). Дистанция между ЭС и найденной еди-

ницей может отражать способность говорящего преодолевать коммуникативные затруднения или свидетельствовать об объеме его оперативной памяти. Соответствующее количественное соотношение представлено в таблице 5.

Таблица 5

Table 5

Дистанция между маркером ЭТО САМОЕ и искомой единицей (в %)

Distance between marker ETO SAMOE and the desired unit (in %)

Корпус \ Положение искомой единицы	Дистантно после ЭС (офлайн)	Сразу после ЭС (онлайн)
ОРД	53,8	46,2
САТ	51,4	48,6
МУРКО	20,8	79,2

Видно, что примерно в половине случаев в материале ОРД и САТ искомое слово расположено дистантно после гезитатива ЭС, в другой половине — сразу после ЭС. Связь дистанции между маркером ЭС и найденной единицей с типом

речи не очевидна. Однако в корпусе МУРКО большинство найденных единиц (79,2 %) употреблено сразу после гезитативного маркера ЭС. Это объясняется тем, что речь в МУРКО в целом отличается большей степенью подготовленности,

и в этом случае говорящий легче и быстрее находит нужное ему слово или высказывание.

При поиске имени наблюдается либо гармония, либо дисгармония форм конструкции ЭС и най-

денного имени, согласующихся или не согласующихся между собой по роду, числу и падежу. В таблице 6 представлено количественное соотношение таких ситуаций.

Таблица 6
Table 6

Гармония/дисгармония форм вербального хезитатива ЭТО САМОЕ и найденного имени (в %)

Harmony/disharmony of forms of the verbal hesitative ETO SAMOE and the found name (in %)

Корпус \ Соотношение форм	Гармония форм	Дисгармония форм
ОРД	70,2	29,8
САТ	40	60
МУРКО	76,4	23,6

Видно, что в корпусах ОРД и МУРКО гораздо чаще встречается гармония форм исследуемого маркера ЭС и найденного имени, а в корпусе САТ чаще наблюдается дисгармония их форм. Можно выдвинуть предположение, что рассматриваемый параметр коррелирует с типом устной речи и монолог в этом отношении отличается от диалога и полилога.

Заключение

Проведенный анализ звучащего материала из разных корпусов русской устной речи (речи разного типа) убедительно показал, как много нового и порой неожиданного может выявить подобное исследование. В частности, как справедливо отметила Н. В. Богданова-Бегларян, «внимательное отношение к <...> единицам [живой устной речи. — С. С.] и их поведению может смягчить привычный обывательский негативизм в отношении многих чисто речевых явлений и увидеть за ними не только небрежность нашего говорения, но и языковую эволюцию или даже „изъяны словаря“» [6. С. 467].

Носители языка легко и неосознанно (автоматически) употребляют в своей речи прагматиче-

ские маркеры; эти единицы, не несущие смысловой нагрузки, несколько не мешают говорящим правильно воспринимать обращенную к ним речь, а в устных синхронных переводах их попросту опускают — как слова-паразиты, некий «словесный мусор» [16. С. 17]. На самом деле, ПМ в русском устном дискурсе играют важную роль, выполняя различные функции при его рождении и организации. Они очень частотны в устной коммуникации, не обладают собственным лексическим значением или обладают ослабленной (bleached) семантикой, утрачивают свое грамматическое значение (грамматическую парадигму и способность к словоизменению), а также синтаксические связи с другими единицами в рамках высказывания. Количество ПМ в речи и характерные черты их употребления коррелируют определенным образом с типом устной речи (спонтанной диалогической / спонтанной монологической / квазиспонтанной). Кроме того, частота употребления ПМ, в частности, маркера *это самое*, имеет тесную связь со степенью естественности и спонтанности устной речи. В этом усматривается научная новизна и теоретическая значимость проведенного исследования.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке : сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.
2. Басалаева Е. Г., Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Стилистическая квалификация разговорной лексики в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения) : тезисы докладов Междунар. конференции. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 9–10.
3. Богданова Л. И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь. *Vocabulum et vocabularium* : сб. науч. материалов / И. Л. Копылов (гл. ред.). Минск : Четыре четверти, 2017. С. 7–12.

4. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: Определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.
5. Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Нестор-История, 2021. С. 5–52.
6. Богданова-Бегларян Н. В. Некоторые итоговые размышления // Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Нестор-История, 2021. С. 466–468.
7. Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстоотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АРЗ–2017) : труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб. : Политехника-принт, 2017. С. 8–13.
8. Горбунова Д. А. Прагматические маркеры русской устной речи: корреляция с психотипом говорящего : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2021. 275 с.
9. Захаров В. П. Корпусная лингвистика : учеб.-метод. пособие. СПб. : СПбГУ, 2005. 48 с.
10. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи : колл. монография. Ч. 2 : Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2015. 364 с.
11. Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». Вып. 9 (16). М. : РГГУ, 2010. С. 284–289.
12. Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Нестор-История, 2021. 520 с.
13. Приемшьева М. Н. Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.) / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 58–59.
14. Русская спонтанная речь. Свободные монологи-рассказы на заданную тему. Тексты. Лексические материалы / сост. В. В. Куканова ; отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова. СПб. : Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 208 с.
15. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах : колл. монография / под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян. СПб. : ЛАЙКА, 2016. 244 с.
16. Сунь Сяоли. Слово самый в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация) // Русская речь. 2022, № 2. С. 7–23.
17. Aijmer K. I Think — an English Modal Particle // Modality in Germanic Languages. Historical and Comparative Perspectives / T. Swan, O. Jansen Westvik (eds.). Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1997. Pp. 1–47.
18. Bogdanova-Beglarian N. V., Ryko A. I. Xeno-Marker as an interpreter of silence or speech behavior in oral communication (difficulties in translation and teaching RFL) // Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 23–24 сентября 2021 г., Санкт-Петербург. СПб., 2022.
19. Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. An exploratory study on sociolinguistic variation of spoken Russian // SPECOM 2016: Speech and Computer, vol. 9811. Cham : Springer, 2016. Pp. 100–107.
20. Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic extension of the ORD corpus of Russian everyday speech // SPECOM 2016: Speech and Computer, vol. 9811. Cham : Springer, 2016. Pp. 659–666.
21. Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic features and sociolinguistic variability in everyday spoken Russian // SPECOM 2017, LNAI, vol. 10458. Cham : Springer, 2017. Pp. 503–511.
22. Brinton Laurel J. The development of I mean: Implications for the study of historical pragmatics // Methods in Historical Pragmatics, edited by Susan M. Fitzmaurice and Irma Taavitsainen, Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 2008, Pp. 37–80.

23. Degand L., Evers-Vermeul J. Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue // *Journal of Historical Pragmatics*. 2015. № 16 (1). Pp. 59–85.

24. Diewald G. *Grammatikalisierung: Eine Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen*. Tübingen: Niemeyer, 1997. 133 p.

25. Graf E. *Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten*. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.

26. Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // Bisang W, Himmelmann NP, Wiemer B (eds.). *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. Berlin : Language Arts & Disciplines, 2004. Pp. 77–107.

References

1. Arutyunova ND. Indicators of someone else's speech *de, deskat', mol.* In: *Yazyk o yazyke = Language about language / Arutyunova ND (ed.)*. Moscow: Languages of Russian Culture; 2000. Pp. 437–452. (In Russ.).

2. Basalaeva EG, Bulygina EYu, Tripolskaya TA. Stylistic qualification of colloquial vocabulary in the database of pragmatically marked vocabulary of the Russian Language. In: *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (Trinadcatye Shmelevskie chteniya) = Everyday speech as an object of lexicography (Thirteenth Shmiel readings)*. Moscow: Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradov RAS; 2020. Pp. 9–10. (In Russ.).

3. Bogdanova LI. The word in speech and in the dictionary. In: *Slovo i slovar'. Vocabulum et vocabularium = Word and dictionary. Vocabulum et vocabularium*. Minsk: Four quarters; 2017. Pp. 7–12. (In Russ.).

4. Bogdanova-Beglaryan NV. Pragmatems in oral everyday speech: definition of the concept and general typology. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya = Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*. 2014;(3(27):7-20. (In Russ.).

5. Bogdanova-Beglarian NV. Editor's preface. In: *Pragmaticheskie markery russkoj povsednevnoj rechi: slovar'-monografiya = Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2021. Pp. 5–52 (In Russ.).

6. Bogdanova-Beglaryan NV. Some final reflections. In: *Pragmaticheskie markery russkoj povsednevnoj rechi: slovar'-monografiya = Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2021. Pp. 466–468. (In Russ.).

7. Bogdanova-Beglarian NV, Sherstinova TYu, Zaides KD. Corpus “Balanced Annotated Text Library”: a technique for multi-level analysis of Russian monologue speech. In: *Analiz razgovornoj russkoj rechi (ARZ-2017) = Analysis of colloquial Russian speech (ARZ-2017)*. St. Petersburg: Polytechnic-print; 2017. Pp. 8–13 (In Russ.).

8. Gorbunova DA. *Pragmaticheskie markery russkoj ustnoj rechi: korrelyaciya s psihotipom govoryashchego = Pragmatic markers of Russian oral speech: correlation with the psychotype of the speaker*. Thesis. St. Petersburg; 2021. 275 p. (In Russ.).

9. Zakharov VP. *Korpusnaya lingvistika = Corpus linguistics*. St. Petersburg: SPbU; 2005. 48 p. (In Russ.).

10. Bogdanova-Beglarian NV (ed.) *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 2. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoy korpus kak material dlya novykh leksikograficheskikh proyektov = Sound corpus as a material for the analysis of Russian speech. Collective monograph. Part 2. Theoretical and practical aspects of the analysis. Volume 2. Sound corpus as material for new lexicographic projects*. St. Petersburg: Faculty of philology of SPbU; 2015. 364 p. (In Russ.).

11. Levontina IB. Retelling in the Russian language. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii = Computational linguistics and intelligent technologies*. Issue 9 (16). Moscow: RGGU; 2010. Pp. 284–289. (In Russ.).

12. Bogdanova-Beglarian NV (ed.) *Pragmaticheskie markery russkoj povsednevnoj rechi: slovar'-monografiya = Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2021. 520 p. (In Russ.).

13. Priemysheva MN. Conversational vocabulary vs colloquial speech: trends and problems of lexicographic description. In: *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (Trinadcatye Shmelevskie chteniya) = Everyday speech as an object of lexicography (Thirteenth Shmelev readings)*. Moscow: Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradov RAS; 2020. Pp. 58–59.

14. Kukanova VV (comp.), Bogdanova NV (ed.) *Russkaya spontannaya rech'. Svobodnyye monologi-rasskazy na zadannuyu temu. Teksty. Leksicheskiye materialy = Russian spontaneous speech. Free monologues-*

stories on a given topic. Texts. Lexical materials. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University; 2008. 208 p. (In Russ.).

15. Bogdanova-Beglarian NV (ed.). *Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* = Russian language of everyday communication: features of functioning in different social groups. St. Petersburg: LAIKA; 2016. 244 p. (In Russ.).

16. Sun Xiaoli. The word *samyj* in the light of active processes of Russian speech (grammaticalization, idiomatization and pragmaticalization). *Russkaya rech' = Russian speech*. 2022;(2):7-23. (In Russ.).

17. Aijmer K. *I Think* — an English Modal Particle. In: *Modality in Germanic Languages. Historical and Comparative Perspectives* / T. Swan, O. Jansen Westvik (eds.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter; 1997. Pp. 1–47.

18. Bogdanova-Beglarian NV, Ryko AI. Xeno-Marker as an interpreter of silence or speech behavior in oral communication (difficulties in translation and teaching RFL). In: *Synergy of languages and cultures: interdisciplinary research*. St. Petersburg; 2022.

19. Bogdanova-Beglarian N, Sherstinova T, Blinova O, Martynenko G. An exploratory study on sociolinguistic variation of spoken Russian. In: *SPECOM 2016: Speech and Computer*, vol. 9811. Cham: Springer; 2016. Pp. 100–107.

20. Bogdanova-Beglarian N, Sherstinova T, Blinova O, Baeva E, Martynenko G, Ryko A. Sociolinguistic extension of the ORD corpus of Russian everyday speech. In: *SPECOM 2016: Speech and Computer*, vol. 9811. Cham: Springer; 2016. Pp. 659–666.

21. Bogdanova-Beglarian N, Sherstinova T, Blinova O, Martynenko G. Linguistic features and sociolinguistic variability in everyday spoken Russian. In: *SPECOM 2017: LNAI*, vol. 10458. Cham: Springer; 2017. Pp. 503–511.

22. Brinton, Laurel J. The development of *I mean*: Implications for the study of historical pragmatics. In: *Methods in Historical Pragmatics*, edited by Susan M. Fitzmaurice and Irma Taavitsainen, Berlin, New York: De Gruyter Mouton; 2008. Pp. 37–80.

23. Degand L, Evers-Vermeul J. Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue. *Journal of Historical Pragmatics*. 2015;(16(1):59-85.

24. Diewald G. Grammatikalisierung: Eine Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen. Tübingen: Niemeyer; 1997. 133 p.

25. Graf E. Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main; 2011. 328 p.

26. Günther S, Mutz K. Grammaticalization vs Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. In: *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. Bisang W, Himmelmann NP, Wiemer B (eds.). Berlin: Language Arts & Disciplines; 2004. Pp. 77–107.

Информация об авторе

Сунь Сяоли — кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета иностранных языков.

Information about the author

Sun Xiaoli — Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Faculty of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022;
одобрена после рецензирования 10.10.2022; при-
нята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 22.08.2022; approved
after reviewing 10.10.2022; accepted for publication
12.08.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ, ПСИХОЛИНГВИСТИКИ, МЕДИАЛИНГВИСТИКИ, ЛИНГВОДИДАКТИКИ QUESTIONS OF LINGUOCULTUROLOGY, PSYCHOLINGUISTICS, MEDIA LINGUISTICS, LINGUODIDACTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 94–102.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(6(476):94-102. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81'282.8

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-94-102

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НИГЕРИЙСКИХ КИНОСЦЕНАРНЫХ ТЕКСТОВ

Татьяна Геннадьевна Волошина^{1✉}, Наталья Викторовна Нерубенко²,
Юлия Сергеевна Блажевич³

^{1,2} Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

³ Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия

¹ tatianavoloshina@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-6456-4276

² nerubenko@bsu.edu.ru

³ saposapin@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1382-6445

Аннотация. В статье рассматриваются языковые и культурные особенности репрезентации лингвокультурной картины мира нигерийцев на примере киносценарных текстов Нигерии. Авторы анализируют особенности кинематографического искусства Нигерии и раскрывают основные различия в процессе написания киносценариев и производства фильмов в нигерийском Нолливуде и американском Голливуде. В работе охарактеризованы роль и статус английского языка в Нигерии и его значение для успеха и популярности нигерийского кинопроизводства. Выделены важнейшие характеристики киносценарного текста, обусловленные креолизацией — вынужденной адаптацией британского английского языка к нормам автохтонных языков и культур Нигерии. Описаны наиболее продуктивные грамматические трансформации нигерийского английского языка в результате интерференционного воздействия наиболее влиятельных местных этнических языков хауса, йоруба, игбо и других.

Ключевые слова: контактное взаимодействие, кинематограф Нигерии, киносценарный текст, трансформационные процессы, грамматическая креолизация

Для цитирования: Волошина Т. Г., Нерубенко Н. В., Блажевич Ю. С. Лингвокультурная специфика нигерийских киносценарных текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 94–102. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-94-102.

Original article

LINGUISTIC AND CULTURAL PECULIARITIES OF NIGERIAN SCREENPLAYS

Tatiana G. Voloshina^{1✉}, Natalia V. Nerubenko², Julia S. Blazhevich³

^{1,2} Belgorod National Research University, Belgorod, Russia, tatianavoloshina@rambler.ru

³ K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Moscow, Russia

¹ tatianavoloshina@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-6456-4276

² nerubenko@bsu.edu.ru

³ saposapin@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1382-6445

Abstract. The article deals with the features of linguistic and cultural picture of the world representation on the example of Nigerian screenplays. The authors of the research analyze the features of the Nigerian cinematographic art which is the reflection of the Nigeria national picture of the world, that is subject to the dominant influence of the British English language influence. In the course of the work, the key characteristics of the screenplays of Nigeria are revealed, viz. the influence of the phenomenon called creolization which is the forced adaptation process of the British English language to the norms of the Nigerian autochthonous languages and cultures. The key characteristics of the Nigerian screenplays grammatical structures are due to the interference processes of autochthonous Nigerian languages Hausa, Yoruba, Igbo with English.

Keywords: contact interaction, cinematography of Nigeria, screenplay text, transformational processes, grammatical creolization

For citation: Voloshina TG, Nerubenko NV, Blazhevich JuS. Linguistic and cultural peculiarities of Nigerian screenplays. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):94-102. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-94-102.

Введение

Вопросы языковой вариативности, обусловленные контактным взаимодействием европейских и африканских языков, продолжают интересовать современных исследователей различных отраслей лингвистики — лингвокультурологии, лингвострановедения, этнолингвистики и др.

В нашем исследовании анализу подвергается лингвокультурная специфика киносценарных текстов нигерийских кинофильмов как особого вида дискурса, основанного на базе британского английского языка, вынужденного адаптироваться к нормам местных языков и культур.

Целями работы являются систематизация характерных черт развития кинематографа Нолливуда (нигерийской кинокорпорации — Nigerian Film Corporation), повлиявших на состояние и функционирование британского английского языка в Нигерии, и выявление уникальных свойств нигерийских киносценарных текстов вследствие процесса лингвокультурной адаптации к местным реалиям.

Африканский кинематограф представляет собой молодую и быстроразвивающуюся отрасль киноиндустрии в мировом кинообществе. Следует отметить, что по продуктивности, т. е. объему ежегодного производства фильмов на мировой кинематографической арене, Нолливуд уступает только кинокорпорации индийского города Мумбаи в Индии — Болливуду (Bollywood, или Bombay cinema) и опережает Голливуд в США.

Результаты исследования и их обсуждение

История развития нигерийского кинематографа

История развития Нолливуда насчитывает около 20 лет, при этом изначально эта сфера базировалась исключительно на принципе самофинансирования. Производство первых нигерийских

фильмов датируется началом XX в., когда ключевое влияние на состояние киноиндустрии в целом оказывали нормы британского английского языка и британской культуры. Среди местного населения успехом пользовались театральные постановки народа йоруба, которые сочетали в себе объединение традиционных форм искусства: музыку, танцы, акробатические номера и драму [7. С. 25].

Первым этапом создания фильма в Нолливуде является процесс написания киносценарного текста. Характерной особенностью нигерийской киноиндустрии является то, что написание киносценарного текста осуществляется кинопродюсером, в отличие от Голливуда, где существует специальная должность — киносценарист. В перечень обязанностей киносценариста в Голливуде входит разработка, вычитка, переработка текста киносценария, а продюсер фильма приобретает уже готовый киносценарный текст и занимается исключительно работой над процессом производства кинофильма.

После разработки киносценарного текста нигерийский кинопродюсер нанимает на работу режиссера и техническую команду для производства фильма, а также сам организует оборудование для съемок. Обычно продолжительность съемок фильма в Нолливуде составляет от 10 до 20 дней (в отличие от Голливуда, где съемочный процесс длится от 5 месяцев до 3 лет) [2].

Необходимо пояснить, что английский язык в Нигерии имеет статус официального. Это язык политики, экономики, юриспруденции, образования. Во многом своей популярности на мировой киноарене нигерийский кинематограф обязан английскому языку. Производство нигерийских фильмов на английском языке стало мощным толчком к их распространению не только в англоязычных странах Африки, но и за пределами Африканского континента [6. С. 244].

Текст киносценария как отражение национальной картины мира

Киносценарий представляет собой особый вид текста, обладающий ключевыми текстовыми характеристиками, к которым относят *целостность, связность, членимость, информативность, модальность, завершенность*; такие текстовые категории, как *локальная и темпоральная отнесенность (хронотоп), антропоцентричность, прагматическая направленность* входят в ранг добавочных [2].

Целостность текста направлена на получение общей информации о картине мира, сформированной у читателя киносценарного текста, декодирующего текст, и призвана соединить все компоненты сценарного текста в единое целое. Есть все основания полагать, что целостность киносценарного текста дает возможность установить связь между удаленными отрезками текста, а также определить формально-грамматические и лексико-семантические связи [4].

Категория *связность* текста, формирующая его *целостность*, в большей степени обладает лингвистическими характеристиками. Связность киносценарного текста обусловлена линейностью его конститuentов. Категория связности текста выражается на внешнем уровне при помощи синтаксматики слов, предложений и фрагментов отдельных текстовых частей. Ключевыми определителями, отвечающими за связность киносценарного текста, являются *когезия и континуум*. *Когезия* представляет собой специфический вид связи, обеспечивающий последовательность событий, логическую (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов и действий [5].

Связность текста связана с категорией *членимости* текста. Отечественный исследователь И. Р. Гальперин выделяет два типа *членимости*: 1) *объемно-прагматическую* и 2) *контекстно-вариативную*.

Категория *информативности* киносценарного текста выражается в ее «многоканальности, которая позволяет разделить информационный поток с одной стороны по способу восприятия информации, с другой — по типу воспринимаемой информации» [2]. Многоканальный характер восприятия информации «влияет на техническое оформление сценария в целом, что находит выражение в увеличении его объема: техническое описание превосходит диалогические тексты в два — пять раз» [9].

Категория *модальности* киносценарного текста — это особый вид репрезентации позиции

режиссера или сценариста в форме авторских ремарок. Авторская позиция, выраженная в киносценарных текстах Нигерии, представляет собой продуктивную часть текста и занимает внушительный объем — до 30 % от текста киносценария в целом. Выражение авторской позиции в качестве пояснений и рекомендаций, адресованных видеооператорам, гримерам, актерам, позволяет охарактеризовать категорию *модальности* киносценарного текста как многоуровневую модель, выраженную комплексом субъектной и внесубъектной организации кинопроизведения. Модальность нигерийского киносценарного текста обладает многослойной структурой, так как на его организацию влияет не один человек, а группа людей, участвующих в создании кинотекста. Таким образом, многоуровневая модальность киносценарного текста оказывает влияние на его структуру — часто происходит уменьшение диалогической части киносценария за счет увеличения объема авторских ремарок, что влечет за собой изменение стиля киносценария.

Так называемая *полиавторская* специфика текста киносценария раскрывается сквозь призму субъективных оценок режиссера, сценариста, операторских, звукооператорских решений, актерской игры [10]. Часто в нигерийских киносценарных текстах финальная версия кинотекста подвергается серии трансформационных преобразований: от сценария-первоисточника, основанного на начальной авторской позиции, к сценарию-переработке, до финальной версии кинорежиссера, отображающей его субъективную позицию. В дальнейшем режиссерское видение развертывания сюжета дополняется не противоречащими ему позициями оператора, звукорежиссера, актеров либо изменяется ввиду несколько иного понимания и реализации первоначальной идеи; это принимает форму дополнительных фрагментов из сцен, которые вставляются в финальный текст киносценария в процессе работы над ним.

Таким образом, нигерийский киносценарий представляет собой связный текст, уникальными чертами которого выступают универсальные текстовые категории в преломлении к особенностям нигерийской кинематографии. Так, в ранг уникалий киносценарных текстов Нигерии входит специфика модальности текста, которой свойственно превышение объема авторской позиции киносценариста или режиссера в форме авторских ремарок до 30 % по сравнению с киносценарными текстами США.

Практическая часть нашего исследования основывается на анализе лингвокультурной специфики киносценарного текста «Арбитраж» («Arbitration»), созданного нигерийским кинорежиссером Чиназой Онузо (Naz Onuzo) в 2016 г. Фундамент киносценария «Арбитраж» базируется на репрезентации специфики нигерийского судебного процесса. Сюжет киносценария развивается вокруг судебного конфликта, в котором директор одной известной компании обвиняется в неподобающем поведении по отношению к бывшей сотруднице, которая была уволена и пытается восстановить справедливость.

Характерной особенностью как британских, так и нигерийских киносценарных текстов является наличие так называемых *slug line* или *fade in* — обязательных составных частей киносценарных текстов, раскрывающих особенности времени и места происходящих событий. Специфическую черту нигерийских киносценарных текстов представляет внушительный объем детального описания анализируемой части киносценарного текста, а также наличие подробных инструкций в такой части сценарного текста, как авторские ремарки перед каждым эпизодом, например:

1. *FADE IN* — место и время событий

INT. ANTEROOM — DAY — Приемная фирмы. День.

Regular hotel anteroom. Bland. No Personality to speak of. A WOMAN sits alone, scanning a document on her ipad. She's OMAWUMI HORSFALL. Late twenties. Gray power suit. Designer glasses. The world's her oyster and she knows it. — Тишина. Никого вокруг. Одинокая женщина просматривает документ на планшете. Это — Омавуми Хорсфолл. Ей около 20 лет. Она одета в серый стильный костюм. На ней дорогие дизайнерские очки. Весь мир у ее ног, и она прекрасно знает об этом [11].

В рассматриваемом примере киносценарист описывает мельчайшие подробности происходящей сцены — действие происходит в холле отеля, днем. Киносценарист уделяет особое внимание детальной характеристике главной героини — она хорошо одета, внимательно изучает информацию при помощи планшета.

Следует отметить, что анализ лингвокультурного аспекта языка киносценарных текстов Нигерии необходимо проводить, учитывая такой важный аспект нигерийского социума, как деление на определенные социолингвистические группы. Каждой группе нигерийского общества свойственно употребление определенного языкового

варианта — *акролекта*, *мезолекта* или *базилекта*. Языковой вариант *акролект* используется исключительно высокообразованными нигерийцами, их речь не содержит ошибок и максимально приближена к норме — британскому английскому языку. В свою очередь, *мезолект* используется нигерийцами, получившими достаточно высокий уровень образования. Языковой вариант *мезолект* характеризуется незначительным количеством ошибок в речи на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях, что обусловлено влиянием автохтонных языков. Допускаемые погрешности и ошибки в речи языкового варианта *мезолект* не мешают общему пониманию содержания высказываний участников беседы. *Базилект* представляет собой языковой вариант, применяемый малограмотной частью нигерийского общества. Для языкового варианта *базилект* характерно несоблюдение норм британского английского языка, при этом речь характеризуется большим количеством фонетических, грамматических и лексических ошибок по отношению к норме — британскому английскому языку [12].

Киносценарий представляет собой особый тип текста, максимально приближенный к норме — британскому английскому языку. Принимая во внимание ключевые части текста киносценария, к которым относятся авторские ремарки, диалоги, технические характеристики, следует отметить, что язык киносценарного текста относится к варианту *мезолект*. Однако в части киносценария *авторские ремарки* сценаристы часто тяготеют к варианту *акролект*, что свидетельствует о высоком уровне образования и социальном статусе. Так, в приведенном примере, описывая главную героиню, киносценарист использует фразеологизм британского английского языка *the world's her oyster* — *весь мир у ее ног*, подчеркивая высокий уровень образования и социальный статус персонажа. Употребление фразеологизмов британского английского языка в нигерийских сценарных текстах свидетельствует об адаптации английского языка к реалиям местной лингвокультуры.

2. *FADE IN* — место и время событий

INT. BATHROOM — DAY — MOMENTS LATER — Ванная комната. День. Минуту спустя.

A Face in a mirror. An intelligent face. A determined face. A scared face? Either way it's the face of Dara Olugobi staring into the mirror desperately searching for something. Her hands are trembling. She clasps them together. Irritated by the lack of self

control, she drops her hands to her sides. The trembling resumes. Slows. Stops. A satisfied nod. A test of will passed. The door opens. Dara sees Oyawumi enter via the mirror. Turns. — Видно отражение лица в зеркале. Серьезное выражение лица. Решительные эмоции на лице. Может, это испуг? В любом случае, это лицо Дары Олуджоби, это лицо смотрит в зеркало и отчаянно ищет что-то. У нее дрожат руки. Она сжимает руки. Раздражаясь неспособностью контролировать эмоции, она опускает руки. Дрожь в руках возобновляется. Затем замедляется. Приостанавливается. Все, дрожь угасла. Она смогла сделать это — проконтролировать свой страх. Она довольно кивает. Она смогла выдержать испытание воли. Дверь открывается. В отражении зеркала Дара видит, как Омавуми входит в комнату. Он оборачивается [11].

Второй пример представляет собой авторскую ремарку киносценариста, в которой подробно передается сложность эмоционального фона главной героини перед судебным разбирательством. Автор киносценария применяет серию эллиптических конструкций в составе авторской ремарки, подчеркивая нервное состояние персонажа: *The trembling resumes. Slows. Stops. A satisfied nod* — героиня собирается с мыслями, она дрожит, затем пытается взять себя в руки, и, в конце концов, она способна взять свои эмоции под контроль.

Такая часть киносценарного текста, как диалогическая коммуникация, составляет в среднем от 50 % до 70 % объема нигерийского киносценария. Диалоги между персонажами киносценария по своему строю максимально приближены к реальной коммуникации нигерийцев в повседневной жизни. Часть киносценария, содержащая диалогические тексты, соответствует языковому варианту *мезолект*, который представляет собой переходный этап между *акролектом*, максимально соответствующим норме — британскому английскому языку, и *базилектом* — вариантом, применяемым неграмотными нигерийцами, для которого характерно общение при помощи инфинитивных форм и несоблюдение фонетических, грамматических и лексических норм британского английского языка.

Диалоги киносценарных текстов основываются на языковом варианте *мезолект*, в исключительных случаях в этой части киносценария могут присутствовать отдельные вкрапления языкового варианта *базилект* для демонстрации специфики низших слоев нигерийского общества.

Британский английский язык, являясь языком сценарных текстов нигерийских кинофильмов, подвергается явлению креолизации, под которым мы понимаем процесс адаптации к реалиям местных лингвокультур. Креолизация британского английского языка приводит к изменениям на всех языковых уровнях нигерийского варианта английского языка: фонетическом, грамматическом и лексическом. В проведенном исследовании мы выявили трансформационные процессы, свойственные нигерийским киносценарным текстам, возникшие в результате явления креолизации и происходящие в грамматической подсистеме территориального варианта английского языка Нигерии.

В ранг грамматических трансформационных процессов, характерных для нигерийских киносценарных текстов, входят:

1. Употребление в рамках одной смысловой синтагмы существительного и местоимения, последовательно расположенных друг за другом, что обусловлено влиянием автохтонных языков, к ключевым из которых относятся хауса, йоруба и игбо.

ОМАВУМИ: *You should know. Shebi, you told my mom to send me there. You my sister and I obeyed.* — Ты обязательно должна это знать. Шеби, именно ты сказала моей маме отправить меня туда. Ты моя сестра, и, конечно, я тебя послушала [11].

В рассматриваемом примере героиня по имени Омавуми обращается к своей сестре Шеби и заявляет, что именно она отправила ее к матери. Третье предложение в рассматриваемом примере содержит в своем составе личное местоимение *You (ты)*, за которым следует словосочетание (притяжательное местоимение + существительное) *my sister (моя сестра)*. Дело в том, что в британском английском языке подлежащее в предложении выражено либо именем существительным, либо личным местоимением, а их последовательное употребление считается неприемлемым. Что касается нигерийского варианта английского языка, то такое употребление объясняется влиянием интерференционных процессов со стороны автохтонных языков. Так, для языков межэтнической коммуникации Нигерии — хауса и игбо — характерно употребление местоимения после существительного, так же, как и существительного после местоимения, последовательно расположенных друг за другом.

2. Симплификация видовременных форм глагола, обусловленная влиянием автохтонных языков, свойственна подавляющему

большинству коренных нигерийских языков (*хауса, йоруба, игбо, эфик, ибибио* и др.).

OMAWUMI: *She realises she made a mistake. She just placed Funlayo above her. Funlayo knows she knows. — Она понимает, что совершила ошибку. Она позволила поставить интересы Фунлайо превыше своих, и Фунлайо, конечно, об этом прекрасно знал* [11].

В приведенном примере героиня заявляет, что пожертвовала своими интересами ради интересов друга. Употребление видовременной формы простого прошедшего времени (Past Simple) глагола *placed* во втором предложении анализируемого примера демонстрирует креолизацию под воздействием автохтонного языка йоруба. В данном случае, согласно нормам британского английского языка, необходимо использовать видовременную форму глагола настоящего совершенного времени (Present Perfect) *has placed*, так как подчеркивается результат действия, о чем дополнительно свидетельствует наличие в предложении видовременного маркера *just* — *только что*.

FUNLAYO: *Ms. Olujobi resigned her post at Iwaju Limited before the incident happened. She should not be covered under the arbitration clause of her employment contract because the contract was void. — Госпожа Олуджоби подала в отставку в компании Иваджу Лимитед еще до того момента, как произошел рассматриваемый инцидент. В связи с этим для нее должна действовать специальная поправка, поскольку контракт на тот момент считался недействительным* [11].

В первом предложении приведенного примера говорится о том, что госпожа Олуджоби ушла с занимаемой должности до того, как случился неприятный инцидент, обсуждаемый в суде. Согласно норме британского английского языка, в рассматриваемом предложении необходимо использовать видовременную форму глагола прошедшего совершенного времени (Past Perfect) *had resigned*, так как внимание акцентируется на предшествовании одного события другому. Как демонстрирует приведенный пример, в анализируемом предложении употребляется видовременная форма глагола простого прошедшего времени (Past Simple) *resigned*, что связано с влиянием ключевых автохтонных языков Нигерии — *хауса, йоруба и игбо*, которым не свойственна сложная и разветвленная глагольная система.

3. Несоблюдение правил согласования времен при переводе прямой речи в косвенную.

GBENGA: *You said it yourself I have the best product. — Ты же сама сказала, что мои продукты обладают самым высоким качеством* [11].

В приведенном примере персонаж по имени Гбенга обращается к своей подруге, которая недовольна качеством продуктов, приобретенных в ее магазине. Героиня заявляет, что ее продукция всегда вкусная и свежая. В первой части примера употребляется прошедшая форма глагола *to say* — *said* (*говорить, сказать*). Согласно норме британского английского языка, во второй части предложения необходимо использовать форму простого прошедшего времени глагола *to have* — *had* (*иметь, обладать*). Однако в анализируемом примере мы наблюдаем употребление видовременной формы глагола простого настоящего времени (Present Simple), что обусловлено отсутствием правила о согласовании временных форм в этнических языках Нигерии и желанием нигерийцев следовать нормам родной лингвокультуры.

4. Опущение вспомогательных глаголов при построении вопросительных конструкций, вызванное интерференционными процессами со стороны автохтонных нигерийских языков.

DARA: *You have my back right? — Ты же прикроешь меня, не так ли?* [11].

В приведенном примере подруга главной героини просит помочь ей на рабочем месте. Просьба персонажа выражается при помощи вопросительной конструкции, о чем свидетельствует вопросительный знак в конце предложения. В соответствии с нормой британского английского языка, в данном случае необходимо использовать вспомогательный глагол *will* или для выражения просьбы — *would*. В тексте нигерийского киносценария мы наблюдаем опущение вспомогательного глагола, что обусловлено интерференционным влиянием автохтонных языков Нигерии. В частности, для языков *хауса, йоруба и игбо* не типично употребление вспомогательных глаголов для образования вопросительных и отрицательных форм глагола.

OMAWUMI: *So you went from promising her shares to telling her she had to wait seven years for them? — Итак, правильно ли я понимаю, что вы перешли от стадии обещания отдать ей ее долю акций к стадии, что ей придется ждать выплат семь лет?* [11].

Анализируемый пример представляет собой общий тип вопросительной конструкции,

в которой отсутствует вспомогательный глагол в начале предложения. Персонаж по имени Омавуми, являясь адвокатом главной героини, публично защищает интересы своего клиента в суде и уточняет детали дела, задавая вопрос — действительно ли правдивым является тот факт, что работодатели подзащитного надеются на согласие уволенного сотрудника ждать компенсацию в течение семи лет. Так же, как и в предыдущем примере, читатель догадывается о том, что конструкция является вопросительной благодаря вопросительному знаку в конце предложения.

ОМАВУМИ: *Which is it Mr. Sanni? You were talking for a year or you did it to prevent Dara joining?* — *Кто из них мистер Санни? Вы вели переговоры целый год или сделали это намеренно, чтобы помешать Даре присоединиться к компании?* [11].

В рассматриваемом примере второе предложение (*You were talking for a year or you did it to prevent Dara joining?*) представляет собой альтернативный тип вопроса. Согласно норме британского английского языка, альтернативный тип вопроса строится при помощи вспомогательного глагола, занимающего начальную позицию в предложении. В данном случае правильным вариантом будет следующий вопрос: *Were you talking for a year or did you do it to prevent Dara joining?* Так как грамматическому строю коренных языков Нигерии не свойственно употребление вспомогательных глаголов, то британский английский язык, подвергаясь влиянию креолизации и следуя моделям автохтонных нигерийских языков, приспособливается к лингвокультурным реалиям местных языков, для которых типичен нефиксированный порядок слов в вопросительных предложениях.

Таким образом, в тексте нигерийских киносценариев под влиянием креолизации происходят трансформационные процессы, способствующие адаптации британского английского языка к реалиям местных лингвокультур. Грамматический строй нигерийского варианта английского языка киносценарных текстов подвержен интерференции со стороны автохтонных язы-

ков. В результате таких трансформационных процессов в грамматической подсистеме нигерийских киносценарных текстов наблюдается тенденция к симплификации грамматического строя.

Заключение

Лингвокультурная картина мира формируется под воздействием внешних и внутренних факторов и способна трансформироваться под влиянием культурно-исторических процессов. Современный кинематограф представляет интерес для исследователей, поскольку транслирует лингвокультурную специфику национальной культуры народа и особенности его менталитета.

Написание текста киносценария является начальным этапом в процессе формирования кинопродукта, и от него во многом зависит будущий успех картины. Нигерийский кинематограф представляет собой молодую отрасль киноиндустрии, которая, несомненно, имеет большое значение как для Нигерии, так и для всей Африки. Об этом свидетельствует тот факт, что популярный нигерийский кинобизнес Нолливуд занимает второе место в мировом кинообществе по продуктивности производства фильмов, уступая лишь Болливуду.

Текст нигерийского киносценария обладает всеми текстовыми категориями, ключевыми из которых являются: связность, целостность, членность, модальность. Категория модальности текста носит уникальный полиавторский характер, позволяющий увидеть мир глазами группы людей.

Язык нигерийских киносценарных текстов подвержен креолизации, вызванной интерференционными процессами со стороны автохтонных языков (*хауса, йоруба и игбо*). Вследствие креолизации в грамматическом строе киносценария происходят трансформационные процессы. В ранг наиболее продуктивных грамматических изменений входят симплификация видовременных форм глагола и опущение вспомогательных глаголов в вопросительных и отрицательных предложениях.

Список источников

1. Волошина Т. Г. Английский язык в Африке: Лингвокультурологический аспект : монография. Москва : ФЛИНТА, 2020. 188 с.
2. Волошина Т. Г. Полипредикативное предложение с паратакиссом и гипотакиссом в диалогической коммуникации (на материале англоязычных сценарных текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2012. 214 с.

3. Волошина Т. Г. Лингвокультурологическая креолизация английского языка Нигерии : дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2021. 472 с.
4. Майэрс-Скоттон К. Рамочная модель матричного языка и переключение кодов в речи билингвов / (пер. с англ. Е. В. Шелестюк) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. 7 (453). С. 100–109.
5. Шелестюк Е. В. Проблемы двуязычия и трехязычия (на примере языковой ситуации в Индии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. 10 (432). С. 205–215.
6. Baghana J., Tatiana G. Voloshina, Katarina Slobodova Novakova. Morphological and syntactic interference in the context of Franco-Congolese bilingualism // *XLinguae. European scientific journal*. 2019. № 12 (3). P. 240–248.
7. Bambgose A. *New Englishes: A West-African perspective*. Ibadan: Nigeria, 2004. P. 67.
8. Chowdhury M., Landes T., Santini M., Tejada L., Visconti G. *Nollywood: The Nigerian film industry*, Harvard Kennedy School: Harvard Business School, 2008. P. 35.
9. Crystal D. *English as the global language*. Cambridge, 2003. P. 45.
10. Kachru B. *The handbook of World Englishes*. Malden : MA, 2006. P. 112.
11. Onuzo N. *The Arbitration*. Original script. First revision. 2018. P. 80.
12. Voloshina T. G., Koch K. I., Rodina L. I., Ostapova L. Y., Bocharova E. A. Interference peculiarities in the period of Globalisation // *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política*. 2019. № VI. Artículo no. 148.

References

1. Voloshina TG. *Angliiiski yazik v Afrike: Lingvokulturologicheski aspekt = English in Africa: linguistic and cultural aspects*. Moscow: Flinta; 2020. 188 p. (In Russ.).
2. Voloshina TG. *Polipredikativnoie predlohenie s parataksisom i gipotaksisom v dialogiteskoi kommunikatsii (na materiale angloiazitnih scenarnih tekstov) = Compound complex sentence in the dialogic texts (based on English script texts)*. Belgorod: Belgorod State University; 2012. 214 p. (In Russ.).
3. Voloshina TG. *Lingvokulturologicheskaia kreolizatsia angliiskogo jazika Nigerii = Linguistic and cultural types of creolization of English in Nigeria*. Thesis. Belgorod: Belgorod State University; 2021. 472 p. (In Russ.).
4. Myers-Scotton K, Shelestyuk EV (transl.) *Framework model of matrix language and code switching in bilingual speech*. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(7(453):100-109. (In Russ.).
5. Shelestyuk EV. *Problems of bilingualism and trilingualism (on the example of the language situation in India)*. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;10(432):205-215. (In Russ.).
6. Baghana J, Voloshina TG, Slobodova Novakova K. *Morphological and syntactic interference in the context of Franco-Congolese bilingualism*. *XLinguae. European scientific journal*. 2019;(12(3):240-248.
7. Bambgose A. *New Englishes: A West-African perspective*. Ibadan, Nigeria; 2004. P. 67.
8. Chowdhury M, Landes T, Santini M, Tejada L, Visconti G. *Nollywood: The Nigerian film industry*. Harvard Kennedy School. Harvard Business School; 2008. P. 35.
9. Crystal D. *English as the global language*. Cambridge; 2003. P. 45.
10. Kachru B. *The handbook of World Englishes*. Malden: MA; 2006. P. 112.
11. Onuzo N. *The Arbitration*. Original script. First revision; 2018. P. 80.
12. Voloshina TG, Koch KI, Rodina LI, Ostapova LY, Bocharova EA. *Interference peculiarities in the period of Globalisation*. *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política*. 2019;(VI-148).

Информация об авторах

Т. Г. Волошина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка.

Н. В. Нерубенко — старший преподаватель кафедры второго иностранного языка.

Ю. С. Блажевич — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков.

Information about the authors

Tatiana G. Voloshina — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Second Foreign Language.

Natalia V. Nerubenko — Senior Lecturer of the Department of the Second Foreign Language.

Julia S. Blazhevich — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Foreign Languages.

---

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 03.07.2022; при-
нята к публикации 05.05.2023.*

*The article was submitted 28.03.2022; approved
after reviewing 03.07.2022; accepted for publication
05.05.2023.*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалент-
ный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта ин-
тересов.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81`35

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-103-113

КОНЦЕПТ *ИВАНУШКА-ДУРАЧОК*: ЦЕННОСТНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Светлана Николаевна Глазкова

Челябинский государственный университет, Миасс, Россия, snglaz@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-8980-2776

Аннотация. В статье концепт *Иванушка-дурачок* рассматривается как прецедентное имя. Доказывается национально-культурная значимость концепта. Утверждается, что изменение семантики концепта *Иванушка-дурачок* объясняется развитием языкового сознания носителей языка в течение последних 40 лет. В ходе исследования применяются методы корпусной лингвистики, математической статистики, свободный ассоциативный эксперимент, метод семантического дифференциала, социолингвистические методы анкетирования, устных опросов, сравнительный и лексикографический анализ и др. Делается вывод о том, что аксиологический и семантический потенциал концепта *Иванушка-дурачок* деформировался. Вектор оценки в языковом сознании школьника изменился с положительного на слабо отрицательный. В ходе исследования установлено, что большая часть дошкольников и некоторые школьники совсем не знают героя, не имеют в связи с ним никаких ассоциаций, слабо представляют черты его характера, не помнят сказок, в которых персонаж участвует, не представляют сюжетных коллизий, связанных с героем, не имеют полного (а некоторые и частичного) представления о поступках и особенностях героя и его антиподов, его окружении. Об этом свидетельствуют результаты ассоциативного эксперимента, согласно которым герой все же узнаваем как сказочный и вписан в фольклорную картину мира школьника. Однако персонаж не атрибутирован как непобедимый, бескорыстный, добрый, уповающий на волю Божью, смекалистый, бесстрашный, щедрый, высоконравственный. Герой воспринимается по преимуществу как интеллектуально ограниченный, неопрятный и необаятельный. По мнению школьников, персонаж не годится для личной дружбы. Упрощение и перерождение оценки *Иванушки-дурачка* автор связывает с мутацией культурного кода. Смена аксиологических акцентов на примере концепта *Иванушка-дурачок* оценивается как диффузия национально-культурной идентичности. Результаты проведенного анализа могут помочь скорректировать работу со сказочными фольклорными текстами в детском саду и начальной школе.

Ключевые слова: Иванушка-дурачок, концепт, прецедентное имя, оценочность, национально-культурная идентичность

Для цитирования: Глазкова С. Н. Концепт *Иванушка-дурачок*: ценностно-динамический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 103–113. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-103-113.

Original article

CONCEPT *IVANUSHKA-DURACHOK*: VALUE AND DYNAMIC ASPECT

Svetlana N. Glazkova

Chelyabinsk State University, Miass, Russia, snglaz@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-8980-2776

Abstract. In the article, the concept *Ivanushka-durachok* is considered as a national precedent name. The national-cultural significance of the concept is proved based on the opinion of predecessors. The deformations of the axiological paradigm of young Russian speakers are exemplified by this concept, modifications in its existence are fixed overtime. It is argued that the change in the semantics of the concept *Ivanushka-durachok* is explained by the development of the linguistic consciousness of native speakers over the past 40 years. In the course of the research, the psycholinguistic methods and the methods of corpus linguistics were used. The dynamics of the evaluative value of the precedent concept *Ivanushka-durachok* is indicated. It is concluded that the axiological and semantic potential of the concept *Ivanushka-durachok* and its name has been deformed. Its assessment vector in the linguistic consciousness of the student

changed from positive to slightly negative. It was found that most of the preschoolers and some schoolchildren do not know the hero at all, do not have any associations with him, poorly represent his character traits, do not remember the fairy tales in which the character participates, do not reproduce the plot collisions associated with the hero, do not have a complete (and some even partial) understanding of the actions and characteristics of the hero and his antipodes, his environment. This is evidenced by the results of an associative experiment, according to which the hero is still recognizable as a fairy tale and folklore character inscribed in the schoolchild's world picture. However, he is not attributed as invincible, disinterested, kind, trusting in the will of God, savvy, fearless, generous, highly moral. The hero is perceived primarily as intellectually limited, unkempt and unengaging. According to schoolchildren, the character is not suitable for personal friendship. The author considers the simplification and transformation of *Ivanushka-durachok's* assessment to be a mutation of the cultural code. The change of axiological emphasis exemplified by *Ivanushka-durachok* is assessed as a diffusion of national-cultural idiosyncrasy, its unjustified debasement. The results of the analysis can help to correct the work with fairy-tale and folklore texts in kindergartens and elementary schools, be used in the teaching methods of literary reading.

Keywords: *Ivanushka-durachok*, concept, precedent name, evaluativeness, national-cultural identity

For citation: Glazkova SN. Concept *Ivanushka-durachok*: value and dynamic aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;6(476):103-113. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-103-113.

*Дурак русских сказок обладает
нравственными достоинствами,
и это важнее наличия внешнего ума.*

В. Я. Пропп

Концепт *Иванушка-дурачок* основательно исследован с позиций фольклористики и мифологии, лингвокультурологии и концептологии, этнофилософии и этнолингвистики. Образ Иванушки-дурачка с разных позиций изучали Е. В. Бусурина [3], Е. Н. Бочарова [2. С.164–175], А. Вежицкая [4], С. Г. Воркачев [5], Е. М. Мелетинский [12], Е. Н. Трубецкой [16], Д. С. Лихачев [11. С. 7–90], И. В. Захаренко [8. С. 198–200], В. В. Колесов [10. С. 240–480], М. Л. Карданова [9. С. 189–196], И. Г. Чеботарев [17], О. А. Дмитриева, И. А. Ильин, Е. А. Ярмахова, Ю. М. Лотман, А. М. Панченко, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, В. Я. Пропп, А. Д. Синявский, М. Н. Черкасова, С. С. Аверинцев и др.

Позволим себе начать с цитаты, которая иллюстрирует традиционный взгляд на русскую ментальность. «Издревле повелось, что русский человек любит время от времени притворяться дураком. Это является национальной особенностью и составляет русскую ментальность. Он всегда выходит победителем, а добро с его помощью побеждает зло. Мифологическая модель *Дурак* культурно обусловлена и составляет русскую ментальность, связанную с фольклорной традицией» [7. С. 139]. Ментальность детерминруется ценностно-нормативными ориентациями, содержащими оценочную доминанту. Эти координаты позволяют изучать ценностные ориентиры языковой картины мира. Сложное именование *Иванушка-дурачок* относится к оценочной лексике, что и объясняет наш интерес к структуре данного концепта. Выявление содержания и цен-

ностных установок в структуре концепта *дурак*, *Иванушка-дурачок* неоднократно становилось предметом изучения в лингвокультурологических работах. Данное исследование посвящено анализу динамических изменений в структуре концепта, связанных с трансформацией оценочности. Для проведения исследования использовались следующие методы: метод семантического дифференциала, элементы и приемы компонентного анализа, контекстного анализа, элементарный статистический подсчет, методы корпусной лингвистики, социологический метод опроса, анкетирования.

Отметим попутно различие в написании сочетания в разных источниках, в том числе фольклорных. В данной статье мы используем орфографический вариант *Иван-дурак*, *Иванушка-дурачок* в соответствии с академическим словарем [15. С. 139]. Концепт *Иванушка-дурачок* принадлежит к числу культурно значимых. Для работы с такими концептами ученые используют разные терминосистемы: А. Вежицкая относит такие концепты к «ключевым словам культуры», В. Г. Костомаров называет их «логоэпистемами», Ю. С. Степанов — «константами» русской культуры, В. В. Воробьев — «лингвокультуремами», И. А. Стернин — «лингвокультурными концептами». *Иванушка-дурачок* является в ряду таких концептов краеугольным. Так, эксперимент, проведенный Е. И. Алещенко, показал, что Иван-дурак — самый узнаваемый традиционный сказочный персонаж, намного опережающий Бабу Ягу, Ивана-царевича, Кошечку Бессмертного, Елену Премудрую и др. [1. С. 22–34]. В классической работе «Понимание культур через посредство ключевых слов» А. Вежицкая называет критерии культурной значимости концепта:

прецедентность, культурная разработанность концепта, частотность и востребованность его репрезентатов [4. С. 19–23, 27–29, 30–36]. Ниже через призму этих критериев доказывается значимость концепта *Иванушка-дурачок* для русской языковой картины мира. Однако наблюдения над современными языковыми процессами, над речью молодого поколения показывают, что концептуальное пространство русской языковой личности изменилось, русская ментальность подверглась значительной трансформации. Учет две стороны вопроса.

1. С одной стороны, налицо факты, подтверждающие сформулированный А. Вежбицкой тезис. Так, например, обширное словообразовательное гнездо с вершиной *дур-* свидетельствует и непосредственно, и опосредованно о детальной культурной разработанности концепта *дурак* в русской языковой картине мира. Гнездо, представленное в словарях Н. А. Тихонова, в неакадемических сетевых словарях включает до 90 дериватов [14. С. 520–521]. Деривационно-семантическое пространство словообразовательного гнезда с вершиной *дур-* представлено ниже.

Дурак, дурачок, дурачина, дуралей, дурацкий, Иванушка-дурачок, Иван-дурак, дурачество, дурачить, дурачиться, дурачище, дурачье, дурашка, дурашливо, дурашливый, дурашливость, дурень, дуреть, дурый, дурила, дурилка, дурить, дурка, дурно, дурной, дурнушка, дурость, дурочка, дурь, придурь, задурить, недурно, обдурить, одурачить, одуреть, одурить, одурь, по-дурачки, полудурак, придуриваться, придурок, придурковатый, самодур, сдуру, дура, дураковатый, дуранда, дурында, дурацкий, дурашный, дурень, дурёха, дурица, дурнеть, дурнота, вздурить, вздуриться, дуракоустойчивый, задурачиться, надурачиться, недурственный, обдуривать, одурачение, одуревать, одурелый, одурять, одуряющий, подурачить, подурачиться, подурить, самодур, самодурство, самодурствовать, сдурить, вздуриться, дурик.

Помимо этого, в Словаре детского словотворчества зафиксированы такие детские окказионализмы: *дур (он), Дурака (он), Дурачко (неудачно, по-дурачки)*; в сетевом словообразовательном словаре зафиксированы окказиональные дериваты: *дурициня (глупая девушка): дура + Дульциня (Тобосская), госдура (госдума)*. Как видим, экспликатор концепта *глупость*, лексема *дурак*, продолжает оставаться актуальным, о чем свидетельствуют живые языковые процессы.

2. С другой стороны, в словообразовательном гнезде с вершиной *дур-* происходят динамические изменения — семантические, лингвокультурные. Поясним этот тезис. Названные динамические процессы прежде всего связаны с аксиологическими изменениями. По наблюдениям, происходит оценочный сдвиг по отношению к концепту *дурак*. Оценочный сдвиг в словообразовательном гнезде особенно ярко проявляется в сочетании (сложном именовании) *Иванушка-дурачок*. Его исследованию посвящена данная статья.

Первое осмысление образа Иванушки-дурачка как образа национального героя связано с публикациями сборников «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837–1839) И. М. Снегирева и «Русские народные сказки» (1841) И. П. Сахарова. Первая фиксация сложного именованья *Иванушка-дурачок*, судя по материалам Национального корпуса русского языка, приходится на 1832 год и встречается у Н. А. Полевого («Клятва при гробе Господнем»)¹. Амплитуда частотности употребления именованья колеблется от нулевого индекса до индекса 1,3. Концепт *Иванушка-дурачок* имеет внушительную предысторию и характеризуется широким семантическим объемом, диффузным прагматическим потенциалом и богатым функционированием.

График частотности употребления этого словосочетания свидетельствует о синусоидной динамике употребительности единицы. Несколько невысоких всплесков употребительности падают на 1848, 1861, 1886, 1923, 1983 гг. Самая высокая частотность приходится на 1906 г. Снижение употребительности до нуля падает на предвоенные и военные годы (1937 и 1950 гг.), а также перестроечные — с 2000 г. по сегодняшний день. Рост национального сознания во время Великой Отечественной войны и отход от традиционных национальных ценностей в процессе перестройки, возможно, объясняют эту динамику. График приведен ниже (рис. 1).

Можно отметить общую тенденцию к снижению употребительности всех однокоренных слов словообразовательного гнезда с вершиной *дур-* (например, согласно данным Национального корпуса русского языка, *дурак, дурачок, дурачина, дурень* и др.)².

¹Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

²Там же.

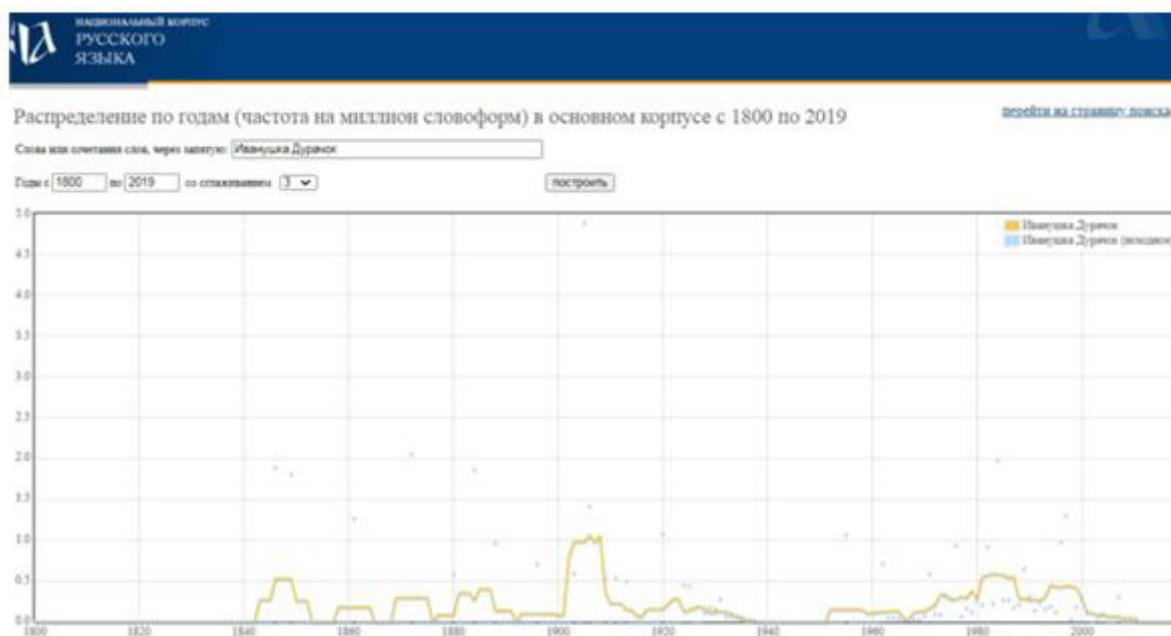

Рис. 1. Динамика употребительности именованя Иванушка-дурачок

Fig. 1. The dynamics of the naming usage of Ivanushka-durachok

Динамика употребительности опосредованно связана с критерием востребованности культурных концептов *дурак*, *Иванушка-дурачок*. Снижение частотности свидетельствует об ослаблении интереса к ним. Обратимся к истокам.

Глубокий анализ истоков юниората, минората в фольклоре вообще и в русском в частности сделал Е. М. Мелетинский, так объясняя идеализацию младшего брата в русской сказке: «Социальную почву для идеализации младшего брата создает разложение патриархальной общины и возникновение классового неравенства. <...> Идеализация младшего брата в сказке есть идеализация социально обездоленного в результате разложения родового коллективизма индивида, оставшегося верным родовому коллективизму. Самое понятие младшего постепенно приобретает социальный смысл и сливается с понятием социально обездоленного» [12. С. 137].

В фольклоре многих азиатских и всех европейских стран есть обиженный, но побеждающий зло младший сын. Вероятно, национальная идея справедливости, православная традиция упования на Бога, а не на человека, неприветствия приоритета материального сделали типичного фольклорного персонажа ключевым для русской картины мира, породили важнейший русский культурный фрейм *Иванушка-дурачок*. Лингвисты и культурологи по-разному типологизируют этот образ. Так, среди разных типов дурака С. Г. Воркачев называет фольклорного дурака, который

выступает в русских сказках «в нескольких ипостасях, основными из них являются *дурак-недотепа* <...> и *дурак (наивный)* — мудрец, движимый в своих поступках, противоречащих здравому смыслу и практицизму, добротой, честностью, бескорыстием, за что ему в конечном итоге воздается» [5. С. 15].

Яркую национальную специфику имеет второй образ. В культурной памяти многих поколений этот образ, безусловно, положительный. Так, в лингвокультурологическом словаре Иванушка-дурачок назван «национальным положительным героем» [8. С. 199]. Однако, по наблюдениям, сегодня в сложном именовании *Иванушка-дурачок* отмечаются семантические сдвиги, повлекшие за собой и аксиологический сдвиг. Стержнем семантических трансформаций именованя *Иванушка-дурачок* (и концептуального содержания лингвокультуры «дурак» в целом) является преобразование пренебрежительно-одобрительного (слабо положительного) аксиологического акцента в негативно-уничтожающий (резко отрицательный). По справедливому мнению Е. В. Вотивцевой и Ф. Г. Фаткуллиной, языковой материал «позволяет проследить изменения в ценностных иерархиях определенной эпохи» [6. С. 1355]. Для выявления и уточнения семантики именованя *Иванушка-дурачок* в работе использовались несколько методик и приемов: подбор синонимов (1), авторские методики семантического шкалирования (2) и синонимических корреляций (выбор

соответствий) (3). Кроме того, применялся психолингвистический метод семантического дифференциала и методы корпусной лингвистики.

Опишем первый срез исследования. Для выявления содержания изучаемого концепта были собраны синонимичные единицы. Первоначально были взяты данные современного синонимайзера — электронной базы синонимов, созданных на основе как словарей, так и мнения пользователей. Ресурс дает гораздо более широкую, точную в сравнении со словарной современной синонимическую картину, «однако включает единицы не только общезыковые, но и имеющие отношение к синонимическому ряду лишь в индивидуальном сознании конкретного пользователя сайта» [13. С. 140].

Синонимические ресурсы не содержат единицу *Иванушка-дурачок*, однако содержат единицу *дурачок*. Один из ресурсов (КартаСлов.ру) на лексему *дурачок* генерирует набор из полутораста синонимов. Исключив дериваты с корнем *-дур-* (*дурак, придурковатый, дурной, дурень, дурачье, полудурок, дурачина, и уши холодные, круглый дурак, малый не дурак и дурак не малый, набитый дурак, петый дурак, дуралей, дурында, дурак дураком, дурак и не лечится, дурашка*), получили более 100 единиц: *простофиля, олух, идиот, болван, недотёпа, глупый, тупица, кретин, глупец, полоумный, разиня, остолоп, пентюх, тупоголовый, несмышлёныш, балбес, деревеница, мужлан, слабоумный, пустоголовый, слабоумный, юродивый, полоумный, сумасшедший, вахлак, балда, бестолочьтупой, дурак, хам, дегенерат, простак, простоватый, простота, тупоумный, неумный, скудоумный, глупенький, глупышка, оболтус, шалун, юродивый, блажененький, блаженный, юрод, немудрый, фофан, межсеумок, обормот, обалдуй, баран, осёл, чурбан, орясина, пень, чушка, бревно, дубина, дерево, глупыш, баклан, сумасшедший, безумный, бешеный, исступлённый, дикий, яростный, неистовый, удмурт, охламон, Христов человек, божий человек, дубина стоеросовая, здравствуй, дерево и др.*

Этот список не конечен. Совокупные данные нескольких интернет-ресурсов содержат около 350 синонимов лексем *дурак, дурачок*.

Для мониторинга семантики и оценки был проведен ассоциативный свободный эксперимент со словом-стимулом *Иванушка-дурачок*. Реципиентами стали школьники 4-х, 5-х, 7-х, 9-х классов. Полученные ответы сгруппированы и приведены ниже в виде гнезда ассоциатов.

Иванушка-дурачок — сказка — 17, *дурачок* — 7, *дурак* — 9, *человек* — 4, *мальчик* — 2, *даун* — 2,

Пузыренко — 2, *герой в мультике, добрый человек, герой сказки, полудурок, Алиса в стране чудес, сказочный персонаж, хитрый, глупость, Иванушка-дурачок, персонаж мультика (книжки), дурь, гений, Алеша Попович, печь, добрый человек из мультика, Леон, козленок, конь, прова, русские сказки, Катя, дед, книжка, Маша, кружка, ну не умный, осел, Дмитрий Дебилович, Аленушка, Спящая красавица, рубаха, мой парень, парень, ведро, Иван-Царевич, золотая рыбка, избушка на курьих ножках (97/43/49/5).*

Статистика в конце статьи фиксируется по аналогии с данными ассоциативных словарей: первая цифра называет общее число полученных в результате эксперимента реакций (97), вторая — число повторяющихся реакций (43), третья — число однократных реакций (49), четвертая — отказы от ответа (5).

Далее была проведена кластеризация полученных реакций. Большая часть реакций — это связанные со сказочностью напрямую и опосредованно ответы: *сказка* — 17, *герой в мультике, герой сказки, Алиса в стране чудес, сказочный персонаж, персонаж мультика (книжки), Алеша Попович, печь, добрый человек из мультика, русские сказки, Аленушка, Спящая красавица, Иван-Царевич, золотая рыбка, избушка на курьих ножках, конь*. Реципиенты называют:

- 1) героев сказок — книжных и мультипликационных:
  - а) имена (*Алиса в стране чудес, Алеша Попович, Аленушка, Спящая красавица, Иван-Царевич*);
  - б) обобщенные именованья героев (*герой в мультике, герой сказки, сказочный персонаж, персонаж мультика/книжки, добрый человек из мультика*);
- 2) предметы сказочного антуража (*печь, избушка на курьих ножках, конь, золотая рыбка, рубаха*).

Вторая группа реакций связана со вторым (реакции с семой *глупость*) или первым (реже) компонентом имени *Иванушка-дурачок*. Здесь лексические, синонимические, антонимические и деривационные повторы, перифразы (*дурачок* — 7, *дурак* — 9, *полудурок, дурь, даун* — 2, *хитрый, глупость, Иванушка-дурачок, гений, ну не умный, осел, Дмитрий Дебилович, Иван-Царевич*).

К третьей группе можно отнести индивидуальные реакции, некоторые из которых уклончивы, обобщенны или не вполне понятны (*человек* — 4, *мальчик* — 2, *Пузыренко, Леон, козленок, трава, Катя, дед, Маша, кружка, мой парень, парень, ведро*).

Подытожим результаты. С одной стороны, налицо узнаваемость героя и вписанность его в сказочную (фольклорную) картину мира. Герой вписан в антураж прошлого и сказки. С другой стороны, глубокой рефлексии, связанной с непобедимостью, бескорыстием, добротой героя, его упованием на волю Божию, не обнаружено. Герой атрибутирован как интеллектуально ограниченный.

Для уточнения оценки героя детьми был проведен пилотный эксперимент в форме беседы в детском саду «Центр развития "Золотая рыбка" № 108» (г. Миасс) и в школах города № 6, 18, 10, 21, 44, 11. Опрос показал следующее. Почти все дети (опрошено 107 человек) в возрасте от 4 до 13 лет, за исключением одного ребенка, на вопрос

«Стал бы ты дружить со сказочным героем *Иванушкой-дурачком?*» отвечали отрицательно. Ответы можно суммировать несколькими типами: *Я не стал бы дружить с ним; Я бы с ним не разговаривал; Я бы со старшим дружил или со средним; Нет, он лох.*

При подборе школьниками синонимов лексемы *Иванушка-дурачок* в лидеры вышли лексемы *лох, дебил, лошара, идиот, чокнутый, лентяй, ненормальный, немножко лентяй*. Скорее всего это связано не только с изменением семантики именованного *Иванушка-дурачок*. Такие лексемы, как, например, *лох* и *дебил*, актуализировались в последние три-пять десятилетий, что наглядно видно ниже на графике (рис. 2–4), сгенерированном в Национальном корпусе русского языка¹ [13].

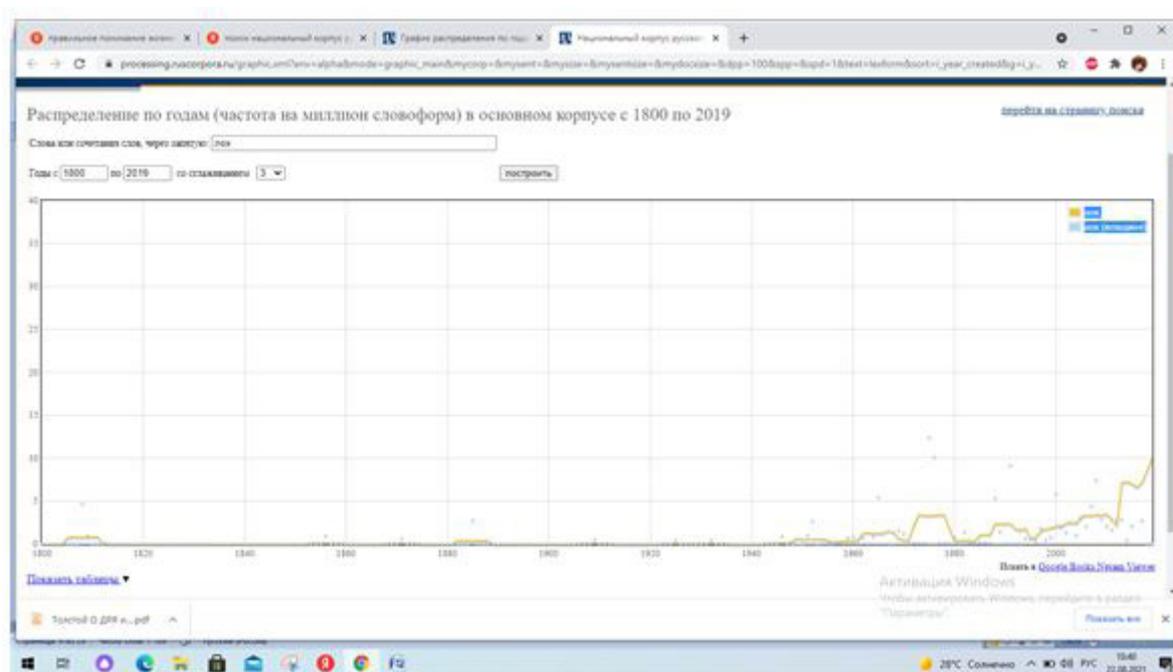

Рис. 2. Динамика частотности употребления лексемы «лох»

Fig. 2. Dynamics of the frequency of use of the lexeme "lokh"

Ответы показывают, что для ребенка-дошкольника и школьника *Иванушка-дурачок* — устойчиво отрицательный герой. Очевидно, что отрицательный герой в сознании ребенка сформирован: у *Иванушки-дурачка* детьми отмечается бытовая неуспешность, непрезентабельная внешность, невыигрышная самопрезентация. Положительный герой в языковом сознании ребенка размыт. Очевидно, что он не является противоположностью отрицательному. Он другой, но его черты расплывчаты. Врать плохо, но хорошо ли говорить правду? Быть жадным плохо, а хорошо ли все отдать? Что такое «плохо», в языковом сознании ребенка достаточно ясно и отчетливо:

быть неадекватным, непохожим на типичного успешного представителя социума. Но что такое «хорошо», не вполне отчетливо: оно аморфно, неопределенно. Очевидна амбивалентность, индифферентность, размытость положительного образа вплоть до полного его отсутствия. Критерий сопричастности добру и злу не работает, так как зло и особенно добро индифферентны, неотрефлексированы. Добро по преимуществу приравнивается к успешности.

Задачей исследования на втором этапе было выявить в содержании концепта *Иванушка-дурачок* культурно детерминированные ценностные

¹Национальный корпус русского языка.

трансформации. Исследование, проведенное методом семантического дифференциала, показало, что по аксиологическим шкалам *глупый* — *умный*; *аккуратный* — *неряшливый*, *небрежный*; *хороший* — *плохой*; *добрый* — *злой*; *ленивый* — *тру-*

долобивый; *простак* (*лох*) — *проныра* (*прошаренный*) реципиенты оценивают Иванушку-дурачка в среднем негативно. Просторечные синонимы приходилось применять в случае непонимания детьми значения предложенных атрибутов.

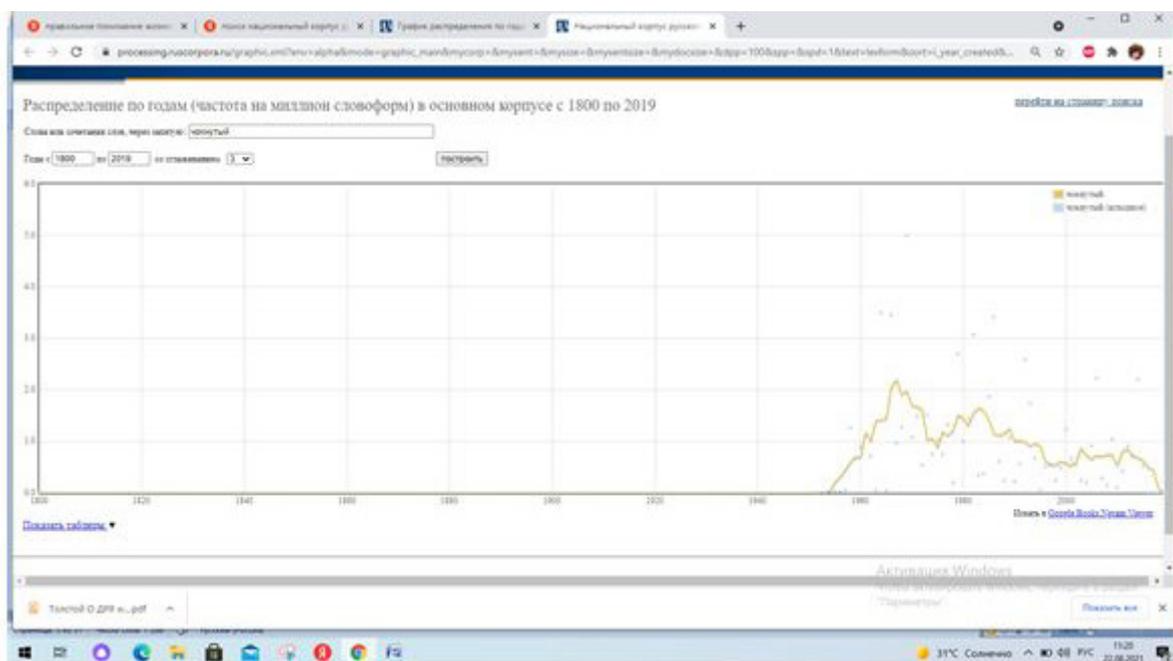

Рис. 3. Динамика частотности употребления лексемы «чокнутый»

Fig. 3. Dynamics of the frequency of use of the lexeme “choknutyj”

Рис. 4. Динамика частотности употребления лексемы «дебил»

Fig. 4. Dynamics of the frequency of use of the lexeme “debil”

По шкале *умный* — *глупый* получены оценки от -3 до $+3$. При этом -1 — средний показатель. Для школьников Иванушка-дурачок скорее

глуп, чем умен. По шкале *хороший* — *плохой* результаты колеблются от -3 до $+2$, средний показатель составляет $+1$. Таким образом, персонаж

для школьников скорее положительный, чем отрицательный, т. е. слабо положительный. По шкале *простак* — *проньера* средний показатель составляет 0 и индексы варьируются от -3 до +3 (эти качества, видимо, не отрефлексированы). По шкале *ленивый* и *трудолюбивый* персонаж оценивается как скорее ленивый, чем трудолюбивый. Средний показатель составляет -1, причем ответов с отрицательным маркером в два раза больше, чем ответов с положительным маркером. По шкале *небрежный* — *аккуратный* превалируют отрицательные оценки. Средний показатель по этой шкале -0,83. По параметру *добрый* — *злой* получен такой результат: персонаж скорее положительный, чем отрицательный. Средний показатель — +0,83. Индекс усредненной оценки по всем шкалам составляет -0,2. Легендарный положительный персонаж русской сказки оценивается школьниками скорее как отрицательный. Оценочная доминанта концепта негативная. Отметим, что оценки школьников неоднозначны, многие противоположны. Оценочная антагонистичность объяснима, с одной стороны, антиномичностью, амбивалентностью самого образа. С другой стороны, она показывает, что современный школьник оценивает знаменитого персонажа — визитную карточку русской ментальности — двойкой и скорее отрицательно.

Заключение

Концепт *Иванушка-дурачок* является лингвокультурным. Природа этого концепта аксиологическая, поэтому открывает доступ к изучению ценностных установок и ментальных представлений школьников. Исследование национально и культурно обусловленного содержания концепта *Иванушка-дурачок* в русской языковой картине мира показало, что произошло перераспределение семантических долей в языковом сознании школьников и дошкольников: на первый план выходят семантемы *неопрятный, глупый, злой, ленивый, удачливый, хитрый, ловкий*, а на второй план отходят и/или полностью отсутствуют смысловые компоненты *высоконравственный, добрый, уповающий на Бога, справедливый, честный, простодушный*. В языковом сознании школьника главным семантическим признаком концепта *Иванушка-дурачок* выступает неадекватность — несоответствие социальной и коммуникативной норме. Е. Н. Трубецкой писал: «Дурак является любимым героем сказки именно потому, что в человеческий ум она не верит» [16. С. 7]. Однако это ключевое, с точки зрения философа, свой-

ство (иррациональность) осталось за пределами концептуализации концепта *Иванушка-дурачок* в языковом сознании школьников.

Аксиологические трансформации образа вполне объяснимы: сущность героя противоречит пропагандируемому повсеместно житейскому практицизму, накопительству, потреблению, расчету, корысти, неукоснительной, обязательной успешности. Речь идет не об успехе, который венчает долгий путь к нему, об успехе в конце безнадежного дела — о победе, женитьбе на царевне, завладении тронном и пр. Главным мерилем ценности человеческой жизни становится бытовая успешность. Категории *успешность* — *неуспешность* подменили категории *добро* и *зло*. Успех приравнивается в сознании школьников к добру, неуспех — к злу. К основам русского менталитета философы и культурологи относят нравственноцентричность, приоритет духовного над материальным, сострадание, терпение, бескорыстие, простодушие. Эти черты размываются в массовом сознании молодых. Трансформация национального языкового сознания отражается в отношении к образу Иванушки-дурачка, который не вызывает сочувствия, симпатии у многих школьников. Респонденты далеки от его идеализации. Иванушка-дурачок для них непривлекателен.

Отношение к Иванушке-дурачку нынешних ребятишек поразительно напоминает отношение к нему окружающих в сказке: он «объект издевок и всеобщего осмеяния, его поведение не соответствует существующим нормам, обычаям, правилам» [9. С. 190].

Обратимся к началу размышлений, к положению о том, что традиционность фольклорного сегмента языковой картины мира трансформируется в языковом сознании молодых. Отраженная в сказках русская ментальность претерпевает серьезные изменения. В традиционном сознании носителей русского языка позитивная составляющая коннотата концепта *Иванушка-дурачок* связана с тем, что именно добро, бескорыстие, бесхитростность, нерасчетливость и безоговорочная вера в высшие силы, совестьливость помогают ему, тогда как именно эти черты потеряли свою привлекательность для школьника. Образ жизни Иванушки-дурачка полностью ломает стереотипы современного человека о смысле жизни. Герой стал антигероем. Образ начисто лишен обаяния в глазах современного ребенка и молодого человека. Произошла полная девальвация образа, редукция ритуального, исконного, сакрального. Разрушается его почитаемость и культовость.

Изменяется прежде всего аксиологическая компонента концепта. Самым, пожалуй, тревожным симптомом является то, что многие дошкольники и некоторые младшие школьники незнакомы с описываемым персонажем.

Конечно, цифровая эпоха не располагает к рассказыванию сказок. Процесс забвения культурных концептов прошлого вполне естествен: он связан с социальными изменениями. Культурные реалии динамичны: одни архаизируются, другие актуализируются, и это нормальное развитие социума. Проблема в том, что перед нами феномен не рядового уровня: изменения касаются матрицы национального сознания. Важность для национальной картины мира исследуемого концепта очевидна: это нравственные критерии бытия, позитивная оценка мира и людей с позиций правды, доброты, честности, верности, совести, трудолюбия, упования на волю божью, смирения, скромности — традиционных ценностей русской культуры. Идеализация бессребреничества даже во вред себе, своей успешности противоречит либеральным ценностям, среди которых на первом месте индивидуализм, свобода выбора любой ценой,

успешность, стремление к самореализации, яркая самопрезентация, демонстративная открытость.

Вряд ли статья, направленная на анализ ситуации с позиций лингвистики, способна предложить пути выхода из создавшегося положения дел и сделать Иванушку-дурачка равным по своей привлекательности Супергерою или Человеку-пауку. Отметим лишь следующее: остро необходима популяризация древних сюжетов об Иванушке-дурачке новыми средствами: цифровой мультипликацией, электронными книгами, доступными бумажными изданиями с обновленной графикой, открытыми интернет-ресурсами для чтения и просмотра детьми, музыкальными постановками, спектаклями, новыми фильмами, бесплатными аудиокнигами и т. д. За приобщение современных детей к традиции не может отвечать только школа. Аксиологические ценности складываются очень рано, в дошкольном детстве, и происходит это прежде всего в семье, к тому же стихийно, под влиянием услышанного и от-refлексированного, поэтому важно дать детям возможность смотреть, читать, слушать русскую народную сказку.

Список источников

1. Алешенко Е. Н. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 42 с.
2. Бочарова Е. Н. Глупость // Антология концептов. В 8 т. Волгоград : Парадигма, 2009. Т. 7. С. 164–175.
3. Бусурина Е. В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 209 с.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 289 с.
5. Воркачев С. Г. Язык и ментальность: Иван-дурак как лингвокультурный герой // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. Вып. 2 (28). Языкознание. Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. С. 3–13.
6. Вотинцева Е. В., Фаткуллина, Ф. Г. Аксиологические проблемы современной лингвистики // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 4. С. 1352–1355.
7. Душкина О. С. Лексема дурак и ее роль в ситуации притворства // Проблемы концептуализации и действительности и моделирования языковой картины мира : сб. науч. тр. Вып. 6. М. ; Архангельск, 2013. С. 137–141.
8. Захаренко И. В. Иван-дурак // Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М. : Гнозис, 2004. С. 198–200.
9. Карданова М. Л., Настаева Л. Х. К вопросу о структуре и языковом выражении концепта «дурак» в английском, испанском и русском языках // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований : XXI Междунар. научн.-практ. конф. Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2015. С. 189–196.
10. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте : монография. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
11. Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смех как мировоззрение // «Смеховой мир» Древней Руси. Л. : Наука, 1976. С. 7–90.

12. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М. : Академия Исследований Культуры ; СПб. : Традиция, 2005. 240 с.
13. Нетесина М. С., Юрманова С. А. К вопросу о содержании «цифровой картины мира» // Гуманитарные технологии в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Калининград : РА Полиграфычъ, 2020. С. 141–148.
14. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. Т. 1. М. : Аст, 2008. 864 с.
15. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / РАН ИРЯ им. В. В. Виноградова ; В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. М. : АСТ-Пресс, 2020. 896 с.
16. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Избранное. М. : Канон, 1995. С. 386–430.
17. Чеботарев И. Г. Фасцинативный типаж «юродивый» в русской лингвокультуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 23 с.

References

1. Aleshchenko YeN. Etnoyazykovaya kartina mira v tekstakh russkogo fol'klora (na materiale narodnoy skazki) = Ethno-linguistic picture of the world in the texts of Russian folklore (based on the material of a folk tale). Abstract of thesis. Volgograd. 2008. 42 p. (In Russ.).
2. Bocharova EN. Stupidity. In: Antologija konceptov = Anthology of concepts: in 8 vols. Volgograd: Paradigm; 2009. Vol. 7. Pp. 164–175. (In Russ.).
3. Busurina YeV. Lingvokul'turema «durak» v russkoy yazykovoy kartine mira = Lingvokulturema “fool” in the Russian language picture of the world. Abstract of thesis. St. Peterburg; 2004. 209 p. (In Russ.).
4. Vezhbitskaya A. Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov = Understanding of cultures through keywords. Moscow: Languages of Slavonic culture; 2001. 289 p.
5. Vorkachev SG. Language and mentality: Ivan the Fool as a linguocultural hero In: Vostochnoslavjanskaya filologiya Vyp. 2 (28). Yazykoznanije = East Slavic Philology. Issue 2 (28). Linguistics. Gorlovka: OOO VPO «GIIYA» Publ.; 2016. Pp. 3–13. (In Russ.).
6. Votintseva YeV, Fatkullina FG. Axiological problems of modern linguistics. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*. 2015;(4):1352-1355. (In Russ.).
7. Dushkina OS. Lexeme fool and its role in a situation of pretense. In: Problemy konceptualizacii i dejstvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoj kartiny mira = Problems of conceptualization and reality and modeling of the language picture of the world: collection of studies. Moscow, Arhangel'sk; 2013. Pp. 137–141. (In Russ.).
8. Zakharenko IV Ivan the Fool. In: Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologicheskij slovar' = Russian cultural space: a linguoculturological dictionary. Iss. 1. Moscow: Gnosis; 2004. Pp. 198–200. (In Russ.).
9. Kardanova ML, Nastaeva LH. To the question of the structure and linguistic expression of the concept “fool” in English, Spanish and Russian languages. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobaciya rezul'tatov issledovanij = New word in science and practice: speculation and appraisal of the research results*: Novosibirsk: Publ. CRNS; 2015. Pp. 189–196. (In Russ.).
10. Kolesov VV. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* = Russian mentality in language and text. St. Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; 2006. 624 p. (In Russ.).
11. Lihachev DS, Panchenko AM. Laugh as outlook. In: «Smekhovoy mir» Drevney Rusi = “The Laughing World” of Ancient Russia. Leningrad: Nauka; 1976. Pp. 7–90. (In Russ.).
12. Meletinskij EM. Geroj volshebnnoj skazki = Hero of a fairy tale. Moscow: Akademiya Issledovanij Kul'tury”, St. Peterburg: Tradiciya; 2005. 240 p. (In Russ.).
13. Netesina MS, Yurmanova SA. To the question of the content of the “digital picture of the world”. In: Gumanitarnyye tekhnologii v sovremennom mire = Humanitarian technologies in the modern world. Kaliningrad: RA Polygraph; 2020. Pp. 141–148. (In Russ.).
14. Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka = Word-formation dictionary of the Russian language. Moscow: Ast; 2008. 864 p. (In Russ.).
15. Russkiy orfograficheskij slovar' = Russian spelling dictionary. Moscow: AST-Press; 2020. 896 p. (In Russ.).

16. Trubeckoj EN. «Inoye tsarstvo » i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke = “Another kingdom” and its seekers in the Russian folk tale. Moscow: Canon; 1995. Pp. 386–430. (In Russ.).

17. Chebotarev IG. Fastsinativnyy tipazh «yurodivyyu» v russkoy lingvokul'ture = Fascinating type “holy fool” In Russian linguoculture. Abstract of thesis. Volgograd; 2015. 23 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Н. Глазкова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии.

Information about the author

Svetlana N. Glazkova — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Philology.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 12.08.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 808.51

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-114-120

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В УЧЕБНОМ ВИДЕОКОНТЕНТЕ

Анна Александровна Меньшенина¹, Александра Анатольевна Миронова²

^{1,2} Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

¹ mensheninahanna@yandex.ru

² mironovaaa@cspu.ru, ORCID: 0000-0001-5910-8567

Аннотация. В статье уделяется внимание месту видеоконтента в интернете и рассказывается о распространении видеоконтента в социальных сетях. В настоящее время в результате активного развития соцсетей и интернета повышается интерес к образовательному видеоконтенту. Формат коротких информативных видео привлекает учащихся доступностью и понятностью. Авторами доказывается, что выбор привычной формы восприятия информации для подачи учебного материала позволяет мотивировать школьников к расширению знаний самостоятельно. Авторы раскрывают понятие «речевое воздействие» применительно к новой форме обучения через «развлечение». Характеризуются частотные приемы речевого воздействия в видеоролике. Подчеркивается актуализация вербальных и невербальных приемов влияния на аудиторию. Сделаны попытки выявить причины, с одной стороны, успешного запоминания школьниками научных сведений после просмотра видео учителя, а с другой — нежелание педагога преподносить в понятной для «дети цифровизации» форме учебного материала на уроке в школе. Для достижения консенсуса между учителем в реальной школе и учителем-блогером, работающим онлайн, который зачастую является одним и тем же человеком, важно уметь соединить современные приемы объяснения новых научных знаний с опорой на клиповой мышление школьника с традиционной системой последовательного освоения базовых предметов.

Ключевые слова: образовательный видеоконтент, научное знание, речевое воздействие, приемы речевого воздействия, вербальные и невербальные приемы, популяризация

Для цитирования: Меньшенина А. А., Миронова А. А. Вербальные и невербальные приемы воздействия в учебном видеоконтенте // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 114–120. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-114-120.

Original article

VERBAL AND NON-VERBAL METHODS OF INFLUENCE IN EDUCATIONAL VIDEO CONTENT

Anna A. Menshenina¹, Alexandra A. Mironova²

^{1,2} South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

¹ mensheninahanna@yandex.ru

² mironovaaa@cspu.ru, ORCID: 0000-0001-5910-8567

Abstract. The article focuses on the place of video content on the Internet and the distribution of video content in social networks. Currently, as a result of the active development of social networks and the Internet, interest in educational video content is increasing. The format of short informative videos attracts students with accessibility and understandability. The authors prove that the choice of the habitual, easily recognized form of presentation of educational materials facilitates the perception of information and makes it possible to motivate schoolchildren to expand their knowledge on their own. The authors clarify concept of speech impact in relation to a new form of “learning through entertainment”. Frequent methods of speech impact in videos are indicated. The actualization of verbal and non-verbal methods of influencing the audience is emphasized. Attempts are made to identify the reasons, on the one hand, for the successful memorization of scientific information by schoolchildren after watching the teacher’s video, and on the other hand, the teacher’s reluctance to present educational material in a form that is

© Меньшенина А. А., Миронова А. А., 2023

understandable for the “child of digitalization” in the classroom at school. To reach a consensus between the teacher in a real school and the online blogger teacher, who is often the same person, it is important to be able to combine modern methods of explaining new scientific knowledge based on students’ clip thinking with the traditional system of sequential systematic mastering of basic subjects.

Keywords: educational video content, scientific knowledge, speech influence, methods of speech influence, verbal and non-verbal methods, popularization

For citation: Menshenina AA, Mironova AA. Verbal and non-verbal methods of influence in educational video content. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):114-120. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-114-120.

Введение

Речевое воздействие педагога является одной из основных частей его профессиональной деятельности в условиях обучения. При этом речь учителя предстает единственным законным инструментом влияния как на восприятие, поведение, так и на дальнейшее применение в жизни полученных знаний. В современном мире важным средством воздействия считается аудиовизуальное. Смена образа жизни участников образовательного процесса, поликультурных интересов, разница в оплате услуг реального и виртуального наставника обуславливают появление нового способа объяснения материала по разным предметам (биология, математика, физика, русский, английский язык, литература и др.). Рост числа подписчиков не только из собственных учеников, но и из учащихся других школ и населенных пунктов у учителей-блогеров демонстрирует востребованность в подобном научно-учебном подстиле. При этом зачастую сообщения в видео носят научно-популярный характер, так как подписчиками и случайными пользователями могут выступить любые пользователи. Этими факторами детерминируется интерес исследователей к анализу речевого воздействия, вербальным и невербальным средствам передачи смысла именно в учебном видеоконтенте. Э. Г. Азимов в своем востребованном словаре не дает определения жанра, функционирующего с целью обучения на просторах интернета [1]. Вопросами речевого воздействия занимались Е. Ф. Тарасов, А. Н. Баранов, П. Б. Паршин, И. А. Стернин, О. С. Иссерс, Р. Лакофф, Л. Л. Федорова, Г. Г. Почепцов, Е. В. Шелестюк и др. Многие исследователи понимают под этим термином речевое взаимодействие, которое воспринимается как единый комплекс всех видов речевой деятельности. Для участников учебного видеоконтента обязательно осознание того, зачем мне это, где я могу сейчас это применить, как повторить в будущем новое. Сам акт общения ограничен рамками времени в зависимости от площадки размещения, эффективности, мотивационной обусловленности, целенаправленности.

Цель статьи — рассмотреть наиболее распространенные средства речевого воздействия, которые используются в учебном видеоконтенте на платформе «Дзен»¹. Именно эта платформа наиболее востребована современными пользователями разных возрастов из-за отсутствия ограничений.

Для достижения поставленной в исследовании цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить основные понятия: «речевое воздействие», «вербальные и невербальные приемы»; 2) выявить и проанализировать вербальные и невербальные приемы, а также проиллюстрировать их на примере обучающего видеоконтента из «Дзен»; 3) изучить, в каких речевых ситуациях применимы данные вербальные и невербальные приемы.

По данным исследования Global Digital 2021, «доля интернет-пользователей в мире на начало 2021 года составляла практически 60 % населения земного шара, а социальными сетями в 2021 году пользуются 53,6 % населения Земли — 4,2 миллиарда людей имеют аккаунты на одной или нескольких платформах. В России доля пользователей Всемирной паутины достигла 85 %. Социальными сетями пользуются 67,8 % населения страны, при этом с каждым годом наблюдается тенденция роста этих показателей» [7. С. 69–70]. В интернет-пространство перемещаются научные организации: создаются академические порталы, касты, подкасты различных отделений Российской академии наук, функционируют словарные лаборатории и формируется итоговый продукт — онлайн-словарь, пополняющийся ежегодно языковыми единицами с новыми актуальными пометами, транслирующими смену ценностей, взглядов, образа жизни. Образование, как и наука, вынуждено интегрироваться в современную модель передачи знаний людям разных возрастов и интересов: от «почемучек» 3-летнего возраста до 80-летних активистов, решивших восполнить пробелы в информации по какой-то теме.

¹ «Дзен» — платформа создания видеоконтента. URL: <https://dzen.ru>

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что вербальные и невербальные средства языка способствуют наиболее точной передаче сообщения, усилению эмоционального воздействия на целевую аудиторию, влиянию на сознание и действия реципиентов, а также позволяет вовлечь аудиторию в учебный материал, заинтересовать научным знанием [8. С. 46].

Рассмотрение таких приемов воздействия невозможно без введения понятия «речевое воздействие» [10. С. 30]. Под «речевым воздействием» понимают использование особенностей функционирования и устройства языка, которые обладают повышенной способностью воздействия на поведение и сознание адресатов и адресата сообщения» [2. С. 172–185]. Прямое, или непосредственное, речевое воздействие осуществляется так: «стимул — реакция». В результате такого влияния может произойти изменение поведения слушающего: выполнение какого-либо действия или побуждение к ответу. В случае с образовательным контентом таким итогом выступает, с одной стороны, усвоение сведений по предмету, с другой стороны, подписка на автора (учителя), регулярный просмотр выкладываемых роликов, оценивание подачи материала, реагирование в виде лайка или дислайка.

А. А. Миронова выделяет «два основных аспекта речевого воздействия в научной аргументации — вербальный и невербальный» [4. С. 24]. Вербальное речевое воздействие осуществляется средствами языка, это воздействие текстом или словами. Эти приемы привлекают внимание к высказыванию, используются для придания речи яркости, наглядности, а значит, делают его убедительным, увеличивают шанс остановить взгляд и зафиксировать внимание реципиента именно на этом ролике в огромном потоке подобных в Сети. Выбор «работающей» системы средств вербального и невербального воздействия именно с данными участниками процесса обучения обеспечивает эффективность видеоконтента.

Таким образом, под «речевым воздействием» понимают влияние на собеседника при помощи разных приемов с целью изменения мнения, взглядов, а также побуждения к действию. При таком воздействии происходит влияние с помощью языка на мышление адресата, в результате чего тот начинает мыслить так же, как и адресант» [3. С. 120].

Материалы и методы исследования

В рамках рассмотрения приемов речевого воздействия нами использован метод свободной вы-

борки, а также описательный метод исследования, включающий приемы наблюдения, интерпретации, сопоставления и обобщения. В данном случае нас интересуют приемы воздействия на реципиента, которые и являются предметом. Мы будем анализировать эти приемы воздействия, которыми пользуются авторы обучающего видео (филологи, математики и лингвисты) на платформе «Дзен».

В рамках данного исследования рассмотрено 100 видеороликов с образовательным контентом, проанализированы наиболее часто встречающиеся приемы вербального и невербального воздействия из видео филологов, лингвистов, математиков.

Результаты исследования и их обсуждение

Вербальными средствами выразительности считаются тропы и фигуры. Эти средства были подробно описаны в «Риторике» В. Д. Черняк [9. С. 70–80].

Рассмотрим подробно основные **вербальные средства**, которыми пользуются авторы образовательных каналов в «Дзене», чтобы привлечь внимание к видеоконтенту. Материалом исследования послужили блоги филологов, лингвистов, математиков на популярной платформе создания видеоконтента «Яндекс.Дзен».

I. Ирония — «употребление наименования или же целого высказывания в прямо противоположном буквальному смысле, намеренное утверждение противоположного тому, что на самом деле думает говорящий» [9. С. 71]. Осознание заложенной иронии возможно только при наличии у слушателя фонового знания, фасцинирующего благодаря активизации мысли. Так, показательным примером является размышление: «Верно ли утверждение, что треугольника со сторонами 1, 2, 3, 4 не существует. Если хочешь прочитать условия сам, то... (автор канала подает свой телефон). На экране написано: „Ха-ха-ха слушать надо было“...» («Математика с Булатовым») [1]. В видео объясняется сложный материал из геометрии, поэтому автор канала, чтобы переключить внимание реципиентов, использует «иронию» в виде шутки с экраном телефона.

II. Антитеза — «фигура, строящаяся на противопоставлении сравнимых понятий» [9. С. 72], например, антитеза становится основным стержнем, на который нанизывается знание в видеосюжете.

«Ты точно это знаешь, но навряд ли умеешь этим пользоваться. Посмотрите внимательно на треугольник ABC. Вы точно можете что-то о нем сказать? Можете мне сказать, вы точно знаете, что если в равнобедренном треугольнике

провести высоту, то получите биссектрису и медиану...» («Математика с Валерией») [1]. В речи автор противопоставляет два понятия: «знаешь, но не умеешь». Они помещены в начало видео для того, чтобы реципиент заинтересовался роликом и досмотрел его.

III. Инверсия — «нарушение прямого порядка слов для выделения определенных смысловых фрагментов, перестановка частей предложения» [9. С. 73]. Изменение стандартной структуры изложения мысли актуализирует смысловые центры: «Побольше задание из ОГЭ второй части, как вы просили. Решим вот такое уравнение на месте 20 задания...» («Математика с Валерией») [1]. обстоятельство и дополнение перенесено в начало предложения для того, чтобы привлечь внимание к задаче. На слове «ОГЭ» сделан акцент, видео должно заинтересовать ребят, которые готовятся к экзамену в девятом классе.

IV. Риторический вопрос — «вопрос, не требующий ответа, представляющий сообщение о чем-либо» [9. С. 73].

В начале почти каждого видео авторы задают вопрос. Это сделано для того, чтобы привлечь внимание к видеоконтенту: «Где пишется Ъ? Под...ячий, ин...екция, ар...ергард, ад...ютант. Правильные ответы — инъекция, адьютант!» («Любовь Гараз. ЕГЭ русский язык») [1].

V. Риторическое восклицание — «фигура речи, употребляемая для демонстрации высшей степени проявления эмоций. Данная фигура призвана побудить к действию» [9. С. 74]:

«Запомни! Ожог руки (существительное), но ожег (глагол) руку» («Любовь Гараз. ЕГЭ русский язык») [1]. Видео длится всего 15 секунд, но реципиентам становится сразу понятно правило, потому что видео сопровождается текстом: в словосочетании «ожог руки» — «ожог» — это существительное, а в словосочетании «ожег руку» — глагол.

«А вспомним-ка все свойства ромба! У ромба все стороны равны. Противлежащие стороны попарно параллельны. Сумма углов, прилежащих к каждой стороне, равна 180° . Противлежащие углы равны. Диагонали взаимно перпендикулярны. Диагонали точкой пересечения делятся пополам...» («Математика с Валерией») [1]. В начале видео появляется сам автор канала, который произносит восклицательное предложение. Затем на экране демонстрируется ромб, около него записываются основные свойства фигуры.

VI. Парцелляция — «стилистический прием, заключающийся в разделении текста на несколько интонационно обособленных отрезков для до-

стижения эффективной реализации целевого содержания высказывания» [9. С. 75]. Эта фигура активно используется в живой устной речи.

Пример использования парцелляции — видео с канала «Дзен» «Английский с Dareenglish»: «Как назвать зелень по-английски? “Arugula” (рукола). “Dill” (укроп). “Mint” (мята). “Spinach” (шпинат). “Radish” (редька). “Coriander” (кориандр)» («Английский с Dareenglish») [1]. Использование парцелляции в видео позволяет выделить главное, акцентировать внимание зрителей на английских словах и их значении. Простые синтаксические конструкции усваиваются и запоминаются адресатом легче, чем сильно распространенные сложные предложения.

VII. Повторы — повторение одного слова или словосочетания в образовательном дискурсе на эмоциональном уровне обращает на себя внимание обучающихся, помогает сформировать устойчивое знание и владение сведениями, легкую воспроизводимость в другом контексте. Эта фигура предназначена для актуализации значимости определенных слов, для выделения деталей, для синтаксического распространения высказывания. Прием повтора использовал в своем видео автор канала «Математика с Булатовым»:

«Десять дней до ОГЭ. Наверно, в каждом втором варианте ОГЭ это задание встречается. Центральный угол и вписанный угол. Вписанный угол равен 25° , угол А. Нужно найти угол О, то есть это центральный угол. Центральный угол, потому что он идет из центра окружности...» («Математика с Булатовым») [1]. Автор канала при объяснении использует доску, на которой находится окружность, и в нее вписаны треугольники. Он несколько раз повторяет слово «угол», чтобы держать внимание именно на том угле, который показан на доске. Без упоминания конкретного угла объяснение задачи будет неясным.

В видео широко используются **невербальные средства воздействия**. В образовательных видео на платформе «Дзен» в качестве одного из средств объяснения материала авторами сюжетов применяются такие невербальные средства, как жесты, мимика, продуманный внешний вид говорящего, использование музыки:

1. Жесты. «Сколько частиц среди этих слов? „По“, „лишь“, „или“, „не“. Правильный ответ: «лишь» и «не» («Любовь Гараз. ЕГЭ русский язык») [1]. Слова автора канала сопровождаются тем, что он достает из прозрачного сосуда шарики, на которых написаны частицы. Видео снабжено подписями,

которые находятся внизу. Реципиентам обязательно включать звук, чтобы понять информацию из видео. Благодаря жестам и подписям и так все становится ясно.

С другой стороны, есть целые образовательные каналы, построенные только на невербальных средствах. Так, акцентные жесты и четкие, ритмичные движения рук в белых перчатках крупным планом, перемещение предметов на столе, соединение химических элементов в видеосюжетах Дениса Мохова, учителя химии, превращают опыты в увлекательное занятие, которое можно повторить самостоятельно. Емкие названия, например, «Фараонова змея из глюконата кальция», «Вулканчик из бихромата аммония и магния» и др., привлекают внимание интересующихся химией. Пользователи отмечают идеальное сочетание ритма движений при проведении опыта и музыки, при этом полностью отсутствует словесное объяснение, в какой последовательности производятся действия. В комментариях фиксируется, получилось ли повторить опыт.

2. **Мимика.** «Пять слов, в которых все ошибаются на ЕГЭ. „Оптовый“, „завидно“, „облегчить“, „черпать“, „дешевизна“. Сохрани этот ролик, чтобы не потерять» («Любовь Гараз. ЕГЭ русский язык») [1]. В начале видео лицо автора очень серьезно, в процессе говорения он загибает пальцы на руке, таким образом, показывая, что эти ошибки на ЕГЭ довольно частые, поэтому слова с правильным ударением необходимо запомнить.
3. **Внешность говорящего.** Авторы каналов используют яркую, необычную одежду, чтобы заинтересовать реципиента контентом: «Три секунды на ответ! Образуй причастие: „Петь“ — „поют“, „поющий“. „Спать“ — „спят“, „спящий“» («Любовь Гараз. ЕГЭ русский язык») [1]. На авторе канала надета шапка, в руке — палочка. По видео реципиенту должно стать понятно, что здесь отсылка к Гарри Поттеру: стоит досмотреть, потому что сейчас появится что-то интересное.
4. **Музыка.** Использование динамичной музыки позволяет привлечь большее внимание к контенту, побудить реципиента досмотреть видео до конца: «У существительных, прилагательных в суффиксах и окончаниях под ударением живет буква О» («Любовь Гараз. ЕГЭ русский язык») [1]. В этом видео блогер использует динамичную музыку, чтобы сопроводить записи по объяснению правила правописания «О, Ё после шипя-

щих в суффиксах и окончаниях разных частей речи», которые он делает на листе.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что чаще всего авторы образовательного контента прибегают к вербальному воздействию. Но анализ образовательного видеоконтента позволяет сделать также вывод том, что только взаимодействие вербальных и невербальных приемов оказывается важнейшим условием создания успешного и досматриваемого видеоролика, способного заинтересовать аудиторию.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут послужить важным выводом для тех педагогов и создателей видеоконтента, которые заинтересованы в записи нового качественного видеоматериала для публикации в своих соцсетях. Исследование также может стать основой для дальнейших разработок по изучению приемов воздействия в учебном видеоконтенте [6. С. 43].

Видеоконтент — это новый вид представления информации, в котором могут сочетаться разные приемы передачи информации — вербальные, визуальные, аудиальные. Важной особенностью таких видео в популяризации научных знаний является то, что можно экспериментировать с формой подачи, а это сильно отличает новые форматы представления знаний от традиционных (радио, телевидения, печатных изданий) [6. С. 175]. Короткое видео призвано донести научно-популярный контент до массовой аудитории. Поэтому присущее видеоконтенту многообразие приемов воздействия позволяет по-новому использовать приемы подачи сложной научной информации. При этом меняется способ ее представления, так как информация должна быть понятна даже неподготовленной аудитории.

Исследование показывает, что наиболее часто употребляемые вербальные средства речевого воздействия — это ирония, антитеза, инверсия, риторический вопрос, риторическое восклицание, парцелляция, повторы. Невербальные приемы тоже довольно часто можно встретить в видеоконтенте, к ним можно отнести жесты, мимику, внешность говорящего, музыку. Данные приемы применимы чаще в следующих ситуациях:

- в начале или конце видеоролика (например, в начале выполнения тестового задания, когда участникам нужно написать свой вариант в комментариях);
- в кульминационные моменты, когда реципиенты переходят из одного информационного состояния в другое (переход к объяснению нового незнакомого материала);

- в завершение видеоролика, когда подводится итог всему сказанному [3. С. 236].

Таким образом, вербальные и невербальные средства обеспечивают вовлечение учащихся в учебный материал, способствуют актуализации имеющихся знаний, усиливают эмоциональное воздействие, а также позволяют заинтересовать пользователей и вовлечь аудиторию в учебный материал.

Появляются образовательные каналы, построенные на эффекте обратной связи, когда можно и нужно задать вопрос эксперту в той или иной сфере, т. е. усвоение информации контролируется способностью сформулировать собственный вопрос. Такое выступление может как быть подготовленным, так и проходить в режиме реального времени по видеосвязи.

Парадоксальным остается итоговый эффект от восприятия одного и того же сообщения по предмету, которое дает один и тот же учитель в реальном и нереальном пространстве. Опрошенные ученики 8–11 классов (100 человек из челябинских школ) утверждают, что учитель интереснее, понятнее, легче дает им знания в «Дзене», поэтому они обязательно смотрят каждый выпуск, заменяя даже занятия с репетитором. Во время же урока в школе они не запоминают новое, хотя много раз отрабатывают задания, чтобы закрепить навык применения на практике. Перспективным предстает изучение того, как за короткое время, используя минимум дополнительных

средств и представляя сжатый текст, учитель-блогер добивается результатов.

Заключение

Речевое воздействие в учебном видеоконтенте не только направлено на оказание влияния на слушателей, но и позволяет сделать речевое поведение эффективным, тем самым осуществить явные и скрытые цели коммуникации: объяснить новое, привлечь подписчиков, удержать уже включенных участников в составе группы.

В ходе научной работы над анализом речевого оформления современного учебного видео нами были рассмотрены наиболее часто используемые авторами в «Дзене» вербальные и невербальные приемы речевого воздействия. Конечно, влияние на аудиторию в процессе видео реализуется прежде всего с помощью речи. Однако то, каким образом используются языковые средства, и то, чем они сопровождаются, может быть не менее важно, чем выбор и порядок употребляемых слов.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что изучение приемов влияния видеоконтента является перспективной исследовательской областью, потому что современность характеризуется возрастанием роли видеоинформации во всех областях жизни, видео делает сложный материал более доступным и понятным. Короткие видео постепенно вытесняют «традиционные источники» получения информации, а для поколений «Y» и «Z» они уже стали основным способом получения информации.

Список источников

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. (ред.) Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
2. Балахонская Л. Б., Сергеева Е. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования. М. : Флинта, 2020. 447 с.
3. Десяева Н. Д., Айбятowa Е. В. Средства, формы и функции педагогического речевого воздействия // Вестник университета. 2013. № 10. С. 231–236.
4. Миронова А. А. Подготовка и анализ публичного выступления. Челябинск : Южно-Уральский научный центр РАО, 2021. 28 с.
5. Панина Е. А. Популяризация науки в условиях современной социокультурной ситуации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 3. С. 172–180.
6. Сапрыкина Т. В. Применение видеоконтента в образовательном процессе // Образование. Карьера. Общество. 2020. № 1. С. 43–45.
7. Сотников С. А., Родионова К. Л. К вопросу о необходимости изучения влияния российских Youtube-блогеров на социальные установки аудитории // Вестник магистратуры. 2022. № 1-2. С. 69–71.
8. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж : Истоки, 2012. 178 с.
9. Черняк В. Д. Риторика. М. : Юрайт, 2013. 429 с.
10. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М. : Флинта, 2014. 344 с.

References

1. Azimov EG, Shchukin AN. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam) = A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages). Moscow: IKAR; 2009. 448 p. (In Russ.).
2. Balakhonskaya LB, Sergeeva EV. Lingvistika rechevogo vozdejstviya i manipulirovaniya = Linguistics of river influence and manipulation. Moscow: Flinta; 2020. 447 p. (In Russ.).
3. Desyaeva ND, Aibyatova EV. Means, forms and functions of pedagogical speech influence. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2013;(10):231-236. (In Russ.).
4. Mironova AA. Podgotovka i analiz publichnogo vystupleniya = Preparation and analysis of public speaking. Chelyabinsk: South Ural Scientific Center of the Russian Academy of Education; 2021. 28 p. (In Russ.).
5. Panina EA. Popularization of science in the conditions of the modern socio-cultural situation. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2019;(3):172-180. (In Russ.).
6. Saprykina TV. The use of video content in the educational process. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo = Education. Career. Society*. 2020;(1):43-45. (In Russ.).
7. Sotnikov SA, Rodionova KL. On the need to study the influence of Russian youtube bloggers on the social attitudes of the audience. *Vestnik magistratury = Bulletin of the Magistracy*. 2022;(1-2):69-71. (In Russ.).
8. Sternin IA. Osnovy rechevogo vozdejstviya = Fundamentals of speech influence. Voronezh: Origins; 2012. 178 p. (In Russ.).
9. Chernyak VD. Ritorika = Rhetoric. Moscow: Yurayt; 2013. 429 p. (In Russ.).
10. Shelestyuk EV. Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya = Speech influence: ontology and research methodology. Moscow: Flinta; 2014. 344 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Меньшенина — аспирант кафедры русского языка и методики обучения русскому языку.

А. А. Миронова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку.

Information about the authors

Anna A. Menshenina — postgraduate student, Department of the Russian Language and Russian Language Teaching Methods.

Alexandra A. Mironova — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language and Methods of Russian Language Teaching.

Статья поступила в редакцию 22.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 22.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 12.08.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-121-127

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ С ДИМИНУТИВАМИ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА БАЗОВОМ УРОВНЕ

Янина Леонидовна Чернявская

Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Россия, yaninak@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6664-7929

Аннотация. Предметом настоящего исследования является изучение лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами на начальных этапах курса русского языка как иностранного. Такая работа предлагает системный подход к изучению словообразовательных моделей иностранцами, начинающими изучать русский язык. Необходимость введения в курс русского языка диминутивов уже на базовом уровне вызвана большой популярностью и высокой частотой употребления слов с подобными суффиксами среди носителей русского языка. Благодаря знанию основных словообразовательных моделей иностранному студенту открывается широкий пласт лексики, а значит, повышается эффективность коммуникации. В настоящей работе предлагается комплексный дидактический материал для освоения слов с диминутивами и закрепления полученной теоретической информации на основе традиционного и коммуникативного методов. Система заданий включает в себя как упражнения на изучение формальных единиц и их функционирования в письменном или звучащем тексте, так и задания коммуникативной направленности для формирования навыка речевой деятельности. Способность видеть в слове производящую основу и аффиксы также является важным условием для дальнейшего эффективного понимания специальной лексики и текстов на более высоких уровнях владения русским языком.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, словообразование, словообразовательные модели, диминутивы, суффиксы

Для цитирования: Чернявская Я. Л. Словообразовательные модели с диминутивами в курсе русского языка как иностранного на базовом уровне // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 121–127. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-121-127.

Original article

WORD-FORMATION MODELS WITH DIMINUTIVES IN THE BASIC LEVEL TRAINING COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Yanina L. Chernyavskaya

Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia, yaninak@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6664-7929

Abstract. This work offers a systematic approach to the study of word-formation models by foreigners who are beginning to learn Russian, in particular, the formation of words with diminutive suffixes. Russian diminutives need to be introduced into the course already at the basic level due to the great popularity and high frequency of the use of words with such suffixes among native Russian language speakers. Thanks to the knowledge of the basic word-formation models, a wide layer of vocabulary opens up to foreign students. We propose comprehensive didactic material for mastering words with diminutives and consolidating information based on the traditional and communicative method. The system of tasks includes exercises for both the study of formal units and their functioning in a written or oral text and communicative orientation tasks for the formation of the skill of a corresponding speech activity. We conclude that the ability to see in a word the generating basis and affixes is also an important condition for further effective understanding of special vocabulary and texts.

Keywords: Russian as a foreign language; word formation; word-formation models; diminutives; suffixes

For citation: Chernyavskaya YaL. Word-formation models with diminutives in the basic level training course of Russian as a foreign language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(475):121-127. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-121-127.

Введение

Изучение грамматики на подготовительном курсе для иностранцев, готовящихся поступать в российские вузы, является обязательным компонентом программы. Цели и задачи довузовского курса диктуют требования системного знания языка, в отличие, например, от подготовки иностранцев, нуждающихся в основном в речевой коммуникации. В последнем случае оправданны популярны в настоящее время не прямые методы, как, например, активно развивающийся сейчас коммуникативный метод, который предполагает в основном эффективное общение в языковой среде по темам, связанным с повседневной жизнью студентов, с проблемами, занимающими обучающихся [18. С. 34]. Однако в ситуации, когда иностранный студент за время обучения на подготовительном курсе вынужден не только освоить социально-бытовую сферу общения, не только научиться коммуницировать в повседневной жизни, но и получить базу для дальнейшего освоения специальных дисциплин, невозможно обойтись без понимания всей системы языка и действующих в ней процессов.

Грамматика является систематизирующим фактором. Знание грамматики позволяет быстрее осваивать научный стиль речи, облегчает обучение на специалитете. Очень важно понимание словообразовательных процессов русского языка, так как это помогает правильно и быстро «расшифровывать» значение слов, а следовательно, увеличивает эффективность чтения.

Словообразование — относительно молодая наука. Несмотря на то, что еще А. А. Шахматов [23. С. 1913] выделял словообразование в системе других наук, становление его как самостоятельного раздела связано с работами В. В. Виноградова, Г. О. Винокура и А. И. Смирницкого [4; 5; 19], а дальнейшее изучение и создание словообразовательной теории — с именами Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина, А. Н. Тихонова, И. С. Улуханова, Н. М. Шанского [9; 10; 16; 17; 20–22] и др. Принципы образования слов также изучались учеными разных стран: например, Л. Бауэр (английский язык) [26], Д. Корбин (французский язык) [27]. Следует отметить, что в романо-германской филологии словообразование рассматривается как часть морфологии [28], тогда как в русском языке в настоящее время это равноправные разделы науки о языке.

В контексте изучения русского языка как иностранного (РКИ) методологические основы представлены, в частности, в работах Л. В. Красильниковой [12–14], которая рассматривает словообразование как самостоятельный фрагмент лингводидактической модели языка [12. С. 29]. При этом исследователями отмечается необходимость комплексного характера изучения словообразования, а также обращения к словообразовательным темам на протяжении всего периода обучения иностранных учащихся русскому языку [7; 8; 15].

Тем не менее, изучению словообразования в курсе РКИ в настоящее время, по нашему мнению, уделяется недостаточно внимания. Несмотря на то, что во многих современных учебниках РКИ присутствуют темы из раздела «Словообразование», изучение словообразовательных моделей в них часто носит несистематический характер и представлено ограниченным набором продуктивных аффиксов, что также отмечают и другие исследователи (см., например: [15. С. 1859–1860]).

Набор словообразовательных моделей, рекомендуемых для уровня А2, в учебниках часто ограничивается суффиксами, образующих названия лиц по национальности или по профессии, популярными глагольными аффиксами и суффиксами прилагательных, а также основными чередованиями звуков в корнях глаголов [6. С. 11]. Однако уже в первые месяцы обучения иностранные студенты сталкиваются с употреблением в речи носителей языка уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые меняют внешний вид слова и часто затрудняют его понимание, при том что нередко придают только эмоциональную окраску, а в некоторых случаях даже не добавляют дополнительных значений. Человек может сказать «подружка» вместо «подруга» или «ножик» вместо «нож» не потому, что имеет в виду маленький размер объекта речи или выражает положительную оценку этого объекта. Такие слова с diminutivami¹, скорее всего, «служат для демонстрации доброжелательства по отношению к адресату» [3. С. 146]. Носитель языка часто не замечает, что меняет внешний вид слова, иностранец же, даже знающий производящее слово,

¹В данной работе мы используем термин «diminutiv» в узком значении «конкретный морфологический показатель — например, суффикс существительного, выражающий значение «уменьшительности».

обычно не в состоянии его соотносить с услышанным производным без определенного навыка работы с аффиксами.

Несмотря на исключительную популярность диминутивов в речи русскоговорящих [11], мы не обнаружили материалы для их изучения в современных учебниках, основанных на коммуникативном подходе (например, «Поехали» [24], «Дорога в Россию» [2], «Сорока» [1]), при этом и употребление производных слов с диминутивами авторы учебников стараются избегать.

Таким образом, видится необходимость в планомерной систематизированной работе со словообразовательными моделями уже на начальных уровнях изучения русского языка как иностранного, включающей в набор аффиксов, использующихся в изучаемых словообразовательных моделях, уменьшительно-ласкательные суффиксы как популярные в бытовой речи носителей языка.

Методы

В основе обучения иностранных студентов на подготовительном курсе мы полагаем традиционный (аналитический) подход. Что не отрицает использования и непрямых методов, например, аудиолингвального и аудиовизуального, которые предполагают тренировку языковой формы без опоры на значение изучаемого явления [5. С. 31].

В статье мы попытались представить порядок работы с русскими диминутивами в курсе РКИ на базовом уровне (А2). Цель исследования — определить средства обучения для эффективного освоения уменьшительно-ласкательных суффиксов иностранцами, начинающими изучать русский язык.

Результатом работы является комплекс дидактических материалов, который может быть использован в курсе РКИ на начальных этапах обучения. Для практического применения предлагается структурировать словообразовательный лингводидактический материал (в том числе модели с диминутивами) в виде рабочих листов [25], которые можно интегрировать с любой программой, соответствующей государственному стандарту.

Обсуждение

Уже на первых занятиях, изучая правила чтения и запоминая первые русские слова, иностранцы получают впечатление о том, как устроен русский язык. Например, слушая и повторяя припев «Калинка, калинка, калинка моя, в саду ягода малинка, малинка моя», получая пояснение от преподавателя, студент узнает, что «калинка» и «ма-

линка» — это ягоды. Но в словаре эти слова имеют немного другой вид: «калина» и «малина». Морфема -к- с существительными женского рода используется очень часто и имеет несколько значений. Однако для изучающего русский язык на данном этапе важно не узнать все значения, а понять, что русские слова не монолитны. Добавляемые форманты могут существенно не менять значение слова (как в случае «малина» — «малинка»), но могут, например, привносить некоторую субъективность или добавлять значение «маленький». Иностранцам нужно привыкнуть соотносить услышанное новое слово с суффиксом -к- со знакомым словом без этой морфемы, так как модель типа «малина» — «малинка» является достаточно частотной. Для отработки навыка преподаватель может предложить как называть исходные слова для слов, образованных с помощью данной словообразовательной модели («лапка, рыбка, картинка, лопатка, березка, неделька, ночка»), так и самостоятельно образовать слова с этим суффиксом («ягода — ягодка», «рама — рамка», «гора — горка», «стена — стенка» и т. п.).

Необходимо отметить ведущую роль преподавателя в процессе изучения словообразовательных моделей. Независимо от наличия в учебных материалах заданий по словообразованию, преподаватель обращает внимание студентов на определенные форманты, анализирует состав слова, проводит параллели с подобными словами и показывает связи, формируя, таким образом, у студентов представление о языке как системе, выявляя словообразовательные закономерности и помогая практически применять эти знания.

Таким образом, изучение диминутивов начинается с суффикса -к-, присоединяющегося к существительным женского рода. На занятии, посвященном уменьшительно-ласкательным суффиксам, повторяется данная словообразовательная модель и добавляются другие частотные суффиксы. Для слов женского рода это -оньк-/-еньк-, -очк-/-ечк- и -ичк-. Начинается работа с конструирования производных слов с данными суффиксами. При этом обращается внимание на то, что перед этими аффиксами происходит чередование: к//ч, г//ж, х//ш, ц//ч. Также при использовании суффикса -к- характерно изменение основы: если в конце основы две согласные, то при присоединении суффикса между ними появляется гласная («о» после твердых или «е» после мягких, а также после «ж» и «ш»). Подобный же процесс происходит при формообразовании родительного падежа множественного числа.

Студентам предлагается самостоятельно сделать производные слова по заданной модели, используя предложенные суффиксы и обращая внимание на чередования. Суффиксы -оньк-/-еньк- и -очк-/-ечк- даются парами. Выбор регулируется стандартным правилом: после твердых согласных выбираем суффиксы с гласной «о», после мягких (плюс «ш» и «ж») согласных — с гласной «е». Таким же образом вводятся суффиксы существительных мужского рода -ик-, -очек-, -ок-/-ек- и -чик-, а также существительных среднего рода -к-, -ышк-/-ишк-, -иц- и -ечк-. Письменная работа по модели «производящее слово — суффикс (пара суффиксов) — производное слово» помогает студентам запомнить суффиксы (хотя слова с этими суффиксами, скорее всего, окажутся в пассивном словарном запасе) и учит видеть в новом слове производящую основу, что, в свою очередь, влияет на понимание новой лексики. Если производящее слово знакомо студенту, то и новое слово, образованное по известной модели, тоже легко понять.

Так как слова в языке существуют не изолированно, а встраиваются в контекст, студентам предлагается вычленивать слова с диминутивами из текста и заменить их на слова без уменьшительных суффиксов.

Напишите слова без уменьшительных суффиксов.

А.

У мышки всё маленькое: диванчик, креслице, столик, стульчик, шкафчик. А. У слона обычные диван, ..., ..., ..., ..

Б.

Это рассказ о ёжике, лисичке и лошадке. Они всё делают, как люди, а не как настоящие ..., ... и ....

Преподаватель должен объяснить иностранным студентам, что слова с диминутивами бывают эмоционально окрашенными. Особенно явно эта коннотация выражена у производных прилагательных (суффикс -еньк-) и наречий (к основе производного прилагательного добавляется суффикс -о-). Прилагательные и наречия с диминутивами чаще используют женщины, чем мужчины.

Студенты тренируются находить в тексте слова с диминутивами и понимать их.

В листьях на земле тихонько шуришит мышка. Она запасает зёрнышки на зиму. Наступит зима, выпадет снежок, а у мышки в норке есть еда. Только сначала надо хорошенечко побегать, положить в кладовую запасы: сухие фрукты, травку,

семечки. Иногда в норе у мышки находят несколько килограммов зерна.

Для аудирования можно использовать аутентичный мультфильм «Осьминожки». Студенты слушают текст, записывают пропущенные слова и высказывают предположения о производящем слове на основании известных словообразовательных моделей.

Для этих целей преподаватель готовит отрывок из мультфильма (временной интервал 5:30–6:00), доступ к которому можно обеспечить через ссылку или по коду.

Солнце греет лучшие печки,

Папа дремлет на крылечке,

А ...-...

Что-то чертят на ....

Палка, палка, ...,

Вот и вышел ....

А теперь добавим ...,

Получился ....

Записанные слова предлагается поставить в именительный падеж и рядом указать слово без уменьшительного суффикса (при это допускается обращаться к словарю, задавать вопросы другим студентам и преподавателю): крылечко — крыльцо.

Также для аудирования подходит песня «В лесу родилась елочка», которая изобилует словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Кроме суффиксов, которые «уменьшают» предмет, есть аффикс, который, наоборот, «увеличивает», плюс имеет эмоциональную коннотацию. Студенты устно продолжают фразу, используя производное слово с суффиксом -ищ-: «*Это не дом, а...домище. Это не нос, а...носище. Это не руки, а...ручищи*» и т. д. Обращается внимание на чередование г//ж, к//ч, х//ш и на окончание производного слова: -е у слов мужского рода, -а у слов женского, -и для множественного числа.

Практикуясь, студенты выполняют различные задания, которые подаются в игровой форме, например, найти производные слова в облаке слов (*домище, внук, лес, глаза, дом, ушко, лесок, горюдок, внучек, глазищи, ухо*) или определить «лишнее» слово:

а) *хвостище, глазище, усище, носики;*

б) *лесок, садок, мячик, мосток;*

в) *листок, рыбка, утёнок, корешок.*

Студенты могут объяснять, что значат заданные слова (*ключик, бумажка, стенка, косточка, кровяца, кружочек, быстренько*) через поиск производящего слова и значение аффиксов.

Заключение

Производящие слова часто уже известны иностранцу, обучающемуся на базовом уровне. Знание распространенных словообразовательных моделей значительно расширяет лексический запас студента и помогает в понимании аутентичных текстов, как письменных, так и звучащих. Именно поэтому работа со словообразовательными моделями важна уже

на начальных этапах обучения. За относительно небольшое время с помощью традиционного и коммуникативного метода иностранный обучающийся получает возможность понимать большой пласт лексических единиц, применяемых носителями языка в бытовой сфере общения. А умение видеть компоненты слова и определять их значение создает фундамент для эффективного чтения.

Список источников

1. Авери М. Сорока 2. Русский язык для детей : учебник. Греция, 2022. 70 с.
2. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию : учебник русского языка (базовый уровень). М. : ЦМО МГУ им. М. В. Ломоносова ; СПб. : Златоуст, 2009. 256 с.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 712 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове : учеб. пособие. М. : 2001. 718 с.
5. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 492 с.
6. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / сост. М. М. Нахабина и др. М. ; СПб. : Златоуст, 2001. 32 с.
7. Дмитриева Д. Д. Изучение словообразования на занятиях по русскому языку как иностранному // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 47–49.
8. Добровольская В. В. Словообразование в системе РКИ // Stephanos. 2019. № 1 (33). С. 108–114.
9. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М. : Флинта : Наука, 2011. 324 с.
10. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. 304 с.
11. Китанина Э. А. Диминутивы как составная часть народно-разговорной речи современного города // Филология в XXI веке. 2019. № 1. С. 128–131.
12. Красильникова Л. В. Русское словообразование в аспекте РКИ: определение, основные единицы и направления описания // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2010. № 3-4. С. 29–32.
13. Красильникова Л. В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов: на материале суффиксальных существительных. М. : МАКС Пресс, 2011. 360 с.
14. Красильникова Л. В. Методический потенциал единиц системы русского словообразования // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 15. М. : МАКС Пресс, 2014. С. 3–13.
15. Крючкова Л. С. Функциональное словообразование как один из аспектов обучения РКИ // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 1858–1862.
16. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М. 1965. 78 с.
17. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977. 316 с.
18. Методика обучения иностранным языкам : учебное пособие / сост. Л. Р. Сакаева, А. Р. Баранова. Казань : КФУ, 2016. 189 с.
19. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. 260 с.
20. Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971. 387 с.
21. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977. 256 с.
22. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык: Словообразование. М., 1981. 255 с.
23. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка (курс, читанный в С.-Петербургском университете в 1911/12 уч. году). СПб., 1913. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/63232#mode/inspect/page/124/zoom/4> (дата обращения : 24.06.2022).
24. Чернышов С. И., Чернышова А. В. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс : учебник. Часть 1.1. СПб. : Златоуст, 219. 176 с.

25. Чернявская Я. Л. Конструктор русских слов : учеб. пособие. Тюмень, 2022. 96 с.
26. Bauer L. English Word-formation. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 266 p.
27. Corbin D. Morphologie derivationnelle et structuration du lexique. Niemeyer, 1987. 937 p.
28. Hacken P., Panocová R. Word Formation, Borrowing and their Interaction. 2020. URL: <https://www.researchgate.net/publication/342424916> (дата обращения: 24.06.2022).

References

1. Averi M. Soroka 2. Russkij yazyk dlya detej: uchebnik = Magpie 2. Russian for children: textbook. Greece; 2022. 70 p. (In Russ.).
2. Antonova VE, Nahabina MM, Tolstyh AA. Doroga v Rossiyu = The Road to Russia: textbook. Moscow: СМО МГУ им. М. В. Ломоносова; Saint-Petersburg: Zlatoust; 2009. 256 p. (In Russ.).
3. Apresyan YD. Izbrannye trudy. Tom II. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya = Selected works. Volume II. Integral description of language and system lexicography. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury; 1995. 712 p. (In Russ.).
4. Vinogradov VV. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove: uchebnoe posobie = Russian language. Grammatical teaching about the word: textbook. Moscow; 2001. 718 p. (In Russ.).
5. Vinokur GO. Izbrannye raboty po russkomu yazyku = Selected works on the Russian language. Moscow; 1959. 492 p. (In Russ.).
6. Gosudarstvennyj standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Bazovyj uroven' = The state standard for Russian as a foreign language. Basic level. Moscow, Saint-Petersburg: Zlatoust; 2001. 32 p. (In Russ.).
7. Dmitrieva DD. Studying word formation in the classroom of Russian as a foreign language. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2020;9(1(30):47-49. (In Russ.).
8. Dobrovolskaya VV. Word formation in the RFL system. *Stephanos*. 2019;(1(33):108-114. (In Russ.).
9. Zemskaya EA. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost' = Word formation as an activity. Moscow: Flinta: Nauka; 2011. 324 p. (In Russ.).
10. Zemskaya EA. Sovremennyy russkij yazyk. Slovoobrazovanie = Modern Russian language. Word formation. Moscow; 1973. 304 p. (In Russ.).
11. Kitanina EA. Diminutives as an integral part of the vernacular speech of a modern city. *Filologiya v XXI veke = Philology in the XXI century*. 2019;(1):128-131. (In Russ.).
12. Krasil'nikova LV. Russian word formation in the aspect of Russian as a foreign language: definition, basic units and directions of description. *Mezhdunarodnyj aspirantskij vestnik. Russkij yazyk za rubezhom = International Postgraduate Bulletin. Russian language abroad*. 2010;(3-4):29-32. (In Russ.).
13. Krasil'nikova LV. Slovoobrazovatel'nyj komponent kommunikativnoj kompetencii inostrannyh uchashchih-sya-filologov: na materiale suffiksaly'nyh sushchestvitel'nyh = The word-formation component of the communicative competence of foreign students-philologists: on the material of suffixal nouns. Moscow: MAKS Press; 2011. 360 p. (In Russ.).
14. Krasil'nikova LV. Methodological potential of units of the system of Russian word formation. In: Slovo. Grammatika. Rech'. Vyp. 15 = Word. Grammar. Speech. Iss. 15. Moscow: MAKS Press; 2014. P. 3–13. (In Russ.).
15. Kryuchkova LS. Functional word formation as one of the aspects of RFL teaching. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii = Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*. 2016;(5);1858-1862. (In Russ.).
16. Kubryakova ES. Chto takoe slovoobrazovanie = What is it: word formation. Moscow; 1965. 78 p. (In Russ.).
17. Lopatin VV. Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika. Problemy i principy opisaniya = Russian word-formation morphemic. Problems and principles of description. Moscow; 1977. 316 p. (In Russ.).
18. Metodika obucheniya inostrannym yazykam = Methods of teaching foreign languages: textbook. Kazan': KFU; 2016. 189 p. (In Russ.).
19. Smirnickij AI. Leksikologiya anglijskogo yazyka = Lexicology of the English language. Moscow; 1956. 260 p. (In Russ.).
20. Tihonov AN. Problemy sostavleniya gnezdovogo slovoobrazovatel'nogo slovarya sovremennogo russkogo yazyka = Problems of compiling a nest word-formation dictionary of the modern Russian language. Samarkand; 1971. 387 p. (In Russ.).

21. Uluhanov IS. Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i principy ee opisaniya = Word-formation semantics in the Russian language and the principles of its description. Moscow; 1977. 256 p. (In Russ.).
22. Shanskij NM, Tihonov AN. Sovremennyy russkij yazyk: Slovoobrazovanie = Modern Russian language: word formation. Moscow; 1981. 255 p. (In Russ.).
23. Shahmatov AA. Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (kurs, chitannyj v S.-Peterburgskom universitete v 1911/12 uch. godu) = An essay on the modern Russian literary language (a course taught at St. Petersburg University in 1911/12 academic year). Saint-Petersburg; 1913. Available from: <http://elib.shpl.ru/nodes/63232#mode/inspect/page/124/zoom/4> (accessed: 24.06.2022) (In Russ.).
24. Chernyshov SI, Chernyshova AV. Poekhali! Russkij yazyk dlya vzroslyh. Nachal'nyj kurs = Let's go! Russian for adults. A course for beginners. Textbook. Part 1.1. St. Petersburg: Zlatoust; 2019. 176 p. (In Russ.).
25. Chernyavskaya YL. Konstruktor russkih slov = Constructor of Russian words. Study guide. Tyumen'; 2022. 96 p. (In Russ.).
26. Bauer L. English Word-formation. Cambridge: Cambridge University Press; 1983. 266 p.
27. Corbin D. Morphologie derivationnelle et structuration du lexique. Niemeyer; 1987. 937 p.
28. Hacken P, Panocová R. Word Formation, Borrowing and their Interaction. 2020. Available from: <https://www.researchgate.net/publication/342424916> (accessed: 24.06.2022).

Информация об авторе

Я. Л. Чернявская — кандидат филологических наук, доцент дирекции внешних коммуникаций и международных связей.

Information about the author

Yanina L. Chernyavskaya — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Direction of External Communications and International Relations.

---

*Статья поступила в редакцию 20.09.2022;
одобрена после рецензирования 07.11.2022; при-
нята к публикации 12.08.2023.*

*The article was submitted 20.09.2022; approved
after reviewing 07.11.2022; accepted for publication
12.08.2023.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ QUESTIONS OF TRANSLATION STUDIES

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 128–134.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(6(476):128-134. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК: 81'1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-128-134

НОМИНАЦИИ РОССИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ: МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

**Карина Сергеевна Волошина¹, Алла Викторовна Большак²,
Наталья Юрьевна Сайбель³**

^{1,2,3} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ ksvoloshina@gmail.com

² al.bolshak@mail.ru

³ saybel-natali@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются модели образования номинаций исторических и социально-политических реалий, отражающих российскую действительность в период с первой половины XX века по настоящее время. Также рассматриваются способы их перевода на английский язык. Выбор темы исследования обусловлен тем, что представленный в нем анализ: 1) позволяет проследить эволюцию определенного языкового пласта на фоне глубоких изменений, которые претерпело российское общество за последнее столетие; 2) дает возможность расширить горизонты знаний как носителей русского языка, так и англоговорящей аудитории в отношении ряда ключевых событий, которые повлияли на формирование национальной идентичности представителей русского мира.

Ключевые слова: национальная идентичность, менталитет, способ перевода, семантический процесс, исторический и социально-политический дискурс

Для цитирования: Волошина К. С., Большак А. В., Сайбель Н. Ю. Номинации российских исторических и социально-политических реалий: модели образования и способы перевода на английский язык // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 128–134. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-128-134.

Original article

RUSSIAN HISTORICAL AND SOCIO-POLITICAL REALIA NOMINATIONS: FORMATION PATTERNS AND METHODS OF TRANSLATION INTO ENGLISH

Karina S. Voloshina¹, Alla V. Bolshak², Natalia Yu. Saybel³

^{1,2,3} Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ ksvoloshina@gmail.com

² al.bolshak@mail.ru

³ saybel-natali@yandex.ru

Abstract. The article discusses formation patterns of the nominations of historical and socio-political realities that reflect life in Russia from the first half of the 20th century to the present times. It also touches upon the ways of translation of these lexical units into English. The choice of the research topic is due to the fact that, on the one hand, it makes it possible to trace the evolution of a certain linguistic layer against the backdrop of profound changes Russian society has undergone over the past century, on the other hand, it broadens the mind of both

Russian and English-speaking audiences regarding key events that influenced the national identity formation of the Russian world.

Keywords: national identity, mentality, method of translation, semantic process, historical and socio-political discourse

For citation: Voloshina KS, Bolshak AV, Saybel NYu. Russian historical and socio-political realia nominations: formation patterns and methods of translation into English. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):128-134. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-128-134.

Введение

Статья фокусируется на лексико-семантическом анализе номинаций российских исторических и социально-политических реалий, которые отражают менталитет и мировосприятие русскоговорящих людей, проживающих не только на территории РФ и в странах постсоветского пространства, но и в других государствах. В работе также представлены способы перевода этих лексических единиц на английский язык.

Актуальность темы обусловлена возможностью проследить соотношение происходящих в языке семантических процессов и когнитивным опытом определенных групп людей.

Цель исследования заключается в представлении основных моделей образования номинаций обозначенных выше реалий, а также способов достижения их эквивалентности в английском языке.

Постановка цели обусловила необходимость решения следующих **задач**: 1) отобрать номинации реалий с наиболее яркими смыслами и описать семантическую мотивацию их возникновения [3. С. 12]; 2) показать взаимосвязь между жизненными циклами реалий; 3) проиллюстрировать подходы к переводу их номинаций на английский язык примерами из аутентичных источников. Для достижения поставленной цели и решения указанных задач использовались **методы** наблюдения, сплошной выборки, лингвокультурологический анализ, а также сравнительный метод, позволившие нам последовательно и аргументированно представить результаты исследования. Практическая значимость работы заключается в расширении лингвистической компетенции и совершенствовании переводческих навыков потенциальных реципиентов представленной в нем информации. Кроме того, сведения по истории вопроса могут повлиять на развитие критического мышления обучающегося, его умение самостоятельно осмысливать и применять полученные ранее знания [14. С. 24].

Материалом для исследования послужили русскоязычные и англоязычные СМИ, интернет-публицистика, научные статьи, а также художе-

ственные произведения, затрагивающие исторические и социально-политические стороны жизни нашей страны.

Отобранные наименования реалий представлены в работе тремя группами: первичные, вторичные [13. С. 173] и заимствованные. Все они в той или иной степени отражают языковую культуру русскоязычного общества [8. С. 306]. К первичным относятся: 1) номинации, обозначающие реалии, значения которых с момента их появления и по настоящее время не менялись; 2) номинации реалий, появившихся в России, но ставших достоянием всего здравомыслящего человечества; 3) номинации реалий, содержательное наполнение которых по ряду причин претерпело корректировку. Вторичные номинации — это лексемы, характеризующиеся трансформациями семантического объема [9. С. 65], то есть слова, которые в дополнение к своему первоначальному значению приобрели новый колорит и, соответственно, новый контекст употребления. Третья группа — это иностранные лексемы, русские соответствия которых чаще всего достигаются посредством транскрипции или калькирования.

Начнем с реалий, номинации которых изначально были образованы для обозначения новых понятий. В 1931 году в СССР был введен комплекс ГТО — *Готов к труду и обороне*, который представлял собой программу всесторонней физической подготовки граждан страны и имел глубокую идейную и политическую направленность, что отражено в самом его названии. С распадом Советского Союза о нормах ГТО все забыли, и лишь в 2014 году благодаря указу президента В. В. Путина в России началось возрождение этого движения [1. С. 39].

...нормативы и требования комплекса ГТО периодически изменялись...¹

¹ Гогин А. Б., Гогина Н. В. Физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне»: вчера и сегодня // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 4 (48). С. 40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizkulturno-sportivnyy-kompleks-gotov-k-trudu-i-oborone-vchera-i-segodnya/viewer> (дата обращения: 01.05.2023).

В ряде русско-английских словарей перевод рассматриваемой лексической единицы представлен калькированной версией.

This week, *Putin signed an executive order to bring back the Ready for Labor and Defence programme...*¹

К этой же группе можно отнести и такие актуальные на сегодняшний день понятия, как *тревожный чемоданчик* — набор необходимых продуктов и вещей на случай чрезвычайного происшествия (английский аналог — *3 Day Pack*), *Общероссийский народный фронт* (калькированная версия — *The All-Russia People's Front*), *семейный подряд* — реализация трудовой деятельности членами одной семьи (смешанный перевод: калька + семантическое соответствие — *family contract*).

Особый интерес представляют номинаций реалий, которые, будучи отражением менталитета русскоговорящих людей, приобрели интернациональный характер. Например, 9 мая в России и во многих других странах проводится гражданско-патриотическая акция, метафорическое название которой «Бессмертный полк» в полной мере отражает стереотипы, пропагандируемые в российском обществе [5].

«Бессмертный полк» — некоммерческая, неполитическая, негосударственная гражданская инициатива².

В английском языке номинация указанной реалии также представлена калькой русского названия.

*“Immortal Regiment” marches pay tribute to WW2 heroes worldwide*³.

Теперь перейдем к номинациям реалий, которые, продолжая функционировать в своем первоначальном значении, подверглись некоторым содержательным модификациям. С 2007 года в России начала действовать такая мера государственной поддержки семей с детьми, как *материнский капитал*.

¹ Malm S. Fitness Firstski! Putin introduces Stalin-style “Ready for Labour and Defence” exercise programme to get Russians into shape. URL: <https://www.dailymail.co.uk/> (дата обращения: 10.02.2023).

² Малафеев А. В. «Бессмертный полк» как сохранение памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхе-ма. 2022. № 1 (46). С. 87.

³ Dean J. Russian Immortal Regiment WW2 marches go worldwide. *Alternative Foreign Policy*. 2016. URL: <https://www.veteranstoday.com/2016/05/09/russian-immortal-regiment-wwii-marches-go-worldwide/> (дата обращения: 10.07.2023).

Материнский (семейный) капитал — это мера государственной поддержки российских семей...⁴

Изначально деньги выплачивались после рождения или усыновления второго и последующего ребенка, поэтому в англоязычных источниках наряду с калькой *maternity capital* и *maternity fund* использовался и описательный вариант перевода данного термина — *federal subsidies for multiple-child families*. С 2020 года такая форма материальной помощи стала оказываться и семьям с одним ребенком [2. С. 200], по причине чего перевод посредством дефиниции утратил свою актуальность.

*The maternity capital benefits in the country saw an increase in recent years...*⁵

Далее рассмотрим механизм образования номинаций реалий путем лексикализации, когда названия каких-либо понятий закрепляются в языке вследствие семантического сдвига. Так, во время проведения референдума в Крыму о присоединении полуострова к России на форме военных, обеспечивающих порядок на данной территории, не было никаких опознавательных знаков. Тем не менее все знали, что это были представители армии РФ. Мероприятие прошло мирно, военные вели себя корректно, в результате чего их стали называть «вежливые люди» [11. С. 238]. Таким образом, благодаря ассоциативным связям свободное словосочетание перешло в разряд устойчивых выражений, приобретя функцию номинации.

*...выражение „вежливые люди“ прочно вошло в политический и бытовой лексикон всей страны...*⁶

Как и в большинстве случаев, в английском варианте данная лексическая единица представлена калькированной версией — *polite people*.

*Crimean authorities honor Russian troops with “Polite People” monument*⁷.

Однако следующий пример показывает, насколько диаметрально противоположными могут оказаться значения одной и той же лексической

⁴ Материнский капитал. Социальный фонд России. URL: <https://sfr.gov.ru/grazhdanam/msk/> (дата обращения: 04.02.2023).

⁵ Value of maternity capital benefits paid by the government in Russia from 2007 to 2025. URL: <https://www.statista.com/statistics/1023323/russia-maternal-capital-benefits/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶ Вежливые люди. День Сил специальных операций России. Военное обозрение. 2018. URL: <https://topwar.ru/136719-vezhlivye-lyudi-den-sil-specialnyh-operaciy-rossii.html> (дата обращения: 17.02.2023).

⁷ URL: en.news-front.info (дата обращения: 11.07.2023).

единицы под воздействием экстралингвистических факторов. Речь идет о жаргонном существительном *шарага*, или, как вариант, *шарашка*. Более ранним его значением было *несолидное, не вызывающее доверия учреждение*, откуда и произошло выражение *шарашкина контора*. В годы сталинских репрессий *шарагой*, или *шарашкой*, стали называть конструкторское бюро, представлявшее собой пенитенциарное учреждение, в котором, по сути, эксплуатировался труд специалистов разного профиля [6. С. 859]. В романе А. И. Солженицына «*В круге первом*» данная номинация выполняет функцию одного из ключевых слов.

— *Чёрт знает, на этой шарашке сидишь, как в болоте, — от всей жизни отрываешься*¹.

Есть несколько англоязычных версий данного произведения, но во всех из них указанная номинация воспроизведена посредством транскрипции — *sharashka*. Вот пример из перевода, выполненного Гарри Т. Уиллетсом.

“*Sitting in this sharashka, God knows, is like being stuck in a swamp. You’re cut off from the land of the living*”².

Теперь обсудим номинации реалий, которые с течением времени не только не утратили частотности употребления в русском языке, но и в свете современных событий начали использоваться для обозначения новых концептов российского исторического и социально-политического дискурса. К таковым относится словосочетание *Молодая гвардия*, которое после выхода в свет романа А. А. Фадеева с одноименным названием, повествующего о подвиге молодых подпольщиков в годы Великой Отечественной войны, стало символом стойкости, беспримерного мужества и беззаветной любви к Родине многих поколений русскоязычных людей. Приведем пример использования этой номинации непосредственно самим автором произведения и вариант ее перевода на английский язык, в котором смысловая и эмоциональная нагрузка сохранилась благодаря кальке исходной лексической единицы.

— *Я, Олег Кошевой, вступая в ряды членов Молодой гвардии, перед лицом своих друзей по оружию... торжественно клянусь...*³ — “*I, Oleg Ko-*

¹ Солженицын А. И. В круге первом. М. : Наука, 2006. С. 15.

² Fadeyev A. A. The young guard [Transl. from Russ. by Violet Dutt]. М. : Progress Publishers, 1982. P. 4.

³ Фадеев А. А. Молодая гвардия. М. : ООО «Издательство „Э“», 2015

*shevoi, on entering the ranks of the Young Guard take this solemn before my comrades-in-arms...*⁴.

Отражая национальную идентичность народа, российские исторические и социально-политические реалии играют важнейшую роль в том числе и в формировании его национальной идеи, которая проявляется в системе политических и нравственных ценностей общества [7. С. 135]. Так, в 2000 году в нашей стране была создана Всероссийская общественная организация «Молодая Гвардия Единой России», которая активно воплощает в жизнь мероприятия, направленные на защиту интересов нашего государства [10. С. 97]. Поиск в англоязычных источниках информации о деятельности молодежного крыла партии показал, что в инопрессе словосочетание *Young Guard* хоть и не часто, но упоминается, поэтому зарубежная аудитория отчасти имеет представление о первостепенных задачах, связанных с воспитанием молодого поколения в нашей стране. Способ перевода указанной номинации остался прежним — калькирование.

*Political cartoons are usually satirical, filled with often grotesque caricatures parodying those in power, but the Young Guard... wanted to try something different*⁵.

К третьей группе относятся номинации реалий, которые, отражая те или иные аспекты жизнедеятельности западных стран, вошли и в наш обиход. Рассмотрим это положение на примере термина *приватизация* (авторство которого принадлежит американскому экономисту Роберту У. Пулу [15. P. 381]), обозначающего передачу активов и управленческих функций от государственного сектора частному [12. С. 47].

*All around the world, government services and enterprises are being shifted into the private sector via a phenomenon known as privatization*⁶.

В России активная приватизация госсобственности началась после распада СССР в рамках проведения экономической реформы, целью которой было преобразование системы управления различными организациями и бизнес-структурами страны. В русский язык данный термин был заимствован путем натурализации — *приватизация*.

⁴ Fadeyev A. A. The young guard. P. 7.

⁵ Crowther S. Russia’s ruling party hosts exhibition of patriotic cartoons. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/nov/05/russia-youth-patriotic-putin-cartoon-exhibition> (дата обращения: 01.05.2023).

⁶ Poole R. Privatization: Providing better services with lower taxes. URL: <https://liberty-intl.org/1988/10/12/privatization-providing-better-services-with-lower-taxes/> (дата обращения: 20.03.2023).

Также сегодня в российских СМИ часто упоминаются такие понятия, как *импортозамещение* (калька английского термина *import substitution*), *зеленое* (то есть экологичное) *домостроение* (калька английского *green building*), *релокация* (натурализация существительного *relocation* — *переезд*), причем в русском языке это нейтральное английское слово приобрело несколько специфический оттенок, поскольку используется по отношению к россиянам, которые сейчас покидают страну по политическим мотивам.

Выводы

Изучение моделей образования номинаций российских исторических и социально-политических реалий, а также способов их перевода на

английский язык позволило нам: 1) дать лингвистическое объяснение появления этих названий; 2) проследить частотность их употребления в англоязычных источниках и получить представление об уровне осведомленности зарубежной аудитории об этой категории концептов; 3) продумать план дальнейшего исследования данного лексического пласта, учитывая доминирующую роль английского языка в мировом информационном пространстве. Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что реалии, как и их номинации, появляются в результате осмысления человеком окружающей его действительности [4. С. 1556], и использование данных лексических единиц полностью соответствует закономерностям внутреннего развития языка.

Список источников

1. Гогин А. Б., Гогина Н. В. Физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне»: вчера и сегодня // Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал. 2015. № 4 (48). С. 38–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizkulturno-sportivnyy-kompleks-gotov-k-trudu-i-oborone-vchera-i-segodnya/viewer> (дата обращения: 01.05.2023).
2. Жихорева А. В. Материнский (семейный) капитал: понятие, механизм и проблемы его реализации // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 199–204.
3. Зарипова В. М. Номинация лиц в языке газеты: эволюция этикетных тенденций : монография. Самара : Изд-во СГАУ. 2016. 180 с.
4. Каторгина Д. Ю. Общие основания изучения номинации групп людей в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 5. С. 1554–1558.
5. Котик О. В., Толстикова Л. В. Лексические стилистические средства в информативно-побудительном виде научного текста: эпитеты в англоязычном юридическом тексте // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/42FLSK123.pdf> (дата обращения: 08.07.2023).
6. Красильников С. А. Становление советских «шарашек» в начале 1930-х гг.: причины, институты, персоны // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 74–83.
7. Крюкова Е. Л., Лемьева И. В., Ларионова А. А. Национальная идея для современной России // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. Т. 2, № 3. С. 132–138.
8. Моисеева Т. Ю., Осыченко Е. А. Структурно-семантическое исследование образования эргонимов: сравнительный аспект // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 305–308.
9. Сапиева С. К. Языковая номинация и проблема ее ономаσιологического исследования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 62–68.
10. Степанов А. А. «Молодая гвардия Единой России» в общественно-политической жизни РФ 2000–2013 годов // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 78. С. 91–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodaya-gvardiya-edinoy-rossii-v-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-rf-2000-2013-godov/viewer> (дата обращения: 08.07.2023).
11. Тимофеев С. Е. Составное наименование «вежливые люди» в современном политическом и масс-медиа дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 236–244.
12. Филатова Н. Г. Эффективность современной приватизации: исследование методами экономической теории // Журнал экономической теории. 2016. № 4. С. 45–54.
13. Ягафарова Г. Н. Основные ономаσιологические понятия // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2010. № 13 (194). С. 172–177.

14. Якунина Н. А. Критическое мышление: аналитическое осмысление понятия // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2019. Т. 18, № 4 (42). С. 21–26.

15. Block, W. The privatization of roads and highways. Ludwig von Mises Institute. USA. 2009. 475 p. https://cdn.mises.org/The%20Privatization%20of%20Roads%20and%20Highways_2.pdf (дата обращения: 09.07.2023).

References

1. Gogin AB, Gogina NV. Physical culture and sports complex “Ready for labour and defence”: yesterday and today. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal) = Modern research of social problems (electronic scientific journal)*. 2015;(4(48):38-45. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizkulturno-sportivnyy-kompleks-gotov-k-trudu-i-oborone-vchera-i-segodnya/viewer> (accessed: 01.05.2023). (In Russ.).

2. Zhikhoreva AV. Maternity (family) capital: concept, mechanism and problems of its implementation. *Molodoy uchenyy = Young scientist*. 2022;(24(419):199-204. (In Russ.).

3. Zaripova VM. Nominatsiya lits v yazyke gazety: evolyutsiya etiketnykh tendentsiy = Nomination of persons in the newspaper language: the etiquette trend evolution. Samara: SGAU Publ.; 2016. 180 p. (In Russ.).

4. Katorgina DYu. General grounds for studying the nomination of groups of people in modern English. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology*. 2021;14(5):1554–1558. (In Russ.).

5. Kotik OV, Tolstikova LV. Lexical stylistic means in the informative-motivating form of scientific text: epithets in English-language legal text. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023;14(1). Available from: <https://sfk-mn.ru/PDF/42FLSK123.pdf> (accessed: 08.07.2023). (In Russ.).

6. Krasil'nikov SA. The formation of Soviet “sharashkas” in the early 1930s: causes, institutions, persons. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik = Ural historical bulletin*. 2023;(1(78):74-83. (In Russ.).

7. Kryukova EL, Lemieva IV, Larionova AA. National idea for modern Russia. *Rossiyskiye regiony: vzglyad v budushcheye = Russian regions: a look into the future*. 2015;2(3):132-138. (In Russ.).

8. Moiseyeva TYu, Osychenko YeA. Structural-semantic study of the formation of ergonyms: a comparative aspect. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Baltic humanitarian journal*. 2019;8(2(27):305-308. (In Russ.).

9. Sapiyeva SK. Language nomination and the problem of its onomasiological research. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*. 2023;23(1):62-68. (In Russ.).

10. Stepanov AA. “The Young Guard of the United Russia” in the social and political life of the Russian Federation in 2000–2013. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*. 2020;(78):91-111. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodaya-gvardiya-edinoy-rossii-v-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-rf-2000-2013-godov/viewer> (accessed: 08.07.2023). (In Russ.).

11. Timofeyev SYe. The compound name “polite people” in modern political and mass media discourse. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. 2018;(5):236-244. (In Russ.).

12. Filatova NG. The effectiveness of modern privatization: a study by methods of economic theory. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of economic theory*. 2016;(4):45-54. (In Russ.).

13. Yagafarova GN. Basic onomasiological concepts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;(13(194):172-177. (In Russ.).

14. Yakunina NA. Critical thinking: analytical understanding of the concept. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus = Psychological and pedagogical journal “Gaudeamus”*. 2019;18(4(42):21-26. (In Russ.).

15. Block W. The privatization of roads and highways. Ludwig von Mises Institute. USA. 2009. 475 p. Available from: https://cdn.mises.org/The%20Privatization%20of%20Roads%20and%20Highways_2.pdf (accessed: 09.07.2023).

Информация об авторах

Карина Сергеевна Волошина — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

Алла Викторовна Большак — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

Наталья Юрьевна Сайбель — кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики.

Information about the authors

Karina S. Voloshina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of English in the Professional Sphere.

Alla V. Bolshak — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of English in the Professional Sphere.

Natalya Yu. Saibel — Cand. Sci. (Economy), Associate Professor of the Department of Theoretical Economics.

Статья поступила в редакцию 18.07.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 18.07.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 12.08.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-135-143

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Виктория Николаевна Карпухина^{1✉}, Светлана Анатольевна Осокина²,
Елена Александровна Савочкина³

^{1,2,3} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹vkarpuhina@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0145-1906

²osokina@filo.asu.ru, ORCID: 0000-0002-9480-1364

³savochkina71@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1257-9350

Аннотация. Статья посвящена аксиологической проблематике дискурса переводчика-постмодерниста в лингвоэкологическом аспекте. Объектом исследования является современный переводческий дискурс, предмет исследования — изменения лингвоаксиологической шкалы субъектов данного дискурса в парадигме постмодерна, отражающиеся в языке (стратегия «текстлифтинга»). В качестве материала выступают современные переводы англоязычных художественных текстов на русский язык. Основная задача статьи — выявление аксиологических констант и их лингвоэкологического статуса в современном переводческом дискурсе, в том числе в ситуациях политкорректности. Лингвоэкологическая проблематика постмодернистского переводческого дискурса связана, во-первых, с современной глобальной и демократичной тенденцией к сохранению аутентичного звучания оригинала в отношении стиля и используемой лексики, а во-вторых, с некоторым снижением требований к переводческой этике и эстетике в рамках постмодернистского дискурса. Переводческая этика в подобных ситуациях зачастую подчинена постмодернистской антиэстетике, бросающей вызов фундаментальным принципам классической школы советского перевода.

Ключевые слова: переводческий дискурс, постмодерн, политкорректность, лингвоаксиология, лингвоэкология

Благодарности. Исследование поддержано средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030».

Для цитирования: Карпухина В. Н., Осокина С. А., Савочкина Е. А. Лингвоэкология современного переводческого дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 135–143. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-135-143.

Original article

LANGUAGE ECOLOGY OF CONTEMPORARY TRANSLATOR'S DISCOURSE

Viktoriya N. Karpukhina^{1✉}, Svetlana A. Osokina², Elena A. Savochkina³

^{1,2,3} Altai State University, Barnaul, Russia

¹vkarpuhina@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0145-1906

²osokina@filo.asu.ru, ORCID: 0000-0002-9480-1364

³savochkina71@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1257-9350

Abstract. The paper considers the axiological problems of postmodern translator's discourse in the aspect of the ecology of language. The object of the study is the contemporary translator's discourse, its subject is the changes in the axiological linguistic scale of this discourse in the postmodern paradigm, reflected in the language (the “text lifting” strategy). The material under consideration is the contemporary translations of the English literary texts into Russian. The paper aims at the revealing of the contemporary translation discourse axiological constants and their linguistic ecology status in the contemporary translator's discourse, including the situations of political correctness. The linguistic ecology problems of the postmodern translator's discourse are connected, firstly, with the contemporary global and democratic tendency to transfer the authenticity of the source text, its style and

lexis, and secondly, with a decrease in the standards of translation ethics and aesthetics. Translation ethics in such situations is often subordinated to postmodern anti-aesthetics, which challenges the basic principles of the classical Soviet translation tradition.

Keywords: a translator's discourse, postmodernism, political correctness, axiological linguistics, ecology of language

Acknowledgments. The reported study was funded by the program "Priority 2030" of Altai State University.

For citation: Karpukhina VN, Osokina SA, Savochkina EA. Language ecology of contemporary translator's discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476)):135-143. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-135-143.

Введение

В статье рассматриваются аксиологические константы и их лингвоэкологический статус в коммуникативных ситуациях современного переводческого дискурса, в том числе в ситуациях политической корректности.

Лингвоэкология, или эколингвистика, — относительно новое направление языкознания, представляющее собой междисциплинарную область исследований, рассматривающих функционирование языка в целом и его отдельных проявлений с точки зрения взаимодействия со средой. При этом в качестве среды для определенного языка могут выступать как системы других языков, так и внешние экстралингвистические факторы, в том числе социального и культурного характера. А. П. Сковородников полагает, что экологическая «среда обитания» языка воздействует «на языковое сознание социума и, как следствие, на язык и его речевую реализацию» [12. С. 207]. Лингвоэкологическая проблематика находит свое отражение и в аспекте теории перевода. В данном случае тексты оригинала и перевода рассматриваются как целые взаимодействующие языковые экосистемы [10. С. 61], предметом исследования является «функционирование текстов оригинала и перевода в их природном, культурном, социальном окружении» [9. С. 72]. Изучение переводческого дискурса в аспекте лингвоэкологии на сегодняшний день становится актуальным в ситуациях исследования политкорректного языка (см.: [5–7; 21; 22]).

Лингвоэкологические проблемы, связанные с функционированием современного переводческого дискурса, уместно рассматривать в контексте процессов глокализации, которая определяется как «процесс трансформации локального и глобального вследствие их взаимодействия» [1. С. 105]. В языковом плане глокализацию можно рассматривать как столкновение специфических систем и словарного состава национальных языков в процессе их глобального

взаимодействия. Коммуникативные ситуации глокализации в рамках постмодернистского переводческого дискурса характеризуются на данном этапе развития следующей тенденцией. Русскоязычные переводчики, имея за плечами великую советскую школу перевода, перестали использовать «сглаживание» и типичный для упомянутой школы корректный язык и стали воссоздавать по мере возможности те формы выражения, которые сами англоязычные авторы в целом вполне приемлют. Они пытаются следовать современной глобальной и демократичной тенденции к сохранению аутентичного звучания оригинала, в особенности в отношении стиля и используемой лексики.

Однако еще В. Н. Комиссаров отмечал, что несовпадение особенностей аналогичных стилей в языках оригинала и перевода оказывает влияние на процесс перевода и проявляется в получающемся в результате тексте, что ведет к предъявлению особых требований к работе переводчика, а именно: «Если какие-то особенности обнаруживаются только в одном из языков, то при переводе происходит своеобразная стилистическая адаптация: специфические средства изложения в оригинале заменяются языковыми средствами, отвечающими требованиям данного стиля в ПЯ» [8. С. 126–127].

В частности, данные проблемы касаются передачи при переводе лексических единиц, относящихся к разговорной речи, а также единиц, маркированных как грубо-просторечные, сленговые и т. п. Проблемы лингвоэкологического порядка могут возникнуть также при передаче в переводе речевых штампов с идеологическим смыслом (лексики, употребляющейся в текстах преимущественно пропагандистского характера, связанных с вопросами расовой, национальной, религиозной, социальной, гендерной и иной тематики). Проблема состоит не только во введении нового понятия, набирающего значимость с точки зрения глобальных процессов, в национальный обиход, но и в приспособлении новой

лексемы к грамматическому строю и узуальным контекстам употребления в рамках национального языка. В отличие от традиционных вопросов адаптации заимствованных слов, в ситуации с передачей новых идеологем внимание уделяется и прагматическим — в частности, аксиологическим — аспектам функционирования новых слов, поскольку достаточно часто вводящиеся идеологические речевые штампы используются в качестве манипулятивных инструментов воздействия на потенциальную аудиторию.

Явление политической корректности языка, проявляющееся в «стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума» [14. С. 215], изначально выступало в англо-американской культуре как маркер лингвоэкологического подхода к коммуникации. Но постепенно политически корректная лексика и «феминистически верные» грамматические конструкции стали использоваться авторами парадигмы постмодерна как средство создания иронического эффекта текста. В частности, многие современные исследователи политкорректного дискурса соотносят его с инструментом манипулятивного воздействия на аудиторию и «языком неискренности» (см. [18. Р. 167; 15. С. 31; 21]).

Постмодернистский переводческий дискурс в ситуации политкорректности

Лингвоэкологической проблемой переводческого дискурса является «отсутствие точных и закрепленных в русскоязычном узусе эквивалентов английской политкорректной лексики (в частности, идеологических речевых штампов)» [7. С. 223]. В постмодернистских «Политически корректных сказках на сон грядущий» американского журналиста и прозаика Дж. Ф. Гарнера встречается достаточно большое количество иронически переосмысленных терминов, заимствованных из современного публицистического политкорректного дискурса. Возможно, это стало одной из причин того, что данные сказки все еще полностью не переведены на русский язык, имеется лишь несколько выборочных переводов (подробнее см.: [7]). Некоторые из использованных Гарнером терминов политкорректного дискурса вошли не так давно в русскоязычный узус (лексемы *сексист*, *лукист*, *расист*, *националист*, *этноцентрист*). Поскольку и в английском языке, который можно признать локомотивом по введению новой политкорректной лексики, такие слова, как *culturalist*, *ableist*, *sizeist*, *speciesist*, *heteropatriar-*

chalist и им подобные, являются редко употребляемыми и не зафиксированы в словарях (некоторые из них существуют только как авторские неологизмы), поиск или изобретение их русских эквивалентов становится весьма трудной задачей.

Сложности в передаче безэквивалентной лексики политкорректного дискурса не дают возможности Сергею Сивко перевести, к примеру, следующий фрагмент из переписанной в политкорректном ключе «Красной Шапочки» Дж. Ф. Гарнера: *Red Riding Hood said, "Oh, I forgot you are as optically challenged as a bat. Grandma, what big eyes you have!"*¹ — «О, прости, я ведь забыла, что ты видишь не лучше летучей мыши», — сказала Красная Шапочка. — Бабушка, какие у тебя большие глаза!»².

Политкорректная коллокация *optically challenged* («с проблемами в области зрения») не имеет абсолютно адекватного аналога в русском языке, и переводчик избегает ее в русскоязычном тексте. Более того, неадаптированное англоязычное сравнение слабовидящего человека с *летучей мышью*, дословно переданное на русский язык, еще больше усиливает комический эффект и создает эффект остранения переводимого текста.

Лингвоэкологическое равновесие политкорректного дискурса английского текста восстанавливается Гарнером в ситуации саркастической интерпретации идеологических политкорректных клише, которые перемещаются в контекст прецедентных сказок для детей. В лингвоэкологическом плане внутри английского языка в данном случае реализуется ситуация интердискурсивного переключения: происходит перемещение лексем из разных видов дискурса (феминистского, политического и других) в нехарактерную для них языковую среду, благодаря чему иначе интерпретируются их особые политкорректные коннотации. Проблемы возникают, когда данные, в сущности, локальные для англоязычного дискурса особенности употребления языковых выражений трансформируются в глобально значимые вопросы, и возникает проблема передачи соответствующего содержания в языках, в которых в силу экстралингвистических факторов соответствующие виды дискурса

¹ Garner J. F. *Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times*. New Jersey, 1994. URL: <https://bbs.pku.edu.cn/attach/85/31/8531ff112a962431/politically%20correct%20bedtime%20stories.pdf>

² Здесь и далее перевод С. Сивко (под ред. А. Олксенко) цитируется по: Гарнер Дж. Ф. Политически корректные сказки на ночь. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1>

(например, феминистский, антирасистский) развиты в гораздо меньшей степени.

Несовпадение экосистем разных языков проявляется в отсутствии языковых эквивалентов в языке перевода и необходимости прибегать к использованию переводческих трансформаций и приема компенсаторной замены при переводе текстов на другой язык. Подчеркнем, вопросы перевода безэквивалентной лексики и использования переводческих трансформаций в лингвоэкологическом ключе рассматриваются не просто с позиций отличия в словарном составе и структуре языков перевода и оригинала, но с гораздо более масштабных позиций. В частности, отсутствие русских эквивалентов для английских политкорректных выражений может быть обусловлено целым комплексом взаимосвязанных исторических, культурных, социальных, национальных, психологических, идеологических и многих других факторов, так что речь должна идти о комплексной экологической системе, влияющей на употребление языка, а не каком-либо из данных факторов в отдельности. Достаточно часто при передаче текста того или иного стиля с одного языка на другой происходит адаптация его стилистических характеристик [8. С. 125–127]. Наблюдения над различиями в текстах газетно-информационного стиля в английском и русском языках, сделанные В. Н. Комиссаровым, могут быть экстраполированы и на ситуации художественного перевода, поскольку и политически корректная лексика, и грамматика как коммуникативное явление были в свое время заимствованы в художественный дискурс из публицистического.

Лингвоэкология постмодернистского переводческого дискурса

Глокализация текста — одновременная отсылка к глобализационному контексту и контексту местных, локальных культур — восстанавливает лингвоэкологическое равновесие и в переводе неполиткорректной сказки Джеймса Финна Гарнера «The Three Little Pigs»¹. Персонажи данной сказки пытаются активно противостоять агрессии мирового империалиста — волка и отстаивают свои права на свободу и независимость в рамках идеологием постколониального дискурса в соответствии с основными принципами защиты прав и свобод ВІРОС (Black, Indigenous, People of Color). Однако в переводе на русский

¹ Ефременко Д. В. Глокализация // Большая российская энциклопедия — электронная версия. URL: <http://dev.bigenc.ru/sociology/text/2364647>

язык данной сказки С. Сивко и А. Олексенко осуществляют прагматическую компенсацию, меняя англоязычные политкорректные формулы на пародируемые клише советского идеологического дискурса (*свобод душитель; проклятый империалист; песня солидарности юных свиной*)². «Эмоциональная обусловленность ценностей базируется на переживаемой системе культурных приоритетов, а поступки вписываются в стереотипные действия, принятые в соответствующем обществе» [4. С. 8]. В данном случае мы наблюдаем реализацию таких установок переводческого дискурса парадигмы постмодерна, как антиосновность и антиреализм.

Восстановление лингвоэкологического равновесия в англоязычных текстах Гарнера наблюдается вследствие намеренного помещения устойчивых формул политкорректного дискурса ВІРОС в «чужой» жанровый контекст — контекст детских сказок, за счет чего происходит определенное остранение смысла этих устойчивых формул, и текст производит комический эффект. В рамках русскоязычного переводческого дискурса переводчики-постмодернисты для усиления комического эффекта текста используют не только приемы реконтекстуализации, но и прием намеренного нарушения лингвоэкологического баланса текста. Нарочитое столкновение разностилевых лексических единиц в тексте, использование просторечия и жаргонизмов с негативными коннотациями принципиально меняет оценочную окрашенность стилистически нейтральных фрагментов в текстах Гарнера: *Услыхав вдохновенную речь Красной Шапочки, бабушка выскочила из пасты Серого Волка, схватила принадлежащий дровосеку топор и снесла ему башку нафиг; Изрядно напуганные поросята ломанулись к домику, сделанному из прутьев; волк погнался следом, практически наступая им на пятки*³ и пр.

Подобное снижение стилистического регистра текста для достижения контакта с определенной частью аудитории — одна из характеристик постмодернистского переводческого дискурса, связанная с современной глобальной и демократичной тенденцией к сохранению аутентичного звучания оригинала в отношении стиля и используемой лексики. Ср., например, точку зрения на данную проблему, представленную в работе Е. В. Бреуса, который подчеркивает тот факт, что

² Гарнер Дж. Ф. Политически корректные сказки на ночь. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1>

³ Там же.

в русском и английском языках коммуникативная установка убеждения достигается по-разному: с помощью риторического возвышенного тона в русском языке и «путем установления личных доверительных отношений с Получателем» в английском языке [2. С. 52].

Социальная оценка фактов использования сниженного стилистического регистра речи в современном переводческом дискурсе связана с этическим и эстетическим критериями оценки качества перевода. В ситуациях возникновения новых переводов вместо уже имеющихся, ставших прецедентными, переводчики-постмодернисты зачастую идут на сознательное нарушение этических и эстетических традиционных критериев качества перевода. Подобное нарушение лингвоэкологического баланса переводческого дискурса направлено, как представляется, на формирование новых, более демократичных норм переводческой речи, на признание новой этики перевода (ср. идею Ж.-Ф. Лиотара о том, что постмодерн — это все, что в модерне является самым раздражающим, что отвергает все традиции хорошего вкуса [20]). С другой стороны, перед нами вновь тенденция к достижению наибольшей аутентичности переводного текста — в частности, в плане приближения к разговорному речевому регистру в противоположность принятому в классической советской школе перевода «сглаживанию» речевых характеристик персонажей художественных текстов (намеренная элиминация сленгизмов, диалектизмов, грубо-разговорной лексики из текста перевода).

Современная тенденция, направленная на достижение большей аутентичности, может быть проиллюстрирована, например, появлением новых переводов детской литературы, выполненных с учетом современной гендерной проблематики («Книга Джунглей» Р. Киплинга, «Винни-Пух» А. А. Милна и др.); новых переводов классики и беллетристики, созданных в соответствии с аксиологическими нормами соблюдения прав ВПРС (переписанные в русле идей политической корректности «Сказки дядюшки Римуса» Дж. Харриса, «Десять негритят» А. Кристи и др.). Хотелось бы заметить, что идея о возможности нарушения классических постулатов теории перевода не так уж и нова. Разные авторы называют этот процесс и его результат по-разному. Так, П. Еропкинский в статье «Текстлифтинг: больше, чем перевод» высказывает мысль о том, что язык перевода какого-либо произведения, выполненный полвека назад, несомненно, ближе к тексту ори-

гинала, но дальше от того языка, который является привычным современному молодому читателю. П. Еропкинский пишет о том, что переводы авторов прошлого надо выполнять заново для каждого нового поколения. Такой перевод автор статьи называет «текстлифтингом» [3. С. 75]. Подобной точки зрения придерживается и современный французский переводовед Антуан Берман [19. Р. 1–2].

Смена основных аксиологических приоритетов влечет за собой лингвоэкологические изменения текстов, приводящие к изменениям заглавий и персонажной структуры: в соответствии с основной аксиологической стратегией остранения, используемой, например, В. П. Рудневым, текст его перевода повести Милна озаглавлен «Winnie Пух»; в соответствии с адаптационными стратегиями из текста книги Дж. Харриса изъяты старый негр дядюшка Римус, рассказывающий сказки белому мальчику-плантатору; во французском переводе классический детектив А. Кристи выходит в 2020 г. под названием «Ils étaient dix» («Их было десять»).

В появившихся полемических переводах на русский язык повести Дж. Фаулза «The Ebony Tower» («Башня из черного дерева», пер. И. Бессмертной¹) и романа Дж. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» («Ловец на хлебном поле», пер. М. Немцова²) переводчики используют большое количество сленгизмов, жаргонизмов, сниженной и обценной лексики³. Традиционные решения переводчиков советской школы по компенсаторной замене элементов сленга, жаргонов, диалектов элементами разговорной речи и просторечия не кажутся приемлемыми переводчикам-постмодернистам вследствие их стремления к приданию большей точности и аутентичности новым переводам или вследствие их стремления к «текстлифтингу».

Так, например, К. И. Чуковский дает высокую оценку прецедентному переводу текста Дж. Сэлинджера: «Недавно богатыми ресурсами речи порадовала читателей Рита Райт-Ковалева в своем отличном переводе знаменитого романа Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» («The Catcher in the Rye»). <...> Рита

¹ Фаулз Дж. Пять повестей: Башня из черного дерева. Элидюк. Бедный Коко. Энигма. Туча: повести. Пер. с англ. И. Бессмертной и И. Гуровой. М.: АСТ, 2004. 444 с.

² Сэлинджер Дж. Д. Ловец на хлебном поле / пер. с англ. М. В. Немцова. М.: Изд-во «Э», 2017. 320 с.

³ Ср. гораздо более экологичные с точки зрения языка классические переводы данных текстов («Башня из черного дерева», пер. К. Чугунова; «Над пропастью во ржи», пер. Р. Райт-Ковалевой).

Райт-Ковалева слегка ослабила грубость его языка, но всю выразительность этого жаргона, всю силу и красочность его попыталась полностью передать в переводе. Здесь она обнаружила такое искусство, какое свойственно лишь первоклассным мастерам» [16. С. 117]. Таким образом, компенсаторные замены элементов молодежного сленга разговорно-просторечными элементами языка оцениваются в традиционной парадигме критики перевода положительно.

Однако в переводе романа Дж. Сэлинджера, который был осуществлен переводчиком-постмодернистом Максом Немцовым, подобная аксиологическая шкала уже не актуальна, и лингвоэкологические требования к переводческой этике и эстетике заметно снижаются. Главным критерием ценности постмодернистского перевода становится его новизна, его полемическая противопоставленность прецедентному тексту перевода: начиная с заглавия («Ловец на хлебном поле»), роман должен быть принципиально иным по сравнению с традиционной версией перевода. Одной из ключевых характеристик постмодерна считается его антиосновность [15. С. 70], и эта характеристика находит свое воплощение в новой аксиологии постмодернистского перевода: он должен быть любой ценой противопоставлен переводам предшествующих эпох. Джордж Стайнер полагает, что, «зано-во переводя классику, всякое поколение — в навязчивом влечении слышать максимально близко и точно эхо минувшего — использует язык для построения своего резонирующего прошлого» [13. С. 66]. Стратегия переводческого «текстлифтинга» этому, безусловно, способствует.

При этом переводчик-постмодернист достаточно часто сознательно ставит перед собой задачу достижения как можно большей точности перевода ненормированной лексики, в отличие от функциональной эквивалентности переводов советской школы¹. Достижение подобной точности перевода подразумевает поиск аналогов для элементов сленга или грубо-разговорной речи в языке перевода: *He's got a lot of dough, now*². — *У него теперь грóшеей много*³. В данном примере переводчик выбирает абсолютно точный эквивалент для англоязычной лексемы из молодежного слен-

га *dough* (*грóшии*). То же происходит и в случаях регулярной передачи М. Немцовым нейтральных лексем *parents* и *brother* с помощью сленгизмов *предки* и *брательник*.

Подобные примеры из текстов современных переводов-реинтерпретаций являются, с одной стороны, маркером новой аксиологии постмодернистского переводческого дискурса. С другой стороны, современная тенденция к большей точности и аутентичности перевода позволяет увидеть речь персонажа Дж. Д. Сэлинджера более приближенной к ее англоязычной версии. Анализ новой релятивной аксиологической шкалы невозможен без рассмотрения вопроса «об этической стороне этапа присваивания в переводе, или, скажем так, „преобразования“» [13. С. 27–28]. Переводчик-постмодернист не хочет более довольствоваться традиционной ролью «прозрачного стекла» в переводе; не устраивает его и принципиально «бессубъектный» взгляд на перевод лишь как на процедуру перекодирования смыслов, свойственный эпохе модерна. Но появление фигуры субъекта-переводчика в дискурсе постмодерна осложняется новой аксиологией, которую он в этот дискурс привносит⁴.

Заключение

Релятивная аксиологическая шкала постмодернистского переводческого дискурса базируется на двух ключевых установках постмодерна: его антиосновности, то есть отказе от фундаментальных принципов предыдущих эпох, и его антиреализме, то есть отказе от допущения, что язык способен точно отражать существующую реальность. Первая из установок реализуется в современном переводческом дискурсе за счет появления новых переводов классических текстов, намеренно противопоставляемых прецедентным текстам переводов (стратегия «текстлифтинга»). Данные переводы могут выполняться с учетом требований современного феминистского дискурса или в соответствии с аксиологическими нормами соблюдения прав ВІРОС, зачастую в ущерб структуре и смыслу текста оригинала. Однако, с другой стороны, новые переводы классики и беллетристики могут быть ориентированы на более явную аутентичность текста и, вследствие этого, на более тесный контакт с аудиторией молодых читателей. Антиосновность постмодерна существенно влияет на желание переводчиков кардинально изменить

¹ Ср. подобную полемическую установку на противопоставление нового перевода старому, ставшему прецедентным, в работе [8].

² Salinger J. D. *The Catcher in the Rye*. St. Petersburg : Anthology, 2004. P. 3.

³ Сэлинджер Дж. Д. Ловец на хлебном поле. С. 6.

⁴ См. также размышления о специфике перевода в эпоху глокализации в работе [17. С. 352–358].

даже заглавие переводимого текста для достижения эффекта большей точности и аутентичности перевода по сравнению с закреплённой в принимающей культуре прецедентной версией: появляются «Winnie Пух», «Ловец на хлебном поле», «*Ils étaient dix*» и т. п.

Лингвоэкологическая проблематика постмодернистского переводческого дискурса связана, во-первых, с современной тенденцией к сохранению аутентичного звучания оригинала в отношении стиля и используемой лексики, а во-вторых, с некоторым снижением требований к переводческой этике и эстетике в рамках постмодернистского дискурса. Переводческая этика в подобных ситуациях зачастую подчинена постмодернистской антиэстетике, бросающей вызов фундаментальным принципам классической школы советского перевода. Следствием этого является применение переводчиками с английского языка на русский компенсаторных стратегий глокализации и «текстлифтинга», работающих, с одной стороны, на сохранение большей адекватности оригиналу, а с другой стороны, на адаптационные механизмы переводного текста, перемещаемого в пространство иной культуры. Например, при передаче на русский язык блестящей пародии Дж. Ф. Гарнера «*Политически корректные сказки на сон грядущий*» в качестве компенсаторных переводческих средств для замещения безэквив-

валентной политически корректной лексики используются либо эмоционально-экспрессивные перифразы, либо пародируемые идеологические клише советского политического дискурса.

Установка постмодерна на отказ от реализма в понимании соотношения языка и объективной реальности, выстраивание дискурсивных практик в зависимости от типа взаимоотношений языка и власти также работает на антиосновность постмодернистского переводческого дискурса. Одной из ключевых лингвоэкологических проблем в данном случае является нарочитое снижение норм русскоязычной переводческой речи из-за тенденции к желанию достичь большей точности перевода: «*Башня из черного дерева*» Дж. Фаулза в переводе И. Бессмертной, «*Ловец на хлебном поле*» Дж. Сэлинджера в переводе М. Немцова, «*Полная иллюминация*» Дж. С. Фоера в переводе В. Арканова и пр. насыщены элементами сленга, грубо-просторечной и даже обценной лексикой. Маркеры новой аксиологии современного переводческого дискурса призваны привлечь внимание аудитории, представить реинтерпретации классических текстов как абсолютно новый коммерческий продукт (стратегия «текстлифтинга») и, как следствие этого, могут оказаться знаком лингвоэкологических проблем, с которыми вынуждена сталкиваться аудитория постмодернистского перевода.

Список источников

1. Бойматов У. Ф. Уровни и формы глокализации в социальном процессе глобализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 4 (30). С. 104–110.
2. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
3. Еропкинский П. Текстлифтинг: больше, чем перевод // Мосты. 2015. № 2 (46). С. 75–77.
4. Карасик В. И. Языковые мосты понимания : монография. М. : Дискурс, 2019. 524 с.
5. Карпухина В. Н. Дискурс переводчика-постмодерниста // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники — 2018 : сб. науч. статей междунар. конференции. Барнаул, 2018. С. 1952–1956.
6. Карпухина В. Н. Под «Веселым Роджером» постмодернизма: аксиология интертекстов Бориса Акунина : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 148 с.
7. Карпухина В. Н. Функционирование современного переводческого дискурса: лингвоэкологический аспект // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сборник научных статей / отв. за выпуск М. В. Веккесер. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. Вып. 13 (22). С. 222–227.
8. Карпухина В. Н. Современная детская литература в политически корректном дискурсе: лингвоаксиологический аспект // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 155–167.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
10. Кушнина Л. В., Пылаева Е. М. Экология перевода: современные тенденции и подходы // Вестник Пермского университета. 2014. № 2 (26). С. 70–76.
11. Осокина С. А. Проблемы лингвоэкологии в аспекте теории языка // Межкультурная коммуникация и СМИ : сб. науч. статей / под ред. О. С. Саланиной. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 60–65.

12. Руднев В. П. Винни Пух и философия обыденного языка. М. : Аграф, 2000. 320 с.
13. Сковородников А. П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2013. № 1. С. 205–233.
14. Стайнер Дж. После Вавилонского смешения: Вопросы языка и перевода. М. : МЦНМО, 2020. 645 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Политическая корректность, или языковой такт // Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf> (дата обращения: 31.03.2022).
16. Харт К. Постмодернизм. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.
17. Чуковский К. И. Высокое искусство. СПб. : Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2011. 448 с.
18. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб. : Александрия, 2007. 423 с.
19. Baudrillard J. *Selected Writings*. Stanford : Stanford University Press, 1988. 230 p.
20. Berman A. *La retraduction comme espace de la traduction* // *Palimpsestes*. 1990, no. 4. P. 1–8.
21. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Translation from the French by Geoff Bennington and Brian Massumi Foreword by Fredric Jameson. Minneapolis : the University of Minnesota, 1984. 110 p.
22. Moller D. Dilemmas of Political Correctness // *Journal of Practical Ethics*. 2016. Vol. 4. Issue 1. URL: <http://philarchive.org/archive/MOLDOP> (дата обращения: 02.04.2022)
23. Wikström P. No one is “pro-politically correct”: Positive construals of political correctness in Twitter conversations // *Nordic Journal of English Studies*. 2016, no. 15 (2). P. 159–170.

References

1. Bojmatov UF. The levels and forms of glocalization in the social process of globalization. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija = Bulletin of Voronezh State University. Issue: Philosophy*. 2018;(4(30):104-110 (In Russ.).
2. Breus EV. *Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na anglijskij = The basics of theory and practice of translation: a manual*. Moscow: URAO; 2000. 208 p. (In Russ.).
3. Eropkinskij P. Text lifting: more than translation. *Mosty = The Bridges*. 2015;(2(46):75-77. (In Russ.).
4. Karasik VI. *Yazykovye mosty ponimaniya = Language bridges of understanding*. Moscow: Diskurs; 2019. 524 p. (In Russ.).
5. Karpukhina VN. A postmodernist translator’s discourse. In: *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental’nye problemy nauki i tehniki — 2018 = Lomonosov’s Readings in Altai: The fundamental problems of science and technology — 2018*. Barnaul: Altai State University Publishing; 2018. Pp. 1952–1956. (In Russ.).
6. Karpukhina VN. Pod «Veselym Rodzherom» postmodernizma: aksiologiya intertekstov Borisa Akunina = Under “The Jolly Roger” of postmodernism: intertextual axiology of Boris Akunin. Barnaul: Altai State University Publishing; 2020. 148 p. (In Russ.).
7. Karpukhina VN. Functioning of a contemporary translator’s discourse: language ecology aspect. In: *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnyh statej = A person and a language in the communicative space*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publishing; 2022. Iss. 13 (22). Pp. 222–227.
8. Karpukhina VN. Contemporary children’s literature in the politically correct discourse: axiological linguistic aspect. *Sibirskij filologicheskij zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2019;(4):155-167. (In Russ.).
9. Komissarov VN. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Theory of translation (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshaya shkola; 1990. 253 p. (In Russ.).
10. Kushnina LV, Pylaeva EM. Ecology of translation: contemporary trends and aspects of study. *Vestnik Permskogo universiteta = Bulletin of Perm’ State University*. 2014;(2(26):70-76. (In Russ.).
11. Osokina SA. Problems of linguoecology in the aspect of language theory. In: *Mezhkul’turnaja kommunikacija i SMI = Intercultural communication and mass media*. Barnaul: Altai State University Publishing; 2019. Pp. 60–65. (In Russ.).
12. Rudnev VP. *Vinni Puh i filosofiya obydenного yazyka = Winnie-the-Pooh and the philosophy of everyday speech*. Moscow: Agraf; 2000. 320 p. (In Russ.).
13. Skovorodnikov AP. About the subject of language ecology in the contemporary Russian language. *Ekologija jazyka i kommunikativnaja praktika = Language ecology and communication practice*. 2013;(1):205-233. (In Russ.).

14. Steiner G. *Posle Vavilonskogo smesheniya: Voprosy yazyka i perevoda = After Babel: Aspects of language and translation*. Moscow: MCNMO; 2020. 645 p. (In Russ.)
15. Ter-Minasova SG. Political correctness, or language tact. In: Ter-Minasova SG. *Language and cross-cultural communication*. Moscow: MSU Publ.; 2000. Available from: <http://www.fl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf> (accessed: 31.03.2022). (In Russ.)
16. Hart K. *Postmodernizm = Postmodernism*. Moscow: FAIR-PRESS; 2006. 272 p. (In Russ.)
17. Chukovskij KI. *Vysokoe iskusstvo = The high art*. St. Petersburg: Avalon, Azbuka-Attikus; 2011. 448 p. (In Russ.)
18. Eco U. *Poiski sovershennogo yazyka v evropejskoj kul'ture = The search for the ideal language in European culture*. St. Petersburg: Aleksandrija; 2007. 423 p. (In Russ.)
19. Baudrillard J. *Selected Writings*. Stanford: Stanford University Press; 1988. 230 p.
20. Berman A. *La retraduction comme espace de la traduction. Palimpsestes*. 1990;(4):1-8. (In French)
21. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: a Report on Knowledge*. Tr. from the French by Geoff Bennington and Brian Massumi. Foreword by Fredric Jameson. Minneapolis: the University of Minnesota; 1984. 110 p.
22. Moller D. Dilemmas of Political Correctness. *Journal of Practical Ethics*. 2016;(4(1)). URL: <http://philarchive.org/archive/MOLDOP> (accessed: 02.04.2022).
23. Wikström P. No one is “pro-politically correct”: Positive construals of political correctness in Twitter conversations. *Nordic Journal of English Studies*. 2016;(15(2)):159-170.

Информация об авторах

В. Н. Карпухина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков.

С. А. Осокина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков.

Е. А. Савочкина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков.

Information about the authors

Viktoriya N. Karpukhina — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics, Translation and Foreign Languages.

Svetlana A. Osokina — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics, Translation and Foreign Languages.

Elena A. Savochnikina — Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor, Assistant Professor of the Department of Linguistics, Translation and Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 12.08.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 801.3

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-144-153

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Олег Сергеевич Филатов

Московская международная академия, Москва, Россия, oleg.s.filatov@icloud.com, ORCID: 0000-0002-2369-5437

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода научно-технических текстов на материале текстов нефтегазовой отрасли. В работе фокусируется внимание на основах осуществления научно-технического перевода, а также на важности достижения адекватности и эквивалентности перевода. Также выделяются лексико-семантические особенности перевода научно-технических текстов, которые вызывают трудности при переводе с английского языка на русский. К ним относятся термины, общенаучная и общеупотребительная лексика. Кроме того, делается попытка выявления основных стратегий при переводе этих видов лексики в научно-технических текстах нефтегазовой отрасли с английского языка на русский.

Ключевые слова: научно-технический текст, научно-технический перевод, адекватность, эквивалентность, научно-технические термины, общенаучная лексика, общеупотребительная лексика

Для цитирования: Филатов О. С. Проблема перевода научно-технических текстов: особенности и переводческие стратегии // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 144–153. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-144-153.

Original article

SCIENTIFIC & TECHNICAL TEXTS TRANSLATION PROBLEM: FEATURES AND TRANSLATION STRATEGIES

Oleg S. Filatov

Moscow International Academy, Moscow, Russia, oleg.s.filatov@icloud.com, ORCID: 0000-0002-2369-5437

Abstract. This article dwells upon the scientific & technical texts translation problem based on the oil & gas industry related texts. The article is focused on the basics of scientific & technical translation, as well as the importance to reach the translation adequacy and equivalence. Lexical and semantic translation features pertaining to scientific & technical texts highlighted, causing difficulties when translated from English into Russian. These include terms, general scientific and commonly used lexis. In addition, the attempts are made to identify the main strategies to translate these types of lexis in scientific & technical oil and gas-related texts from English into Russian.

Keywords: scientific & technical text, scientific & technical translation, adequacy, equivalence, scientific & technical terms, general scientific lexis, common lexis

For citation: Filatov OS. Scientific & technical texts translation problem: features and translation strategies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):144-153. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-144-153.

Введение

В условиях глобализации научно-технический перевод приобретает все большую значимость, так как большое количество промышленных предприятий и научных центров из разных стран вступают в тесное взаимодействие друг с другом. В результате этого взаимодействия появляется большое

количество научно-технических текстов: техническая и проектная документация, инструкции, исследования и патенты, которые требуют перевода с иностранного языка на русский и наоборот. Основу любого текста, в том числе и научно-технического, составляют лексика и лексико-семантические связи, с помощью которых формируется внешняя передача информации.

© Филатов О. С., 2023

Таким образом, актуальность настоящего исследования основывается на выявлении трудностей, связанных с передачей лексико-семантических особенностей английских научно-технических текстов на русский язык, что позволяет укрепить и расширить теоретическую базу научно-технического переводоведения, а также выработать стратегии передачи этих особенностей при переводе.

Целью настоящего исследования является изучение основных трудностей и стратегий их преодоления при передаче лексико-семантических особенностей научно-технических текстов в переводе с английского языка на русский.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели применяются следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный анализ, трансформационный анализ, количественный анализ, метод лингвистического описания и др.

Работа теоретически основывается на работах по переводоведению и трудах, посвященных изучению терминов и их лексико-семантических особенностей.

Вслед за К. К. Агузаровой научно-технический текст понимается как специфическая форма речевого произведения, выраженная в виде завершенного письменного документа, особым образом организованная, характеризующаяся наличием специальных языковых средств, специфичным нейтрально-оценочным стилем изложения, «определенной целенаправленностью и прагматической установкой» [1. С. 172]. В статье используется предложенная Л. С. Бархударовым трактовка термина «перевод», под которым понимается «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [3. С. 11]. Исходя из этого, научно-технический перевод решено было определить как особый вид перевода, который предполагает передачу научно-технического текста на языке оригинала средствами языка перевода. Основной задачей переводчика, работающего над передачей научно-технического текста с одного языка на другой, является передача авторской мысли при сохранении начального стиля изложения, то есть научного стиля.

А. В. Жидков и другие исследователи отмечают, что научно-технический перевод проявляется в нескольких формах: реферативный, аннотационный, консультационный, перевод «экс-

пресс-информация», полный письменный перевод [5. С. 100]. В нашей работе объектом исследования является письменный научно-технический перевод. По мнению А. И. Мельниковой, процесс осуществления письменного научно-технического перевода должен осуществляться в несколько этапов:

- 1) знакомство с текстом оригинала;
- 2) черновой перевод;
- 3) редактирование переводного текста (проверка на соблюдение стиля, устранение неточностей, проверка передачи логики повествования, проверка качества перевода, устранение ранее допущенных переводческих ошибок);
- 4) перевод заголовка [7. С. 117].

Исходя из переводческого опыта авторов данного исследования, следует отметить, что наиболее важным этапом, который должен предшествовать этапу чернового перевода и следовать за этапом ознакомления с текстом оригинала, является предпереводческий анализ оригинала. Этап предпереводческого анализа текста предполагает работу с определением авторства текста, основной тематики, цели текста, стиля, жанра, а также выявление тех трудностей, которые предстоит решить переводчику в процессе передачи оригинала средствами языка перевода.

Основной задачей переводчика признается достижение адекватности перевода, под которой, согласно И. С. Алексеевой, понимается «соответствие переведенного текста цели перевода» [2. С. 47]. Такое понимание адекватности перевода связывает ее с оценкой правильности выбора переводческих средств и приемов.

В качестве главной сложности перевода научно-технических текстов рассматривается присутствие в них терминологических единиц. Согласно определению В. М. Лейчика, термины представляют собой «лексические единицы определенного языка для специальных целей, обозначающие общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [6. С. 32]. Термины могут быть выражены словами, словосочетаниями, аббревиатурами и акронимами, что подтверждается исследованиями таких ученых, как Х. Фелбер [10. С. 168]. Перевод терминологии осложняется наличием терминологических единиц, имеющих одновременно несколько значений, которые отличаются в зависимости от сферы технического знания, в которой они используются. В нашей работе для такого явления мы используем термин «межотраслевые полисеманты», который

был введен С. Н. Чистюхиной в ее диссертационной работе «Межотраслевая полисемия в терминологической системе современного английского языка». Исследователь определяет межотраслевой полисемант как «многозначный термин, значения которого относятся к разным областям специальных знаний, но объединены наличием прямой или опосредованной связи между значениями» [9. С. 8]. Отдельное внимание уделяется проблеме терминологической синонимии, в ходе описания которой используется классификация С. В. Гринева-Гриневица, выделяющего два вида терминологических синонимов:

- 1) абсолютные синонимы, которые являются вариантами одного термина;
- 2) дублеты, в которых обнаруживается сходство по значению, но различие по форме и по структуре [4. С. 109–110].

Эмпирический анализ представлен анализом 330 лексических единиц и вариантов их перевода, отобранных методом сплошной выборки. В исследовательскую картотеку вошли как термины, так и общенаучная и общеупотребительная лексика. В качестве источников материала исследования послужили словари, научно-технические тексты нефтегазовой отрасли, среди которых выделяются статьи из научно-технических журналов, проектная документация, техническая часть контрактов и др. Выбор данной отрасли продиктован, прежде всего, тем, что она является одной из самых перспективных в развитии в условиях современного состояния науки и техники.

Результаты исследования и их обсуждение

Термины как основная проблема перевода научно-технического текста

Задачей переводчика является преодоление проблем, возникающих в момент перевода специального технического термина с английского на русский язык.

Так, самая распространенная трудность проявляется при работе со структурными особенностями технических терминов.

Стоит отметить, что все технические термины можно разделить на две группы в соответствии с их структурой: однословные (простые) и многословные (сложные). Из этого следует, что простой термин состоит из одного слова. К таким терминам можно отнести такие слова, как *switch* — *выключатель*, *nut* — *гайка*; *gearbox* — *редуктор*; *cable* — *кабель*. Бывают ситуации, когда формирование однословных технических терминов про-

исходит в процессе трансформации общеупотребительной лексики, например: *nut* — *гайка*; *plate* — *пластина*; *stand* — *стойка*; *pin* — *штифт*.

Практика показывает, что у переводчиков однословные термины редко вызывают трудности. Это связано с тем, что они переводятся прямым способом, т. е. через нахождение слов-эквивалентов в словарной статье, или определением их значений по семантике корневой морфемы и аффиксов.

Перевод производных терминов с английского языка на русский вызывает больше трудностей у переводчика, так как корень и суффикс в них обладают свойством многозначности. Так, например, термин *machining* (от глагола *machine* — *подвергать механической обработке, обработать, выточить*) имеет русское соответствие — *механика, механическая обработка, обтачивание*.

Сложный термин примечателен тем, что образуется из нескольких слов либо из самостоятельных, устойчивых словосочетаний, образующих одно слово: *proximity switch* — *бесконтактный выключатель*; *general air switch* — *главный воздушный выключатель*.

В связи с этим перевод многословных терминов со строгой иерархией компонентов нередко приводит к возникновению определенных трудностей у переводчиков. В таких словах есть строгая смысловая зависимость между компонентами. Здесь новая терминологическая единица образуется через раздельносуммарное значение морфологической и синтаксической связи компонентов.

В рассматриваемой выборке из 330 единиц было обнаружено 120 терминов. Среди них 40 единиц (33 %) приходится на простые (однокомпонентные) термины, а 80 единиц (67 %) — на многословные термины (рис. 1).

Проведенное количественное исследование показывает многочисленность многословных терминов и их численное превосходство над однокомпонентными терминологическими единицами.

Многословные термины состоят из определяемых и определяющих элементов, характеризующихся синтаксическими и семантическими связями. В них определяемые элементы показывают родовые понятия, а определяющие элементы подчеркивают разные признаки определяемого компонента; это может быть цвет, форма, назначение, значение, расположение относительно других предметов, материал, принадлежность к различным объектам или отраслям техники и технологии, характер функционирования, качественные показатели и так далее.

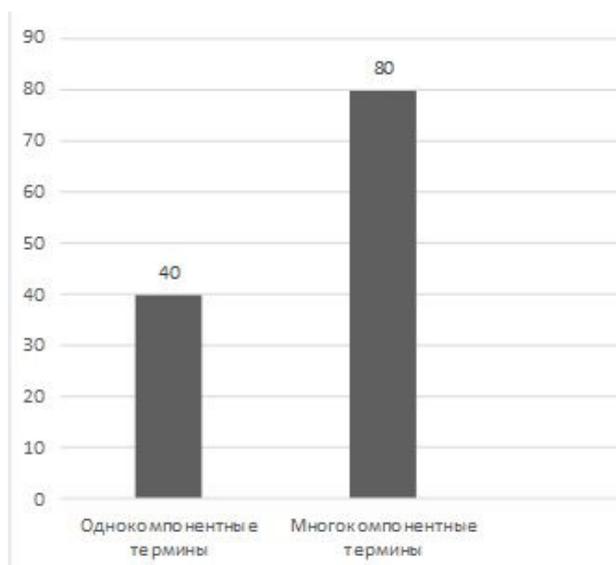

Рис. 1. Соотношение однокомпонентных и многокомпонентных терминов

Fig. 1. Correlation of single-component and multi-component terms

Для осуществления качественного перевода англоязычных научно-технических текстов на русский язык переводчик должен провести лингвистический анализ терминов. Можно выделить следующие случаи по способам подбора переводческих соответствий и раскрытия их значения в двухкомпонентном термине.

Во-первых, оба компонента означают предметы, в которых второй — это часть первого. В таком случае при переводе на русский язык первый компонент — существительное в именительном падеже, а второй — существительное в родительном.

Во-вторых, компоненты обозначают предметы. При этом первый компонент выступает в качестве части второго: *automation take-up* — автоматическое приемное устройство; *proximity switch* — бесконтактный выключатель; *outside power* — внешнее питание. После перевода на русский язык становится понятным, что прилагательное является первым компонентом, а существительное в именительном падеже — вторым.

В-третьих, первый компонент обозначает предмет, а с помощью второго ему придаются характеристики, такие как вес, площадь, длина, толщина и другие: *flow-rate speed* — скорость расхода; *tension size* — размер натяжения; *cable diameter* — диаметр кабеля; *traversing pitch* — шаг раскладки; *motor power* — мощность двигателя; *clamp force* — сила зажима. В таком случае существительным в родительном падеже является второй компонент, а существительным в именительном падеже — первый.

В-четвертых, это тот случай, когда для обозначения предмета используется первый компонент, а для обозначения действия, которое происходит с предметом или совершается над ним, — второй: *left boundary fine turning* — поворот левой границы; *traversing stop reversing angle* — остановка перемещения угла реверсирования; *take-up servo amplifier setting* — установка усилителя приемного устройства. В такой ситуации первый компонент является существительным в именительном падеже, а второй — существительным в родительном падеже.

В-пятых, первый элемент обозначает вещество (газ, жидкость, твердое вещество — металл, материал и т. д.), а второй — предмет: *steel plate* — стальная пластина; *metal block* — металлический блок; *rubber hose* — резиновый шланг. В переводе этот термин будет иметь вид «определение + существительное». Такой перевод можно считать правильным, если первый компонент обозначает материал (вещество), из которого сделан предмет, выраженный вторым компонентом.

Дополнительно отметим, что существует особая группа терминов, которые по своей сути являются терминологическими словосочетаниями, где межкомпонентная связь представляет собой предлоги: *direction of take-up* — направление приемного устройства; *pin of the drill bit* — штифт долота; *trail of vertical shaft* — дорожка вертикального вала; *screw of guide shaft* — винт направляющего вала; *width of drill rope rail* — ширина катушки бурового троса; *state of left traversing* — состояние левого траверса; *chain wheel of the safety friction clutch* — цепное колесо предохранительного фрикционного диска. Здесь для перевода термина на русский язык применяется способ преобразования в форму родительного падежа компонентов, следующих за предлогом «of», и передачи формой именительного падежа тех компонентов, которые предшествуют предлогу.

Стоит отметить, что одной из отличительных черт текстов технической направленности является нередкое использование словосочетаний, не связанных предлогами *to*, *of*, *from* и т. д. В качестве примера можно привести следующие конструкции: *tension control mode* — режим регулирования натяжения; *reversing position value* — значение положения реверсирования; *electric control cabinet* — электрический шкаф управления, и т. д. Важно, что в приведенных выше терминологических сочетаниях ключевым значением обладают последние слова, в то время как предшествующие нужны для их определения. В процессе перевода

англоязычного текста на русский язык переводчик осуществляет перестановку компонентов, где ключевой компонент чаще всего помещается в начальные позиции структуры термина.

Еще одна переводческая проблема состоит в существовании терминов-полисемантов. Примером межотраслевого полисеманта может служить слово *take up*, которое в технической документации означает *приемный шкив*; в биологии — *поглощение*; в бурении скважин — *натяжное устройство*; в кабельном производстве — *приемное устройство*. В таких случаях выбор варианта перевода термина должен быть осуществлен в зависимости от тематики текста и его области функционирования.

Помимо межотраслевой полисемии, при переводе научно-технических текстов переводчик нередко имеет дело с внутриотраслевой полисемией. Примером внутриотраслевой многозначности термина может служить термин *oil*, который в английской терминологии нефтегазовой отрасли может означать не только *нефть* (сырье), но и продукт переработки нефти — *масло* (ср. *crude oil* — *сырая нефть*, *white oil* — *белое масло*). В таких случаях переводчик должен ориентироваться на контекст.

Трудности при переводе научно-технических текстов нефтегазовой отрасли вызывает проявление в терминологии такого явления, как синонимия. В рамках нашего исследования синонимия в терминологии рассматривается как одно из явлений, присутствующих в терминологии, которое характеризует терминологию как систему. Термины-синонимы, образующие синонимические ряды, как правило, образуются из-за различных точек зрения людей на наименование и понимание одного и того же понятия, объекта или явления. Так, например, в терминологии нефтегазовой отрасли существует понятие «минерал из группы битумов, являющийся смесью твердых насыщенных углеводородов парафинового ряда с жидкими нефтяными маслами и смолистыми веществами». В русском языке данному понятию соответствуют два термина *горный воск* и *озокерит*. В английской терминологии нефтегазового дела для обозначения данного понятия существует ряд терминов: *mout in wax*, *nature paraffin*, *earth wax*, *mineral wax* [8. С. 18]. Вследствие развития терминологии из синонимического ряда выбирается один термин, который наиболее соответствует предъявляемым к нему требованиям.

Терминологическая синонимия должна учитываться при переводе научно-технических текстов

нефтегазовой отрасли. Анализ примеров употребления терминов-синонимов в текстах позволил выделить несколько видов терминов-синонимов и стратегий их перевода на русский язык.

К абсолютным синонимам относятся такие термины, как *vacuum* — *negative pressure*; *reservoir* — *tank*; *steam engine lubricant* — *cylinder oil*. Термины-синонимы, относящиеся к данной группе, обладают следующими признаками: термины, входящие в один синонимический ряд, могут быть однословными и многословными, образованы от разных корневых морфем, имеют различное происхождение, в их структуре не отмечается наличие одного и то же ключевого компонента.

К терминам-дублетам относятся такие термины-синонимы, как *crude oil* — *crude petroleum*; *coolant* — *cooling agent*; *gas to liquids* — *GTL*. В отличие от абсолютных терминов-синонимов, термины одного синонимического ряда, как правило, имеют похожую структуру, в которой может быть один или более одинаковый компонент. Также в группу терминов-дублетов могут входить термины, являющиеся сокращенным вариантом другого термина, образованным посредством аббревиации.

Основной стратегией перевода абсолютных синонимов является использование переводческих эквивалентов, например: *gasoline*, *petrol* — *бензин*; *odorant*, *skunk oil* — *одорант*; *slate*, *shale* — *сланец*; *oil*, *petroleum* — *нефть*, *нефтепродукт*. Как видно из приведенных примеров, нескольким английским терминам-синонимам могут соответствовать как один, так и несколько русских терминов.

При переводе терминов-дублетов могут также использоваться прямые эквиваленты, как в случае перевода терминов (*refinery waters*, *waste water* — *сточные воды*; *crude oil*, *crude petroleum* — *сырая нефть*), либо создаваться термины с похожей структурой (*coolant*, *cooling agent* — *хладагент*, *холодильный агент*).

При переводе терминов-дублетов, один из которых является полной формой термина, а другой — его аббревиатурой, полная форма переводится либо эквивалентом, либо созданием нового термина при помощи трансформаций. Аббревиатура может быть передана как с помощью аббревиатуры на русском языке, созданной на основе расшифровки исходной аббревиатуры и аббревиации получившегося многословного термина, так и с помощью англоязычной аббревиатуры без изменений (иногда в сочетании с полной формой термина). Данное обстоятельство можно проиллюстрировать следующими примерами.

The purpose of the liquefied natural gas (LNG) plant is to produce liquefied natural gas by cooling and liquefying the treated gas followed by selling it to consumers. — Целью завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) является производство сжиженного природного газа путем охлаждения и сжижения подготовленного газа.

The SDVs shall be provided on the outlet lines at a minimum distance from the vessel outlet. — Отсечные клапаны (SDV) устанавливаются на линиях выхода на минимальном расстоянии от выхода из емкости.

При передаче на русский язык некоторые аббревиатуры могут изменять свою структуру. Например, аббревиатура *G&M* расшифровывается как *Goods and Materials*. При переводе на русский язык полная форма термина теряет соединительный союз *and*, но приобретает дополнительный компонент *ценности* — *товарно-материальные ценности*. При этом в русском варианте аббревиатуры знак *&* утрачивается, но появляется буква *Ц*, которая является сокращением лексического добавления — *ТМЦ (товарно-материальные ценности)*.

При переводе на русский язык некоторых однословных терминов также могут использовать-

ся русские аббревиатуры. Так, например, термин *instrumentation* передается на русский язык аббревиатурой *КИП* (контрольно-измерительные приборы), которая является наиболее удачным терминологическим соответствием исходному термину:

Instrumentation and fire and gas detectors — КИП и устройства обнаружения пожара и загазованности.

Следует также отметить, что при использовании двух вариантов терминов в тексте нефтегазоперерабатывающей отрасли перевод терминов-дублетов, один из которых является аббревиатурой, должен осуществляться по следующей схеме:

в начале текста приводится полная форма переводного термина и его аббревиатура (приведение аббревиатуры может быть осуществлено с использованием знаков «кавычки» или «скобки»);

дальнейшее использование аббревиатуры вместо полной формы термина.

Было проведено количественное исследование присутствующих в выборке примеров однозначных и многозначных терминов, а также терминов, имеющих синонимы. Результаты подсчетов приведены в таблице.

Количественное соотношение однозначных, многозначных терминов и терминов, имеющих синонимы

The quantitative ratio of single-valued, polysemantic terms and terms that have synonyms

Тип термина	Количество единиц	Доля в процентах
Однозначные термины, не имеющие синонимов	82	68 %
Многозначные термины	7	6 %
Термины, имеющие синонимы	30	25 %

В случаях, когда для образования термина была заимствована единица общей лексики, при оценке параметра однозначности/многозначности учитывалась только терминологическая семантика. Некоторые термины (как, например, единица *oil*) одновременно являются многозначными, имеют синонимы и учитываются в двух группах. По результатам проведенного исследования было выявлено, что значительное число терминологических единиц (25 %) имеет синонимы, а 6 % исследуемых терминов относится к многозначным.

Общенаучная лексика и стратегии ее передачи при переводе

Помимо терминов в научно-технических текстах нефтегазовой отрасли используется боль-

шой объем общенаучной лексики. Прежде всего, общенаучная лексика в научно-технических текстах нефтегазовой отрасли представлена интернациональной лексикой, к которой можно отнести такие лексемы, как: *technologies*, *adequate*, *ideal* и другие. Одни имеют в русском аналоги, характеризующиеся общим происхождением и значением. Другие относятся к разряду так называемых ложных друзей переводчика, которые представляют дополнительную трудность при переводе с английского языка на русский. Рассмотрим несколько примеров.

Интернациональная лексическая единица *technology* имеет в русском языке эквивалент *технология*. Такого рода лексика не вызывает больших трудностей при переводе. Однако при переводе на

русский язык предложений типа *Advances in technologies used for well drilling and completion have enabled the energy industry to reach new sources of oil and natural gas to meet rising demand around the world* требуется использование уточняющих, логически обоснованных лексических добавлений: *Достижения в области технологий бурения и освоения скважин позволили энергетике выйти на новые источники нефти и природного газа для удовлетворения растущего спроса во всем мире.*

При переводе таких лексических единиц, как *adequate, ideal, marginally, candidate* и др. от переводчика требуется мастерство интерпретации смыслов, заключенных в контексте. Например, при передаче на русский язык таких словосочетаний, как *adequate pressure; candidate fumer compositions; ideal delivery promise date; massive pipeline failures; permanent change* дословный перевод с использованием прямых эквивалентов выделенных слов приведет к искажению смысла текста. Адекватный перевод таких словосочетаний возможен при глубоком анализе значений данных лексических единиц и передаче их с помощью лексических единиц языка перевода, которые отражают точный смысл исходных словосочетаний: *adequate pressure* — *правильно подобранное давление*, *candidate fumer compositions* — *представляющие интерес газообразующие составы*; *ideal delivery promise date* — *прогнозная гарантийная дата поставки продукции*; *massive pipeline failures* — *сильные повреждения труб*; *permanent change* — *необратимое превращение*.

К общенаучной лексике также следует отнести некоторые глаголы, которые употребляются в научно-технических текстах вместо общеупотребительных глаголов. Так, глаголы *to assert, to state, to reply* употребляются вместо общеупотребительных глаголов *to say* и *to write*, а глагол *to purify* является стилистическим синонимом нейтрального глагола *to clean*. При переводе на русский язык переводчик должен подбирать данным глаголам такие эквиваленты, которые помогают сохранить стиль научного изложения материала средствами языка перевода, например: *The expected MV distribution level at the plant is 10 kV as stated in specifications listed in the Appendix 04.1.1 to the Contract.* — *Предполагаемый уровень распределения для напряжения СН на заводе равен 10 кВ, как указано в технических условиях, перечисленных в дополнении 04.1.1 контракта.*

В данном случае использование в качестве варианта перевода английского глагола *to state* рус-

ского глагола *указывать* продиктовано стремлением переводчика сохранить научный стиль повествования, а также стремлением следовать узальным нормам языка перевода.

К общенаучной лексике, помимо отдельных слов, относятся также устойчивые выражения и клише: *as for; as a result of; for the purpose of; in accordance with; according to; provided; providing*. Многие из этих клише имеют прямые соответствия в русском языке. Однако при переводе на русский язык такого рода переводчик может столкнуться с некоторыми нюансами.

Например, специфичный для научного стиля оборот *as for* можно спутать с случаями, когда *as for* является частью других выражений. Рассмотрим два примера.

1. *As for the Guard Houses of the LNG Plant, these buildings will be located inside the LNG permanent fence.*
2. *For pipeline routes (low supports, pipe-racks, trenches, etc.) the same B.L. apply as for the pipelines they support.*

В первом примере *as for* является клишированным выражением, которое в русском языке имеет прямое соответствие *что касается...* Таким образом, первое предложение может быть переведено на русский язык следующим образом: *Что касается помещений охраны завода по производству СПГ, то эти здания будут расположены внутри постоянного ограждения завода по производству СПГ.*

Во втором примере *as for* является часть оборота *the same... as*, и данное предложение может быть переведено на русский язык так: *Для трасс трубопроводов (низкие опоры, эстакады, траншеи и др.) применяются те же B.L., что для трубопроводов, которые они поддерживают.*

Таким образом, для адекватного и эквивалентного перевода предложений с клише и устойчивыми выражениями переводчику необходимо правильно интерпретировать элементы оригинального текста и выбирать соответствующие приемы перевода.

Общеупотребительная лексика в научно-технических текстах и стратегии ее передачи на русский язык

Общеупотребительная лексика, используемая в научно-технических текстах нефтегазовой отрасли, также очень разнообразна. В рамках нашего исследования наиболее интересным представляется пласт общеупотребительной лексики, которая помогает отразить лексико-семантические связи между элементами текста различных

уровней. Так, для связи слов в предложениях используются различные предлоги: *in, on, upon, for, before* и др. Следует отметить, что значения предлогов в английском и русском языках имеют расхождения. Вследствие этого от переводчика требуется высокий уровень знания обоих языков: языка оригинала и языка перевода.

Рассмотрим данное обстоятельство на примере перевода словосочетаний с предлогом *of*. В первом примере предлог *of* выражает отношение действия к объекту этого действия через представление действия с помощью имени существительного. В таких случаях предлог *of* нередко опускается при переводе, а объект действия передается существительным в форме родительного падежа: *cabling and installation of other electrical materials and equipment* — прокладка кабелей и монтаж прочих электро материалов и электрооборудования.

Во втором примере предлог *of* выражает отношение содержания речи, доклада, уведомления и т. д. В данном случае при переводе на русский язык используется предложный падеж имени существительного с предлогом *о (об)*: *the relevant notification of the hold points* — соответствующее уведомление об испытаниях с приостановкой работ.

Для связи частей в составе одного предложения и нескольких предложений в тексте в научно-технических текстах используются союзы. Некоторые из них, такие как *as, that, since, and*, являются многозначными и вызывают трудности при переводе на русский язык. Так, при переводе на русский язык следующего предложения переводчик устанавливает, что союз *and* выполняет функцию соединения и передается на русский язык соответствующим союзом *и*: *The Contractor shall plan, coordinate and monitor works performed by Subcontractors on Site.* — Подрядчик осуществляет планирование, координацию и контроль работ, выполняемых Субподрядчиками на Площадке.

В другом случае союз *and* используется для противопоставления действий двух сторон, поэтому передается на русский язык противительным союзом *а*: *Site documentation management procedure shall be prepared by the Contractor and approved by the Owner within one (1) month of the Contract Date.* — В течение одного (1) месяца с Даты Контракта Подрядчик подготавливает, а Заказчик согласовывает Порядок ведения документооборота на Площадке.

Еще одним средством выражения лексико-семантических связей в научно-технических текстах являются атрибутивные конструкции, в кото-

рых в качестве определения к имени существительному используется одно или несколько имен существительных. Такие конструкции также могут вызывать трудности при переводе и требуют от переводчика поиска оптимальных стратегий перевода.

Так, например, при анализе конструкции *insulation integrity testing* можно выделить ключевой компонент *testing*. Второй компонент конструкции выражает признак, которым должен обладать первый компонент конструкции. Таким образом, данная конструкция переводится на русский язык словосочетанием *проверка сплошности изоляции*, в котором учтены все лексико-семантические связи исходной конструкции.

Иногда атрибутивные конструкции требуют при переводе на русский язык лексических добавлений в виде предлогов, как в случае с переводом словосочетания: *quality requirements* — требования по качеству.

Кроме того, определитель, выраженный именем существительным, нередко требует смыслового развития при переводе, что способствует соблюдению норм лексической сочетаемости на языке перевода и достижению адекватного восприятия перевода читателем научно-технического текста: *steel building* — здание из стальных конструкций.

Следует отметить, что семантические отношения в научно-технических текстах нефтегазовой отрасли могут выражаться не только с помощью отдельных слов, но и с помощью специальных морфем. Так, в лексеме *saline* суффикс *-ine* выражает отношение содержания, присутствия в составе чего-либо. При переводе словосочетания *saline wastewater* переводчик может прибегнуть к приему калькирования и передать данную морфему корневой морфемой: *солесодержащие сточные воды*.

В рамках данной статьи рассмотрены лишь некоторые трудности перевода научно-технических текстов нефтегазовой отрасли, которые проявляются на лексико-семантическом уровне. Однако любая трудность требует решения, которое может быть достигнуто посредством применения специальных переводческих стратегий.

Заключение

Научно-технические тексты нефтегазовой отрасли характеризуются высокой информативностью, четкой структурой, точностью формулировок и другими характеристиками, которые должны быть учтены при переводе с английского языка на русский. Перевод научно-технических

текстов представляет собой сложный процесс передачи научно-технической информации с исходного языка средствами языка перевода, который предполагает выполнение нескольких этапов.

Главное, к чему должен стремиться переводчик, — это адекватность и эквивалентность перевода. Эквивалентности и адекватности перевода невозможно достичь без анализа и учета при переводе лексико-семантических особенностей научно-технических текстов. К таким особенностям относятся научно-технические термины, общенаучная лексика, общеупотребительная лексика.

При переводе терминов нефтегазовой отрасли необходимо учитывать их структуру, а также такие явления, как многозначность и синонимия. Однословные термины, как правило, не вызывают трудностей при переводе и имеют эквиваленты в русской нефтегазовой терминологии. Перевод многословных терминов должен осуществляться через анализ их семантической структуры и связей между элементами. При переводе многословных терминов чаще всего требуются переводческие трансформации. Стратегия перевода терминов-синонимов зависит главным образом от их видов и особенностей их употребления в тексте. Многозначность терминов при переводе научно-технических текстов нефтегазовой отрасли также вызывает трудности. Выбор варианта перевода многозначного термина на русский язык зависит от вида многозначности (внеотраслевая и внутриотраслевая) и контекста. Основными стратегиями перевода терминов в научно-технических текстах нефтегазовой отрасли являются

использование эквивалента, калькирование, модуляция (смысловое развитие), перестановка компонентов, лексические добавления.

В качестве примеров общенаучной лексики, употребляемой в научно-технических текстах нефтегазовой отрасли, были рассмотрены интернациональная лексика и ложные друзья переводчика, глаголы, используемые в научных текстах, устойчивые выражения и клише. Интернациональная лексика, как правило, передается на русский язык эквивалентами, в то время как ложные друзья переводчика требуют использования переводческих трансформаций: генерализации, конкретизации, модуляции. Глаголы, устойчивые выражения и клише требуют выбора эквивалентов в русском языке, которые позволят сохранить стиль изложения материала.

Общеупотребительная лексика часто служит в научно-технических текстах нефтегазовой отрасли для реализации лексико-семантических связей между элементами текста. К таким лексическим единицам можно отнести предлоги и союзы, адекватная передача которых на русский язык возможна при правильной интерпретации их значений. Также рассмотрены имена существительные, употребляемые в качестве определителя в атрибутивных конструкциях. При их переводе на русский язык переводчику нередко требуется прибегать к переводческим трансформациям: лексическим добавлениям, модуляциям, перестановкам. Семантические связи могут выражаться не только отдельными словами, но и морфемами, которые требуют от переводчика особых умений при передаче их значений на русский язык.

Список источников

1. Агузарова К. К. Особенности перевода английского научно-технического текста // Науки о земле: Труды молодых ученых. 2010. № 1. С. 171–175.
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Academia, 2004. 352 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М. : Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминоведение. М. : Московский лицей, 1993. 309 с.
5. Жидков А. В. Понятие «научно-технический перевод» // Science Time. 2014. № 4. С. 99–102.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
7. Мельникова А. И. Научно-технический перевод и его виды // Язык и культура (Новосибирск). 2015. № 17. С. 116–120.
8. Тараканов Г. В. Основные термины в нефтегазопереработке. Краткий справочник. Астрахань : Изд-во АГТУ, 2011. 100 с.
9. Чистюхина С. Н. Межотраслевая полисемия в терминологической системе современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 28 с.
10. Felber H. Terminology manual. Paris : Unesco and Infoterm, 1984. 426 p.

References

1. Aguzarova KK. English scientific and technical text translation features. *Nauki o zemle: Trudi molodih uchenih = Geosciences: Proceedings of Young Scientists*. 2010;(1):171-175. (In Russ.).
2. Alekseeva IS. Vvedenie v perevodovedenie = Introduction to Translation Studies. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moscow: Academia; 2004. 352 p. (In Russ.).
3. Barhudarov LS. Yazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda = Language and translation. Issues of general and particular translation theory. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1975. 240 p. (In Russ.).
4. Grinev-Grinevich SV. Vvedenie v terminovedenie = Introduction to terminology. Moscow: Moskovskij licej; 1993. 309 p. (In Russ.).
5. Zhidkov AV. Ponyatie «nauchno-tekhnicheskij perevod» = The notion “scientific and technical translation”. *Science Time*. 2014;(4):99-102. (In Russ.).
6. Lejchik VM. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura = Terminology: Subject, Methods, Structure. Moscow: LIBROKOM; 2009. 256 p. (In Russ.).
7. Mel'nikova AI. Scientific and technical translation and its types. *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk) = Language and culture (Novosibirsk)*. 2015;(17):116-120. (In Russ.).
8. Tarakanov GV. Osnovnye terminy v neftegazopererabotke. Kratkij spravochnik = Basic terms in oil and gas refining. The brief guide. Astrahan': AGTU Publ.; 2011. 100 p. (In Russ.).
9. Chistyuhina SN. Mezhotraslevaya polisemiya v terminologicheskoy sisteme sovremennogo anglijskogo yazyka = Inter-industry polysemy in the terminological system of modern English. Abstract of thesis. Moscow; 2011. 28 p. (In Russ.).
10. Felber H. Terminology manual. Paris: Unesco and Infoterm, 1984. 426 p.

Информация об авторе

О. С. Филатов — магистр лингвистики.

Information about the author

Oleg S. Filatov — Master of Linguistics.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 12.08.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.